

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ЛАНА ЕЖОВА

ГЕРОЙ МОИХ ГРЕЗ
И КОШМАРОВ

Annotation

Целительница без диплома, я ожидала неприятностей с первых дней своей авантюры, но совсем не такого разоблачения! Привычной жизни пришел конец с приездом въедливого инспектора по делам чародеев.

Обвинения, покушения, похищения – все это связано с появлением прославленного (и очень циничного!) героя последней войны с демонами.

Мне есть что терять, ему – нет. И я готова пойти на все, лишь бы сберечь свои тайны и главную ценность в жизни. Вот только поможет ли холодный расчет там, где зарождаются нежные чувства?

-
- [Лана Ежова](#)
    -
    - [Часть 1](#)
      - [Глава первая, в которой дамы летают, а господа непристойны](#)
      - [Глава вторая, в которой дамы планируют обвести господ вокруг пальца](#)
      - [Глава третья, в которой происходит то, что непозволительно в первый день знакомства](#)
      - [Глава четвертая, в которой идет честный дележ мужчин](#)
      - [Глава пятая, в которой происходит более тесное знакомство](#)
      - [Глава шестая, в которой инспектор играет в детектива](#)
      - [Глава седьмая, в которой одни проявляют героизм, другие – занудство](#)
      - [Глава восьмая, в которой Джемма недоумевает и гневается](#)
    - [Часть 2](#)
      - [Глава девятая, в которой есть поцелуи, соль моря и девичьих слез](#)
      - [Глава десятая, в которой боги шутят](#)
    - [Часть 3](#)

- [Глава одиннадцатая, в которой новая жизнь удивляет](#)
  - [Глава двенадцатая, в которой Джемма не желает играть навязанную роль](#)
  - [Глава тринадцатая, в которой раскрывается особый секрет герцога](#)
  - [Глава четырнадцатая, в которой Джемма встречается с прошлым лицом к лицу.](#)
  - [Глава пятнадцатая, в которой происходят неожиданные метаморфозы](#)
  - [Глава шестнадцатая, в которой ночь насыщеннее дня](#)
  - [Глава семнадцатая, в которой есть шипы роз и давних обещаний](#)
  - [Глава восемнадцатая, в которой совет Хельца воплощается в жизнь и чародей получает самый лучший подарок](#)
  - [Глава девятнадцатая, в которой каждый получает свое](#)
  - [Глава двадцатая, в которой есть последние тайны прошлого](#)
-

Лана Ежова
Герой моих грез и кошмаров

© Ежова Л., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть 1

Глава первая, в которой дамы летают, а господа непристойны

– Лорд Аламейский... ваше чародейство, я прошу о снисхождении, – смиренно проговорила я, опуская голову и делая шаг вперед.

Острый носок туфельки зацепился за край ковра – я споткнулась и, полетев с высоты каблуков, рухнула на колени.

Рухнула прямо между разведенных ног сидящего в мягком кресле лорда инспектора.

Боль стерло потрясение, что я упала. Все еще не веря, что это произошло, невольно отметила крепость мужских бедер, обтянутых черными замшевыми штанами, качество кожаных сапог. Ощутила жар чужого тела и терпкий запах парфюма. И лишь потом осознала, как близко – как неприлично близко – нахожусь!..

– Госпожа Рутшер, это уже чересчур, – ядовитым тоном произнес чародей. – Поднимитесь.

Я торопливо встала, приводя в порядок платье. Кажется, падая, порвала его сзади, если треск мне не послышался.

Мои щеки горели от стыда и унижения, хотелось бежать прочь, но я сдержала порыв. Есть нечто гораздо важнее, чем гордость.

– Чересчур – это значит, вы дадите мне шанс, ваше чародейство?

– Это значит, госпожа целительница без диплома, что ваша вина настолько велика, что смотреть сквозь пальцы я не могу. Указ короля справедлив и вышел не без оснований.

Пол зашатался под ногами, скромная обстановка кабинета поплыла перед глазами.

– Никак? Совсем-совсем?..

Обходительный чародей поддержал под локоть и сопроводил к дивану, накрытому пледом, который сплела молодая жена директора.

– Отчего же совсем никак? – вкрадчиво произнес инспектор.

Оставшись рядом, он навис надо мной темной громадой. Если вчера, при первой встрече, он показался мне болезненно худощавым, теперь я видела, что ошибалась. Жилистый, сильный, опасный.

– Предлагайте плату за молчание, госпожа Рутшер, торгуйтесь.

Я не поняла намека и нахмурилась.

– Что, не собираетесь предлагать мне взятку?

– А вы возьмете? – Удивившись неожиданному вопросу, я не удержалась от шпильки: – Даже и не представляю, сколько предложить потомственному аристократу, герою войны, которому король щедро пожаловал титул герцога и земли с рудниками церигия.

– Однако... впервые мне не предлагают деньги. Тогда, быть может, древний родовой артефакт, которому нет цены, и инструкции, как им пользоваться, тоже нет?

Въедливый чародей явно кого-то цитировал. Неужели его пытались подкупить так неуклюже?

Вздыхнув, я честно призналась:

– Я могу лишь просить, уповая на ваше милосердие. Предлагать взятку тому, у которого все есть, невообразимая глупость.

Инспектор криво ухмыльнулся, и один из его шрамов исказился еще сильнее.

– Допустим, к своей любовнице я был бы снисходительнее.

– К любовнице?..

– Временной, – милостиво уточнил мужчина. – Всего одна ночь – и на ваши маленькие игры с законом я закрою глаза.

Меня бросило в жар, затем в холод, когда я зацепилась взглядом за белый шрам на загорелом лице высокопоставленного мерзавца – от правого виска и до волевого подбородка. Шрам от когтя демона, его сложно свести. Но отталкивал меня не он.

Слухи о лорде Аламейском, королевском инспекторе, страшные: утверждают, что он жесток и беспринципен и может легко нарушить слово.

– Итак, госпожа Рутшер, ваше решение, – поторопил он с ответом. Волной накатили воспоминания.

*Холодные руки на моих плечах, оскорбления, жгущие поцелуи...
Вываться, сбежать любой ценой!*

Тяжело дыша, я вернулась к реальности и помотала головой. Нет, один раз судьба меня пощадила, повторений я не хочу!

Мужчина отодвинулся, повернулся спиной и презрительно бросил:

– Я так и думал. У таких, как вы, жертвенность только на словах.

Как пьяная, пошатываясь, я вышла из кабинета. Нет, не смогу...
Должен быть иной выход.

– Джемма, что с вами?

Я резко обернулась. Только лорда Грэхема и не хватало!

– Вы были в кабинете директора? Что вы там забыли? – спросил ненавистный мужчина и тотчас всполошился: – Джемма, что это?..

Голубоглазый блондин бесцеремонно схватил меня за плечо, притягивая ближе.

Отведя резко руку назад, я вырвалась из захвата и устремилась прочь по коридору.

– Кажется, я понял, Джемма, – едко произнес лорд Грэхем. – У вас юбка порвана. Не выдержала страсти проверяющего?

Я проигнорировала скабрёзный выпад, который в этот раз был недалек от цели.

Грэхем, неудовлетворенный моим молчанием, догнал в три шага и толкнул в пустой класс артефакторики. Захлопнув дверь, прислонился к ней спиной. Нехорошая улыбочка скользнула по бледным губам.

– Что, бегала жаловаться на меня к лорду инспектору? А с тебя потребовали плату?

Я молчала. Оправдываться перед этим слизняком? Еще чего не хватало!

– Ты видела его лицо? А тело, ходят слухи, еще хуже. Джемма, моя сладкая Джемма, уж лучше я, чем он!

И предсказуемо лорд Грэхем протянул ко мне свои бесцеремонные руки. Я ждала этого. И на поползновения ответила ударом. Кровь брызнула на светло-серый форменный сюртук.

– Мой нос! – гундосо взвыл лорд.

Одной рукой зажимая пострадавший орган, второй он взмахнул, призывая стихию воды.

На его голубую сферу я ответить не успела. Дверь открылась, ударя лорда по спине.

– Что здесь происходит?

Королевский инспектор был серьезен, хмур и, как мне на миг показалось, даже готов спеленать Грэхема подчиняющим заклинанием.

– Ничего, – торопливо ответил Грэхем. – Я разбил нос, а целительница Рутшер меня лечила.

– Это так? – строго поинтересовался инспектор.

Я кивнула. Сдавать Грэхема не в моих интересах: он племянник градоначальника, а в этом городе мне еще жить. Да и не накажут его за приставание, зато моя персона окажется в центре скандала и то, что я скрываю несколько лет, может сломать жизнь не только мне.

– И в благодарность за лечение вы решили приложить госпожу Рутшер «водяной»? – чуть расслабившись, съязвил лорд Аламейский.

– Грэхем целился в паука, который меня напугал, – соврала я, выгораживая негодяя.

– Выходит, мне привиделось, что к вам приставали, госпожа Рутшер?

Я вскинула глаза на инспектора. Тон такой, как будто он искренне возмущен возможным, словно сам не предлагал несколько минут назад непристойности.

– Ваше чародейство, у меня нет претензий к лорду Грэхему, – ответила осторожно, опасаясь проверки на ложь.

– Я не пристаю к коллегам! – возмущенно заявил блондин. – У меня безупречная репутация, спросите у директора.

Чародей вскинул изломанную шрамом бровь.

– Спросить у мертвеца сложно, если вы не некромант.

Рой мыслей пронесся в голове, из них две самые важные: инспектор нашел в работе нашей школы нечто, за что директору полагается смертная казнь? Даже если так, зачем называть мертвецом еще не осужденного человека?

Грэхем оказался быстрее на расспросы.

– Простите, вы о чем сейчас, лорд Аламейский? Нашему директору не нужен некромант!

– Ошибаетесь. – Инспектор махнул рукой, указывая направо.

Мы с Грэхемом дружно повернулись.

Как я раньше не заметила? Из-под стола с элементарными заготовками для артефактов торчала нога в знакомом темно-коричневом ботинке. Неприлично старом и поношенном.

– Директор Вандур... – прошептал Грэхем, который тоже узнал обувь начальника.

Еще секунда ступора – и я вспомнила, кто тут целитель.

– Пропустите!

Я бросилась к человеку, нуждающемуся в помощи.

– Он мертв, – донеслось в спину невозмутимое.

Как определил? Он же не целитель. Хотелось фыркнуть возмущенно, но приличные дамы так не поступают.

Создав парящий в воздухе «огонек», я опустилась на колени и забралась под стол. Мертвенно-белая кожа, ледяная ладонь... Инспектор прав: директор Вандур мертв. Давно мертв. И все же заклинание диагностики, чтобы убедиться, необходимо.

Еще не успела получить результат, как ощутила отталкивающий запах крови. Да здесь же все провоняло ею! Как не поняла сразу? Обоняние отказало под напором не по-мужски сладковатых духов Грэхема?..

Под затылком директора – лужица крови. Ему разбили голову?.. Или сам упал?

У окна темнел развод на дощатом полу – след, затертый, но недостаточно. Труп перетащили оттуда под стол?

Судя по количеству крови, вытекшей на пол, после удара директор долго был жив. Приди в кабинет кто-то раньше, его можно было бы спасти.

От предположения стало дурно.

– Господину Вандуру уже не помочь, зато сейчас вы помогаете убийце, – сообщил инспектор.

– Что? – От неожиданности дернувшись, я стукнулась о столешницу. Тотчас преграда исчезла, на пол посыпались заготовки артефактов.

– Вылезайте, нет нужды лечить труп.

Чародей приподнял стол одной рукой. Огромный, массивный стол из дуба...

Я подчинилась приказу.

– Больше никаких чар без моего разрешения, – жестко велел лорд Аламейский.

Заклинания могут исказить картину, запутать следы – инспектор прав, мое вмешательство возле трупа неправомерно.

– Лорд Аламейский, что нам делать? – оживленно спросил Грэхем. – Вызвать стражников?

Инспектор, не оценив инициативу, сухо ответил:

– Ничего, оставайтесь на своих местах.

– Вы подозреваете нас? – оскорбился Грэхем.

– Для учителя истории вы достаточно сообразительны, – усмехнулся инспектор.

Грэхем проглотил оскорбление – то ли все еще в шоке, то ли побоялся связываться с чародеем из столицы.

– На время расследования всему персоналу школы запрещено ее покидать. Свободны.

– Но у меня семейный ужин с дядей, он градоначальник Подгорска, – с намеком произнес Грэхем. От его ядовито-сладкой ухмылки могли завянуть цветы на подоконниках.

– Градоначальник поймет и простит, – отрезал инспектор и повторил: – Свободны!

Грэхем первым вылетел из кабинета.

– Госпожа Рутшер, это еще не конец. Не думайте, что за убийством я забуду о вашем преступлении.

Даже и не надеялась.

Уходя, обернулась и увидела, как пришлый чародей раскручивает сияющую алым «Сеть ловца» – теперь в кабинет не войти без его разрешения. Боится, что убийца вернется и подчистит следы? Или же перестраховывается от всяких-разных целительниц, которые эти следы неплохо «затаптывают» своими заклинаниями?

Ладно, переживать не стану. Я выполняла свой долг, не подозревая, что могу помешать следствию. Да и мелочи это, если вспомнить о других проблемах.

Я шла по пустым коридорам школы, гадая, как долго она просуществует без директора Вандура. Юным магам и учителям не повезло учиться и работать в забытом богами и королем месте, да еще во времена, когда монарх прижимист до анекдотической скупости.

Чтобы школа держалась на плаву, директор Вандур экономил на всем: начиная от учебных пособий и мебели и заканчивая отоплением и зарплатами преподавателей. Стоя на вытертом, старом ковре в кабинете директора, сложно просить о премиях и надбавках, но я пыталась, ведь думала не только о себе. И Вандур обычно шел навстречу, понимая, как тяжело мне в последние два года... Святой человек. Как же мы теперь будем без него?

Ох, не о том я думаю. Важнее другие вопросы. Почему его убили? Кто убийца? Как долго я продержусь в школе на должности целительницы, не имея диплома? И самое главное: как быть с тем, что

инспектор знает о нарушении пятого параграфа королевского указа о чародеях? Что будет дальше? Что?..

Я обычный человек, и личное меня волновало сильнее, нежели смерть старого начальника.

Покинув практически пустую на время каникул школу, я быстро пошла, почти побежала в сторону липовой аллеи, в конце которой краснели черепичные крыши преподавательских домов. Интуиция подсказывала, что Айоне Вандур о смерти супруга лучше узнать от меня, нежели от черствого инспектора.

Среди коттеджей, похожих друг на друга, как яйца одной курицы, директорский выделялся ухоженным садом, в котором растения буйно цвели с ранней весны и до поздней осени, плавно сменяя друг друга.

Сильный маг земли Айона Вандур отлично справлялась со школьной теплицей, парком и домашними насаждениями. Хрупкая молодая женщина все успевала, вызывая у кого-то зависть, у кого-то – уважение.

Решительно постучав в покрытую потрескавшимся лаком черную дверь, я выждала некоторое время, затем принялась заглядывать в окна.

Сейчас каникулы, Айона не на занятиях, и время готовить обед – она должна быть дома. В город выйти не могла – обычно ее сопровождал рачительный супруг, который помогал сэкономить и удержаться от соблазна купить «ненужное».

Обойдя здание, я попыталась войти через черный ход. Закрыто, и запасного ключа под цветочным горшком почему-то нет. Вандур считал, что воровать у него нечего, и особо не заботился о безопасности жилья.

Пытаясь заглянуть в щелку между шторами, я встала на перевернутую деревянную кадку. Увы, и в спальне Айоны нет – я увидела край несмятой постели. Да и не услышала бы она мои крики. О Всевидящий, неужели и она мертва?..

– Спешите предупредить убийцу?

Покачнувшись от неожиданности, я потеряла равновесие и полетела с кадки.

Прямо в мужские руки.

– Хватит падать к моим ногам, я уже понял, что вы сражены наповал.

Снова я ощущала чужое прикосновение. Чужое дыхание шевелило волосы на макушке. Чувствовала спиной чужое тепло.

В этот раз паника не накатила, и я спокойно парировала:

– Вы ведь специально подкрались. Значит, любите, когда женщины у ваших ног?

Поддерживающие меня руки напряглись. Не понравилось?

И я не устояла перед соблазном, ввернула еще одну шпильку:

– И что на подобное увлечение говорит леди Аламейская, ваша супруга?

Чародей, выпустив меня из своих объятий, поставил на землю.

– Я не женат, – сухо ответил. – А вы, оказывается, еще та оса, умеете жалить. Не боитесь, что прихлопнут?

Угрозы в тоне я не почувствовала, лишь усталость. А еще... смирение?

Я взглянула на мужчину пристально, без предубеждения, оставив на миг мысль, что он планирует сломать мне жизнь своим разоблачением.

Аристократ, богач, сильный чародей, друг короля и просто герой. И в то же время человек с исполосованным шрамами лицом, которое можно исцелить лишь с помощью древних артефактов. Может, это его и огорчает? Да нет, сомнительно. Ведь белые отметки не мешали разглядеть красивого брюнета с чернильно-синими глазами, хищным носом, волевым подбородком и тонкими упрямыми губами. Солнце выглянуло из-за туч, и в волосах чародея заиграла рыжинка. Необычный оттенок черного... красиво.

– Простите мою дерзость, я несу глупости всякий раз, когда пугаюсь.

Вопреки ожиданию, что сейчас услышу о моем постоянном состоянии хронического страха, чародей промолчал, и я решила заполнить паузу вопросами.

– Что вы подразумевали, говоря, что я спешу предупредить убийцу? Неужели считаете, что господина Вандура убила жена?

– Статистика неумолима: искать злодея нужно в ближайшем окружении жертвы. Вероятность, что Айона Вандур убила своего мужа, очень высока.

Я возмутилась:

– Вы не видели Айону! С ее хрупким телосложением сложно ударить высокого мужчину сзади по голове.

– Я и хочу исправить это упущение, то есть познакомиться с госпожой Вандур, – охотно согласился инспектор. – Но ее нет дома, что наталкивает на определенные мысли.

– Может, куда-то ушла? К соседям?

– Гуляет, когда супруг не дает о себе знать со вчерашнего дня?

Логично. Директора убили вечером или ночью, а уже время обеда. Айона должна была забить тревогу!

– Ох, вы правы! А может, ее тоже... того?

Дыхание перехватило, я не смогла закончить вопрос.

– Все может быть. Поэтому я взламываю дверь.

И мужчина показал, что его слова не расходятся с делом.

Заклинание тлена прицельно брошено на дверь возле ручки. Пятно пепла расширилось за секунды, затем осыпалось. Со звоном на ступени крыльца упала задвижка.

Толкнув дверь, инспектор вошел в дом.

– Госпожа Рутшер, ждите меня здесь. Возможно, госпоже Вандур понадобится помощь.

Выждав несколько секунд, я нарушила приказ. Я целительница и должна спешить на помощь тем, кто пострадал, кому сейчас больно.

Короткий темный коридор, и я у приоткрытой двери спальни.

Войдя, не совладала с эмоциями:

– Вот это погром!.. Их все-таки ограбили?!

– И выгребли дамский гардероб, оставив серебряную статуэтку богини Гармонии? – насмешливо заметил инспектор. – Вы почему меня не дождались? Здесь могла быть засада!

Я проигнорировала упрек, осматривая спальню, в которой царил хаос.

В самом деле, дорогая вещь, которую преподаватели подарили Вандуре на прошлый День зимнего солнцестояния, красовалась на комод. Как и два раритетных тома «Основ чароведения» под редакцией Иго Супрониса. Грабитель мог не знать о ценности книг, но серебряная статуэтка должна была его заинтересовать.

– Здесь ужасный беспорядок. Собирались в спешке? – рассуждала я вслух. – Хм, действительно, взяли только вещи Айоны.

– Четко двадцать пять! – насмешливо восхитился чародей. – Выдам вам медальку за сообразительность.

«Четко двадцать пять»? Возглас, означающий высший балл в одной из карточных игр и ее окончание.

Меня осенило:

– Ага, вы не женаты, потому что картежник?

– Странный вывод.

– Если чародей к тридцати годам не женат, значит, у него есть какие-то пороки, – выдала я народную премудрость и прикусила язык.

Несмотря на хорошее здоровье и долгую молодость, считалось, что детей заводить чародеям лучше до тридцати пяти, позднее рождались со слабым даром, а то и вовсе «пустые». Подобное наблюдение – печальная закономерность для обладателей особо сильного дара.

– А если я не хочу детей? Зачем мне жениться? – глухо поинтересовался лорд Аламейский.

– Внуков точно хочет ваша мать, она должна вам плешь проесть, но навязать невесту...

Я споткнулась на последнем слове, с ужасом допустив возможность, что она не может по причине своей смерти.

– Простите, это верх бестактности.

– К этому легко привыкнуть, – отстраненно произнес инспектор и поднял нечто блестящее с пола. – Как любопытно...

Я даже шею вытянула, стремясь понять, что его так заинтересовало.

Обернувшись и увидев моей маневр, он хмыкнул и раскрыл ладонь. Блеснуло серебро, окантовавшее черный камень.

Я стиснула губы, сдерживая возглас изумления.

– Какая занятная вещица, не правда ли? – тихо произнес инспектор. – Серебряная запонка с ониксом. Клеймо столичного ювелирного дома. И коллекция, если не путаю, прошлой зимы.

Ого, знает ювелирный дом и даже какая коллекция! А ведь одетый строго мужчина не очень-то похож на франта.

Мелькнуло желание озвучить наблюдение, но потрясение все еще владело моими мыслями. Как же они могли?.. Я видела их переглядывания и не сомневалась, что он пойдет на скандал, если Айона решится. Но не верила, что ей хватит смелости. И уж тем более

не предполагала, что они поступят настолько жестоко! Вандур при всех своих недостатках хороший человек и нужен школе. Был нужен... Подозреваю, теперь ее закроют – больше никому отстаивать школу в столице, когда поднимут вопрос о недостаточном финансировании.

– И чья же это запонка, госпожа Рутшер? – вкрадчиво поинтересовался чародей.

Я пожала плечами.

– Директора Вандура. Чья же еще?

Инспектор поднял с кресла мятый сюртук коричневато-зеленого цвета.

– Костюмы, которые были модными тридцать лет назад, и поцарапанные осенние ботинки летом... И обладатель столь «стильного» гардероба позволит себе дорогие запонки? Вам самой не смешно, госпожа Рутшер?

Я держала лицо до последнего. Врать и стоять на своем до конца – порой единственный способ сберечь свои и чужие тайны.

– Точно не знаю, – я сделала вид, что задумалась, – кажется, запонки Вандуру подарила жена.

– И скупой козел не заставил ее вернуть их ювелиру? – чародей едко усмехнулся. – Я все равно узнаю правду, госпожа Рутшер, не выгораживайте подозреваемого.

Скупой козел?.. До глубины души меня возмутили оскорбления в адрес директора. Разве можно так о почтенном человеке, тем более покойном?

– Господин Вандур не был скупым. – Мой голос звучал надтреснуто и в то же время слишком звонко. – Прижимистым – да, был. Но иначе школа не продержалась бы так долго без его экономии!

Синие глаза инспектора переполняла ирония.

– Без его экономии? – он расхохотался.

Это стало последней каплей, которая подточила камень моего терпения.

– Знаете что?.. Вы грубиян! Боги наказывают за злословие в адрес ушедших!

– А вы забавная, госпожа Рутшер, – продолжал потешаться инспектор.

– Вы...

Я не договорила – карман куртки чародея засветился красным.

– Продолжим занимательный разговор позже, – спокойно произнес мужчина и достал амулет связи. – Аламейский. Слушаю.

Я стиснула зубы, успокаиваясь. Чего это я, в самом деле? Несдержанная, защищаю постороннего мне человека, когда собственная семья в беде. Я явно поглупела. Недосып виноват? Или мозги отключаются из-за инспектора? Он раздражает меня до красных пятен перед глазами!

Поняв причину своего странного состояния, я чуть утомилась и вся обратилась в слух.

С инспектором связался начальник городской стражи. Слушая короткие резкие приказы, я поверила, что свое звание героя Аламейский получил не только благодаря случаю. Он умеет вести за собой, подчинять людей, даже не видя их.

Когда произошел очередной прорыв демонов в наш мир, полегло много молодых чародеев: имея силу и знания, вчерашние студенты не умели ими пользоваться. Когда старшего по званию офицера растерзал демон, Аламейский возглавил отряд и блестяще справился с первоочередной на тот момент задачей – защитой мирного города от полчищ зубастых тварей. В горячке войны, когда демоны шли в наш мир волна за волной, никто не озаботился тем, чтобы заменить молодого офицера более опытным. Прозванный «бесстрашным», Аламейский почти месяц выполнял чужие обязанности, совершая подвиг за подвигом, пока король не услышал о нем и не повысил его в должности. Да так, что Аламейский возглавил полк, перескочив несколько званий сразу.

Но самая главная заслуга – он сумел использовать «Запиратель миров», заклинание, которое многим чародеям оказалось не по зубам. Я лично знала парня, у которого «Запиратель» отобрал зрение и магию.

– Вы до сих пор здесь? – удивился инспектор, закончив разговор с главным стражем Подгорска.

– Еще скажите, что я специально осталась, чтобы вас подслушивать! – вспылила я.

Что недалеко от истины, но кто же признается?

Я развернулась спиной к чародею и устремилась в сторону выхода, старательно обходя разбросанные вещи.

– Госпожа Рутшер, вы зря покрываете своих друзей. Если они невиновны, им нечего бояться.

Не оборачиваясь, я оскорбленно ответила:

– Лорд Аламейский, мне нечего сказать.

– Хорошо. Жду вас и ваших коллег в кабинете Вандура завтра в девять часов утра. Не опаздывайте, иначе не узнаете тайны своего чудесного директора.

Взволнованная, я вылетела из дома, как будто за мной гнался голодный демон.

– Джемма, что вы здесь делаете?

Я ошибалась: демон поджидал меня впереди.

– Госпожа Ключик, добрый день.

Строгого кроя темно-серое платье до земли, постное выражение лица, острый нос, бескровные губы и стянутые в тугий узел русые волосы. Да так стянуты, что кожа на висках натянулась, делая разрез водянисто-голубых глаз еще уже. Ученики не зря прозвали мага-хозяйственника Снулой Рыбой.

– Этот день совсем не добрый, – всхлипнула Рыба, – прекрасного человека больше нет. Айона может радоваться, теперь она под стать вам, вы подруги недаром.

– Почему Айона должна радоваться гибели своего мужа? – Мне хотелось скрежетать зубами от злости.

Госпожа Ключик осудила бы и самую добродетельную даму, если той еще не было пятидесяти лет. Грешницы и потенциальные прелюбодейки – вот кем мы были в глазах старой девы. Еще бы! Мы смели надевать приталенные платья, носить украшения и даже – кошмар какой! – подкрашивать глаза и губы.

– Айона не любила своего супруга, она вышла за него, чтобы заполучить статус уважаемой дамы. Бесстыдница!

Сейчас не время отстаивать честь подруги, и я, сделав глубокий вдох, потребовала:

– Госпожа Ключик, позвольте пройти.

– Правда глаза колет? – восторжествовала Снулая Рыба.

– Кстати, о глазах. – Я восхищенно уставилась на лицо желчной девы. – Вы сегодня подкрасили ресницы?

– Что?.. – На бледных щеках вспыхнул багрянец возмущения. – Я ничего не красила!

Ее визг сейчас приятнее любимой музыки.

Я вежливо улыбнулась и покачала головой.

– Не смущайтесь. Вам идет. Очень!

И пока хватаящая ртом воздух женщина не пришла в себя от моего наглого вранья, я побежала домой, не подозревая, что меня там ждет.

Глава вторая, в которой дамы планируют обвести господ вокруг пальца

За суетой в школе и походом к коттеджу Вандура прошло полдня, и домой я попала к четырем часам. Пик летней жары миновал, но все равно хотелось забраться в ванну и не вылезать до глубокого вечера.

Неисполнимое желание: мне предстояло доделать последние заказы и собрать вещи, чтобы быть готовой покинуть город, когда найдут убийцу директора. Инспектор дал понять, что сразу займется моими нарушениями, значит, на побег у меня будут считанные часы, если не минуты.

Войдя в дом, я окунулась в тишину. Подозрительную, тягучую, не свойственную нашей семье. Если бы не приятный аромат куриного супа, я бы встревожилась.

На мысли о еде живот отозвался урчанием, но в первую очередь я заглянула в спальню.

Оливер спал поверх одеяла, раскинув руки и ноги в стороны. Каштаново-рыжие, как у меня, волосы задорно взъерошены, на лице мальчишки – тень улыбки. Даже во сне видит проказы? Не удивлена.

Чувство умиления сменилось тревогой: стоящий у постели сына кандедрон нагло благоухал, выкинув аж три большущих ярко-синих цветка. Утром, когда я уходила в школу, даже намека на стрелы не было, не то что бутоны.

Тревогу бить рано, но интуиция уже заливалась слезами.

Так, не буду испуганно заглядывать в будущее! Проблемы решают по одной.

Собравшись с духом, я отправилась на кухню.

Гибкая фигурка в простом зеленом платье неутомимо порхала от стола к печи и обратно, словно в танце. Светловолосая девушка резко обернулась, будто почувствовав, что не одна.

– Ой, Джемма! А я не успела...

– Что, Лил?

Я с нарочитым удивлением приподняла брови и обвела взглядом кухню. На краю стола остывал круглый и золотой, словно солнце, хлеб, на печи булькал томящийся на медленном огне суп.

Сделав вдох и ощутив ароматы, витающие на кухне, предположила:

– Печенье не успела или жаркое?

Девушка покраснела.

– И то и другое... Еще полчаса.

– Спасибо, ты снова нас балуешь.

Пообедав, я блаженно зажмурилась на миг, а затем приступила к выговору:

– Было невероятно вкусно, Лил, но в энный раз прошу не усердствовать. Трать время на обучение, домашние дела – моя забота. Без печенок мы проживем, а вот на экзамене может попасться то, что ты не выучила, готовя десерт.

Упрямица хитро улыбнулась.

– Джемма, я помню, но готовка меня успокаивает. А когда я спокойна, знания усваиваются лучше.

Вроде бы говорит умные слова, да только «успокаиваться» Лил любит каждый день. Бытовая магия – это не то, чего желала бы я для талантливой воздушницы.

– Ты не кухарка, Лил, ты будущая магичка или вообще чародейка.

Девушка возмущенно фыркнула:

– Тебе не надоело подзадоривать меня, откровенно льстя? Вторая стихия у меня выражена слабо, третья точно не светит. Так какая из меня чародейка?

– Ты слишком поздно начала заниматься, – с нажимом на слове «поздно» произнесла я. – Еще одна стихия может проснуться и через полгода после совершеннолетия.

– Нет, Джемма, я обычная магичка, мне и этого с головой.

Лил не позволила мне мыть посуду – нагло отобрала тарелки.

– И да, я насмотрелась на пробуждение чародеев, подобного счастья мне не надо.

Я не стала заверять, что у нее все будет иначе, – она почти взрослая, и ломка ей не грозит.

– Видела, кандедрон зацвел?

Посерьезневшая Лил кивнула.

– Подожди расстраиваться, возможно, земля дает о себе знать.

Скручивая вышитую салфетку в тугую трубочку, я покачала головой.

– Кандедрон погибал, у меня все не доходили руки заняться им. А сегодня он зацвел. Маги земли спасают растения осознанно. Оливер не знал нужного заклинания и, не отдавая себе отчета, исцелил растение, которому было плохо.

Оставив посуду, Лил крепко обняла меня.

– Джемма, все будет хорошо. Мы справимся.

Делиться страхами с девочкой было нельзя, и я бодро улыбнулась:

– Я знаю, Лил. Ладно, чего это я сижу? Пойду делать крем для госпожи Брюм, а ты начинай собирать вещи.

Отстранившись и заглянув мне в лицо, Лил хмуро поинтересовалась:

– Зачем, если до экзаменов два месяца?

– Мы переезжаем, – весело сообщила я. – Все новости потом. Владелица мясной лавки обещала подойти к шести вечера, но она не отличается особым терпением, так что мне необходимо поторопиться.

Я ушла, оставив воспитанницу в растрепанных чувствах.

Объяснять, почему мы бежим с насиженного места, совсем не хотелось. Я еще и сама не свыклась, что тихая жизнь закончилась.

Закрыв дверь кабинета, с укором посмотрела на парадный портрет Рутшера.

– Здесь спокойно и Вандур, твой лучший друг, не выдаст наш секрет? Ну-ну, это первое, что он сделал, как только инспектор по делам магов переступил порог школы.

Пожаловавшись на жизнь портрету, я взялась за заказ.

Госпожа Брюм, словно предчувствуя мой скорый отъезд, возжелала целых десять банок омолаживающего крема. Все было готово, оставалось вмешать последний ингредиент и накачать силой.

Сегодня занятий не было, как и пациентов (мертвый директор не в счет), но я умаялась, когда закончила с десятой банкой.

Резерв в последние дни не радует. Отдых и полноценные семь часов сна мне необходимы, иначе узнаю, что такое выгорание, на собственной шкуре.

Узкий диван с пышной подушкой – как наваждение. Я не устояла и, заведя будильник, прилегла на полчаса.

...Серые стены судебного зала. Даже через обувь я чувствую холод мраморного пола.

– Госпожа Рутшер, вы признаете себя виновной в государственной измене? – Строгий голос бьет наотмашь.

Хочется спрятаться, забиться в укромный уголок.

– Да, признаю, – выдыхаю я обреченно.

– Ваша вина так велика, что вы заслуживаете смерти.

На месте судьбы восседает инспектор. Ни капли сочувствия на изуродованной шрамами физиономии. Не человек, а бездушная говорящая статуя.

– Джемма Рутшер, примите свое наказание достойно.

Послушно переставляя ноги, я иду к инспектору.

– Мама! Мамочка!..

Оливер бежит ко мне, полыхая огнем, словно огромный факел. Пробуждение еще одной стихии. За что, боги?

Я бросаюсь к сыну на помощь, цепляюсь за подол платья и падаю на блестящий пол.

Треск плит. Сквозь разлом вырываются языки кроваво-алого пламени и клубы черного дыма. Я лечу прямо в огненную пасть...

– Джемма, тебя хотят видеть! Срочно! – Лил настойчиво трясла меня за плечо.

Помотав головой, я прогнала ужасные образы из памяти. Сон, ужасный и нереальный сон. Не буду думать о нем.

– Кто хотел видеть? – выбираясь из липкой паутины кошмара, прохрипела я.

Со стола исчезли баночки с кремом, будильник не там, где ставила я. Все ясно, Лил отключила, самонадеянно дав мне поспать.

– Он не представился, показал жетон инспектора по делам магов...

– Госпожа Рутшер, добрый вечер.

Я резко приподнялась на диване, в шоке глядя на проникшего в мой кабинет лорда Аламейского.

Одобрительно взирая на меня сверху вниз, он довольно произнес:

– Вижу, вы отдохнули. Значит, выполните задание без проблем.

– Какое задание?

Я с трудом сдерживала возмущение. Как он посмел вторгаться в мой дом? Это уже слишком!

– Задание государственной важности, – торжественно заявил инспектор. – И вы не имеете права отказаться.

Заявление взволновало: королю, как и его эмиссарам, не отказывают. Но мог бы и не давить, свои обязанности я выполняю всегда.

– Я нужна как целительница? Где пациент?

– Вы нужны как женщина, – лорд Аламейский подмигнул. – Мне.

– Что?..

Он сошел с ума? Да еще заявлять подобное при Лил!

Высказаться я не успела – инспектор продолжил шокировать:

– Вы должны сопроводить меня на ужин к градоначальнику.

– Это задание государственной важности? – Я не удержалась от иронии.

– Именно.

– Почему я?

– Предлагаете кандидатуру госпожи Клочек? – чародей вскинул рассеченную тонким шрамом бровь.

– Мое присутствие будет неуместным. – Я скорбно поджала губы, с намеком глядя на портрет господина Рутшера.

– Ваш траур давно закончился, – возразил чародей и въедливо добавил: – Портреты покойника в каждой комнате? Себе напоминание или от ухажеров прикрытие?

Я проигнорировала выпад, хоть он и попал в цель. К вдове общество снисходительно, и некоторые не особо обремененные моралью господина видят во мне искательницу легких интрижек.

– У меня нет подходящего наряда, – предъявила свой главный козырь.

– А как же...

Я тотчас зыркнула сердито на Лил, которая открыла рот, чтобы оспорить заявление.

Поздно. Чародей покосился на девочку и мягко улыбнулся:

– Прелесть, подберешь своей опекуне наряд?

И Лил, моя умница Лил, в ответ стеснительно улыбнулась!..

– Темно-фиолетовое платье из мерцающей хилисы подойдет? – с сомнением поинтересовалась Лил, глядя на черный костюм чародея.

Строгий фасон, материал дорогой. Отлично подчеркивает стройную фигуру инспектора, вызывая ассоциации с крупным

хищником из семейства кошачьих.

– Подойдет, прелесть. И быстрее, пожалуйста, времени мало.

Лил рванула из кабинета приводить мое платье в порядок.

– Что-то не так, госпожа Рутшер? – чародей вскинул брови.

– Да. Во-первых, она не прелесть, а Лил. Во-вторых, ей шестнадцать, так что не старайтесь ее обаять. И в-третьих, вы вторглись в мой дом.

– Все претензии? Или будут еще?

Непробиваемый нахал! Я только поморщилась, промолчав.

– А раз претензии все, госпожа Рутшер, то почему вы еще здесь? Вам разве не надо припудрить нос? Или что там делают дамы перед званым ужином?

Я сложила руки на груди.

– А я никуда не еду. Посещение дома градоначальника – не на благо королевства, а ваша личная блажь. Меня не осудят за отказ.

Я блефовала, прекрасно понимая, что поверят ему, а не мне – у инспекторов, занимающихся делами магов и чародеев, неограниченная власть. Даже герб на жетоне с королевским медведем, что намекает на их избранность, приближенность к трону.

– А ведь еще утром вы просили закрыть глаза на нарушение закона. – Инспектор прищурился. – Или уже смирились, что скороспелый сын-маг отправится в столичный пансион?

Меня передернуло от ужасного предположения.

– Нет! Ни за что! Я не хочу, чтобы мой ребенок учился там.

– Сколько экспрессии, сколько страсти! – Инспектор ухмыльнулся. – Только проявляете вы их не там, где нужно, и не пользуетесь моментом. Но я сегодня добрый и сам предложу выгодную сделку.

Любопытно, почему он не желает появляться у градоначальника без сопровождения? Пустая прихоть? Или есть причина, раз он так настойчив? Я уже все для себя решила, но сделку заключу, чтобы не вызывать подозрений.

– Я слушаю вас, лорд Аламейский.

Мужчина посерьезнел.

– Маленькое уточнение. Направление магии вашего сына?

– Созидание, – честно заверила его.

– Две или три стихии?

– Земля, вода и воздух, – перечислила я, радуясь, что он не спросил о сопутствующих дарах.

Впрочем, я и сама еще не уверена, есть ли у Оливера склонность к магии исцеления.

– Ваш сын не маг, а чародей... Хорошо. Мое предложение в силе: вы становитесь моим прикрытием у градоначальника, я закрываю глаза на раннее пробуждение магии вашего сына и не отправляю его в пансион, если не пожелаете обратного.

Не пожелаю обратного? Оставил себе лазейку... Повезло, что мне его милость больше не нужна.

Я быстро протянула руку, предлагая скрепить сговор.

– Идет, я согласна.

Чародей почему-то поморщился, но ударил по ладони. В воздухе сверкнули золотым магические печати, подтверждая, что сделка заключена.

Мне понадобились полчаса и ловкие руки Лил, умеющей скрутить мои вьющиеся волосы в элегантную прическу, чтобы собраться.

Роскошное платье, которое я покупала на годовщину свадьбы, но так и не надела, нежно ласкало тело. Поднятые в высокую прическу волосы и кольцо из четырех нитей аметиста подчеркивали тонкую шею, темные тени – кошачий разрез глаз, а бальзам с эффектом блеска – форму губ.

Чародей окинул меня придирчивым взглядом и одобрительно кивнул. Ни критики, ни комплиментов... А еще аристократ!

Я мысленно посмеялась над своими претензиями. Какая мне разница, что он думает о моей внешности? А ведь все равно немного обиделась, что он промолчал.

Лорд Аламейский заметил мою реакцию и вскинул рассеченную шрамом бровь.

– Появились еще претензии?

Боги, да он демонски проницателен!

– Разве я осмелюсь... высказать четвертую?

– Хорошо. Пока вы копите смелость, мы спокойно доедем.

Возле коттеджа стояла черная карета, запряженная двойкой вороных жеребцов, нетерпеливых и громких. На козлах сидел крепкий кучер в черном плаще и широкополой шляпе, из-за которой я не смогла

рассмотреть его лицо. Бедняга, как он еще не сварился в своем глухом наряде, ведь лето выдалось жаркое?

Увидев на двери «медвежий» герб, я не удержалась от подколки:

– Ваше чародейство, отправляетесь развлекаться на служебном транспорте?

– Согласитесь, что это удобно? – ответил лорд Аламейский невозмутимо.

– И экономически выгодно, – поддакнула я.

– Вот-вот. Люблю свою работу!

Словно галантный кавалер, он помог мне подняться в карету.

На выезде из школы случился конфуз: нас остановил сторож, боевой маг в отставке. Заглядывая в карету, он едва не кланялся. Никогда еще я не видела Мувуриса таким взволнованным и виноватым.

– Ваше чародейство, я верой и правдой служил королю! Я не знал, что Вандур и Прекстона нельзя выпускать! Я же не думал, что они директора грохнули!

Вина Айоны и преподавателя боевой магии еще не доказана, а их уже называют убийцами. Печально...

– Успокойтесь, вас никто не обвиняет, – спокойно произнес инспектор. – Вы придерживались инструкции.

– Правда? – недоверчиво переспросил сторож. – Теперь меня не уволят?

– Вы сохраните свою должность.

Облегчение отразилось на сухощавом лице Мувуриса. И я порадовалась, что теперь мы сможем ехать дальше.

– Спасибо, ваше чародейство! Хорошего вам вечера! И вам, госпожа Рутшер.

– Джемма здесь?

Я ошиблась, решив, что теперь мы сможем спокойно покинуть территорию школы.

Из густой тени, отбрасываемой кроной дуба, вышел Грэхем. На его лице застыла брезгливая гримаса, руки сжимались в кулаки и тотчас разжимались.

– Ты меня удивляешь, Джемма, – со сдерживаемой яростью заявил он. – Почему ты с ним? Чем же я не подошел?

Нападки Грэхема оказались полной неожиданностью.

Когда я овдовела и Вандур еще не предложил занять место покойного супруга, хоть у меня и не было диплома, наглый сосед навязывал свою помощь в обмен на «капельку нежности». Непотребные слова он подкрепил действиями – зажал прямо в коридоре школы и полез с поцелуями. Мне повезло вырваться. К следующей атаке я уже подготовилась: ошеломив его заклинанием из арсенала боевиков, сломала нос. И все же два года Грэхем преследовал меня. Даже предложил замужество.

Начни он с него, я бы подумала. Вру. Ни за что не согласилась бы! Ни Лил, ни Оливеру наш сосед не нравился, да и не был он человеком, который мог сохранить мою тайну. Он первый доложил бы, что магия у моего сына проснулась слишком рано, что нестабильна и все еще растет. И да, похоже, у Оливера не просто три стихии, а и пробуждающийся сопутствующий дар – магия исцеления.

– Молчишь, Джемма? Неужели я хуже этого калеки? Темнота не все скрывает.

– Кто сказал, что я люблю темноту? – скучающим тоном произнес инспектор. – Чем больше света, тем интереснее.

Почему Грэхем решил, что я согласилась стать любовницей Аламейского? Просто потому, что сидела рядом с ним в карете? А еще была одета в вечернее платье... Вывод напрашивался сам собой.

Горечь разлилась во рту. Даже когда враг считает тебя доступной, обидно до слез.

– Лорд Грэхем, вы ошибаетесь. От лорда Аламейского мне не поступало лестных предложений. – Одарив инспектора нежной улыбкой, я импульсивно добавила, желая позлить ненавистного блондина: – О чем я искренне сожалею.

Мой спутник издал удивленный смешок.

– Ах ты, дрянь! – Грэхем страшно оскалился и вскинул руки.

В меня полетело «Шаровое копьё».

Испугаться не успела – ослепительно-голубую вспышку поглотил «Щит» инспектора.

– Нападение на представителя короля и служащую школы? Грэхем, в курсе, что вас ждет?

– Мне все равно, – процедил сквозь зубы блондин, пытаясь разорвать «Воздушные путы», которыми спеленал его Аламейский.

– А зря. – Потеряв интерес к преподавателю, инспектор выудил из кармана черного камзола блокирующий магию браслет и бросил сторожу. – Господин Мувурис, передадите нарушителя стражникам. Справитесь?

Отставной боевик растерянно кивнул и торопливо защелкнул блокиратор на руке преподавателя.

Тот грязно ругался и сыпал угрозами:

– Вы все пожалеете! Я обращаюсь к королю!..

– Ваше право, – лениво отозвался инспектор.

Все так же молчаливо Мувурис принял и «поводок» от «Воздушных пут» Грэхема.

Дверь захлопнулась. Карета рванула вперед, и меня откинуло на мягкие подушки сиденья.

– Мы куда-то торопимся?

Инспектор усмехнулся:

– Разумеется! Мы спешим сообщить градоначальнику Подгорска печальную новость о племяннике.

Больше не останавливаясь, карета покинула территорию школы и направилась в центр, к трехэтажному дому самого влиятельного семейства нашего города.

– Как долго Грэхем пытается пробраться в вашу постель?

Вопрос прозвучал странно. Не похабно, нет. Так целитель спрашивает о течении болезни.

– Два года. До смерти супруга он осмеливался лишь на чересчур назойливые комплименты и неприлично долгие взгляды.

– Вы держались стойко. И довели мужика до преступления.

Я вся подобралась.

– Я еще и виновата?

– Кто-то так и скажет. – Лорд Аламейский не сводил с меня внимательного взгляда. – Готовы к осуждению со стороны общества? Кокетка, сводящая с ума своей холодностью достойных мужчин.

Меня даже затрясло от негодования.

– Я не давала повода! Никогда!

– «Сила женщины в ее мягкости и уступчивости», – явно процитировал кого-то лорд Аламейский. – «С веселой вдовы не убудет».

– То есть я должна была... должна...

Язык не поворачивался произнести отвратительный вывод.

– Сломать ему нос, – подсказал лорд светским тоном. – Чем успешно и занимались, насколько я успел заметить.

Не передать степень моего облегчения и признательности! Он ведь прав. Нравы в обществе магов и чародеев далеко не суровы. Это юной магичке следовало беречь себя, чтобы после замужества усилить мужа. Потом на интрижки на стороне закрывали глаза. Вдова и вовсе могла в открытую вести свободный образ жизни, если он будет без последствий.

Для себя подобное я считала неприемлемым.

– Когда устанете ломать носы, обращайтесь. Я научу особому заклинанию, – внезапно предложил лорд.

Это какому же? Заинтриговал!

Я сразу не нашлась, что ответить, и просто кивнула.

Разговор о нападении Грэхема быстро затух, чародея заинтересовали мои прегрешения.

– Почему вы настроены против пансиона?

– До выпускного курса доживают не все дети, и вы спрашиваете, почему я не хочу отправить туда сына? – Подобный вопрос задавали не раз, и я научилась реагировать спокойно. – Надежнее постигать азы магии с помощью наставника.

– Если найдете хорошего, – покладисто согласился инспектор. – А летальные случаи были в первые годы после открытия пансиона.

– Но ведь были? И гарантий, что мой ребенок не пополнит собой статистику, нет. Я вообще не понимаю, зачем нужен этот спецпансион.

– Дети, у которых магия проснулась до десяти лет, опасны в первую очередь для себя. Скажете, что у Оливера никогда ничего не взрывалось, не взлетало, не ломалось?

– И что, это повод запереть его в четырех стенах с такими же, как он, невезучими ребятами?

– Вы не чародейка, госпожа Рутшер, многого не знаете и не понимаете, – глухо произнес инспектор. – Если погубите парнишку, это будет на вашей совести.

Уколы не достигли цели – я своими глазами видела страшную статистику. Нет, я больше доверяю себе, нежели посторонним специалистам, которые получают зарплату за воспитание юных магов. Пансион закрыт для посещений, детей муштруют слишком жестоко.

– Я почти два года владею ситуацией. Оливер уже знает, что такое ответственность.

Скрестив руки на груди, инспектор буравил меня недовольным взглядом.

– Магия толкает на безрассудство. Однажды его действия могут причинить вред не только ему самому, но и тем, кто будет рядом.

– У Оливера магия созидания, – напомнила я.

– Созидание или разрушение – не важно, даже целители могут случайно навредить.

– Я рядом с сыном, помогу ему продержаться до десяти лет.

– А может, вы против пансиона, потому что не хотите выпускать сына из-под своей юбки? – осенило инспектора. – Вы жаждете распоряжаться его жизнью и в дальнейшем?

Оскорбление не задело. Подавшись вперед, я заглянула ему в глаза.

– Скажите честно, вы бы отправили своего ребенка туда?

– У меня нет детей, – сухо произнес инспектор. – Зато я учился в этом пансионе, как и наш король.

– И ему там так понравилось, что сразу после коронации он сменил весь преподавательский состав! – колко заметила я.

– Так вы все-таки интересовались условиями обучения, – резюмировал инспектор довольно. – Поверьте, после реформы короля Элгеуса многое изменилось.

Я закрыла глаза и откинулась на мягкую спинку сиденья. Бесполезно. Он меня не поймет.

Пансион – не только повышенный риск, что моего ребенка обидят, а то и нанесут увечья. Нет. Пансион – это украденное детство, лишённые материнской любви мальчишки, которым слишком рано приходится учиться самостоятельности.

Может, обучение в пансионе и сделало лорда Аламейского таким черствым? Не удивлюсь, если угадала.

– Госпожа Рутшер, мы подъезжаем.

Голос инспектора выдернул меня из размышлений.

– Вы нарушили закон и сейчас смягчаете свою вину, помогая мне. И я не должен говорить, но... – На несколько секунд в карете воцарилась тишина. – Я желаю вам удачи, госпожа Рутшер.

Почему у меня такое ощущение, что он хотел сказать нечто иное?

Глава третья, в которой происходит то, что непозволительно в первый день знакомства

Ощущение недоговоренности не давало покоя, пока мы шли к парадному входу особняка, который сегодня преобразился. Украшенные магическими фонариками терраса и сад, хорошо освещенная дорожка, иллюзорный дворецкий у двери – Грэхем-старший серьезно подготовился к званому ужину. Семейному ли, как утверждал его племянник? Если родственники – все значимые фигуры Подгорска, то так можно сказать.

Прежде чем переступить порог дома, чародей провернул кольцо из серебристого металла гравировкой наружу – я почувствовала легкое присутствие чар, словно ветерок коснулся щеки. Что изображено на печатке, не рассмотрела, но, похоже, это не родовое кольцо, хоть и носил его чародей на левом безымянном пальце. Нет, это какой-то древний артефакт из церигия, и его только что активировали. Артефакт, определяющий ложь? А как была повернута печатка, когда инспектор допрашивал меня? Не помню... Не зря я старалась не врать!

– Готовы, госпожа Рутшер? – с предвкушением улыбнулся инспектор.

– Если нет, вы отвезете меня домой?

– Мне нравится ваше чувство юмора, госпожа Рутшер! – хохотнул он и повел меня навстречу неприятностям.

Что они будут, вопила интуиция, умоляя, чтобы я бежала от инспектора подальше.

И внутри дом градоначальника блистал, что легко, если владеешь артефактом иллюзий. Не самый древний род Грэхем слыл обладателем нескольких уникальных вещей, которые могущественные чародеи прошлого создали из церигия. Как поговаривали злые языки, именно приданое жены, деньги и артефакты смирили градоначальника с мыслью, что не ему достался титул лорда.

Лакей проводил нас в просторный зал, заполненный кружащимися под прекрасную музыку парами.

– Лорд Аламейский, как же я счастлив, что вы приняли приглашение! Добрый вечер!

Светловолосый, как и племянник, хозяин особняка поспешил к нам с лучезарной улыбкой на худощавом, вытянутом лице.

– Добрый вечер, господин Грэхем.

– Я так рад, так рад! Госпожа Рутшер, давно не видел вас.

Старший Грэхем кланялся и рассыпался в любезностях. Это его обычная манера общения, складывалось впечатление, что приветливее и добрее человека не сыскать во всем городе. Обман. Градоначальник умел вызывать доверие, находить слабые места и прицельно по ним бить. Когда мы с супругом только переехали в город, нас встретили, как любимых родственников. И только со временем стало ясно, что добродушие – всего лишь удобная маска.

Несмотря на все старания градоначальника, а затем и его жены, лорд Аламейский не отпускал меня от себя ни на шаг и не реагировал на завуалированные просьбы потанцевать с незамужней дочерью хозяев дома.

Я особо не прислушивалась к разговору, но насторожилась, когда речь зашла о школе и преступлении директора Вандура. Что они называют злодеянием? Обворовывать бедных школьников он не мог – у них, вообще-то, нечего брать, значит, он виновен в том, что не вовремя умер? Дурацкая шутка, но как бы она не оказалась правдой.

– Лорд Аламейский, я и подумать не мог, что со школой не все чисто! Что понадобится проверка сверху.

– У директора Вандура были сообщники, которые его прикрывали. И раз вы ничего не заметили, они из числа ваших приближенных, ваших помощников, – вкрадчиво произнес чародей.

– Мерзавцы! – Градоначальник промокнул высокий лоб платком. – Пригрел я змеиный клубок у себя на груди.

– Не волнуйтесь, я обязательно их вычислю.

– Конечно-конечно! Я не сомневаюсь в ваших способностях!

Официант подошел с вином и фруктовым соком в серебряных бокалах. На правах хозяина градоначальник торопливо вручил напитки дамам и гостю.

Лорд Аламейский вскинул бровь, увидев, что мне достался сок.

– Госпожа Рутшер совсем не пьет, – будто оправдываясь в чужом жутком преступлении, произнес градоначальник.

– Как вы всем говорите, дорогая Джемма? Целительница должна быть всегда готова выполнить свой долг, – манерно произнесла

госпожа Грэхем.

Я вежливо улыбнулась, подтверждая ее слова, и пригубила яблочный сок.

Чародей несколько мгновений рассматривал серебряный бокал, затем провел ладонью над его содержимым.

Что происходит? Почему он открыто проверяет на яд? Не думает же, что его здесь отравят? Его, представителя короля!.. Это будет откровенной изменой, которая не останется без наказания!

Градоначальник и его супруга маневр высокого гостя заметили, но только поджали губы. Вот уж правду говорят, что спустя десятилетия совместной жизни люди становятся похожи.

Еще немного помедлив, лорд Аламейский сделал глоток.

– Великолепное вино. Вуртширское?

– Да, повезло получить в подарок несколько бутылок от друга, – самодовольно произнес градоначальник.

Настроение у него явно улучшилось из-за похвалы.

– Дорогой, ты ведь хотел что-то рассказать инспектору? – напомнила госпожа Грэхем. – Будь смелее, а я поговорю пока с Амалией.

Я обернулась.

К нам стремительно направлялась, едва не чеканя шаг, старшая дочь хозяев, молодая красивая блондинка, одетая чересчур эффектно и смело для глубинки. В прошлом году она вышла замуж со скандалом: заезжий аристократ соблазнил бедняжку, но пытался сбежать, не узаконив отношений. К счастью, закон богини Гармонии, защищающий честь одаренных девушек, не позволил бросить опозоренную.

– Лорд Аламейский, у меня есть доказательства, что не Вандур козырь в этой подлой игре. Им прикрывались, играя вслепую.

Чародей прищурился.

– Интересное заявление. Я хочу взглянуть на ваши доказательства.

Градоначальник покосился в мою сторону, затем стрельнул глазами на жену, которая отошла, чтобы поговорить с взволнованной Амалией. Настроение дочери быстро передалось и матери.

– Это доказательство деликатного рода, – тихо признался градоначальник. – Я могу показать лишь вам.

– Госпожа Рутшер – моя дама на этот вечер, я не могу оставить ее.

В этот момент я обернулась и заметила темноволосого военного, который проходил мимо. И поняла, что выпавшим шансом грех не воспользоваться.

– Вы можете доверить меня деверю. – Я упорхнула от чародея, утратившего бдительность. – Людвиг, как же я рада вас видеть!

Как всегда, невозмутимый деверь запечатлел на моей руке почтительный поцелуй.

– Джемма, дорогая, безмерно счастлив вас лицезреть.

– Вы нас совсем забыли, Людвиг. Я опечалена, и Оливер постоянно спрашивает, почему дядя не навещает его!

Дорогого родственничка перекосило, как будто вино в его бокале превратилось в уксус.

Хм, забавно... а для других гостей щедрости градоначальника не хватило на серебро, лишь на хрусталь.

– Хорошо, пока госпожа Рутшер общается с родственниками, я взгляну на то, что вы хотите мне показать.

Чародей не скрывал своего недовольства, но не стал напоминать, для чего я здесь. И правда, для чего? Атаковать его жаждущие замужества дамы не спешили. Заинтересованность я наблюдала, но ее перевешивал страх перед должностью, которую чародей занимал. А может, все-таки и шрамами...

Стоило им с градоначальником отойти, как Людвиг прошипел:

– Соскучился Оливер? Большой чуши я от тебя не слышал!

И это правда. Хоть Людвиг чародей и знал тайну племянника, найти общий язык они не сумели и вели себя в моем присутствии как кошка с собакой.

– Мне был нужен повод для беседы.

– О как! Опять будешь меня мучить пустой надеждой? – Людвиг залпом допил вино.

– Нет. – Поколебавшись немного, обреченно выдохнула: – Я принимаю твое предложение.

Людвиг побледнел. Не иначе от счастья?

– Джемма, это неожиданно... – Голос его стал тише, злость испарилась.

– Сама знаю, – перебила его. – Обещаю, все у нас будет хорошо. Я полюблю тебя, а Оливер проникнется уважением.

На мои заверения деверь отреагировал крайне странно: побагровел, словно сердце прихватило.

– Ты хоть слышишь себя? Как можно полюбить по желанию?!

– Покричи еще громче, не все услышали, – оборвала его я и стиснула зубы.

Еще никогда я не видела Людвига в таком раздражении. Даже когда отвергла его десятое, юбилейное, предложение руки и сердца, он загрустил, но не кричал.

– Джемма, ты не думала, что согласие я получил слишком поздно?

Я опешила. Это как – слишком поздно? После смерти старшего брата Людвиг настойчиво добивался моего внимания, а сейчас вдруг поздно?

Что-то такое отобразилось на моем лице, раз он принялся быстро оправдываться:

– Не подумай, что я охладел! Я понял, что мы не будем счастливы вместе. Я не твой мужчина, как бы мне ни хотелось обратного.

Станный разговор. И причина странная. Мне нужно срочно покинуть город, спасти Оливера от пансиона, а Людвиг решил меня кинуть? Нет уж! Ныл о своей безответной любви и моей жестокости два года, теперь расплачивайся!..

Я шагнула вперед и ласково коснулась плеча деверя. Проведя с громким царапаньем по серебристой нашивке на мундире, пообещала:

– Мы будем счастливы, не переживай.

– Звучит как угроза, – нервно хмыкнул он. – Джемма, я серьезен. Да и Оливер меня не примет как нового отца.

Какой же он... возмутительно упрямый!

– Оливеру сейчас нужней не отец, а наставник.

– Вот в чем дело. – Людвиг отступил на пару шагов. – Ты могла просто об этом попросить.

О, неужели так просто?

– Хорошо, я попрошу...

– Госпожа Рутшер! Пожалуйста, помогите, моя подруга умирает!

Хрупкая девушка в бледно-розовом платье вцепилась в мое запястье, как краб клешнями в рыбку. Чувствую, от нежных пальчиков дебютантки у меня останутся синяки.

– Пойдемте, по дороге расскажете, что с подругой.

Если бы кто-то действительно умирал, в зале царила бы суматоха, но музыканты играли, пары кружились в медленном танце.

– Она в библиотеке, боится показаться людям, что неудивительно с такой-то внешностью! – тараторила девушка, таща меня за собой, как ведущий конь в упряжке.

Я ускорила шаг.

– И что случилось с ее внешностью?

Похоже, я не права: случай серьезный, только тщеславная девица не пожелала, чтобы ее видели заболевшей.

– Ее пчела ужалила, лицо похоже на войлочный мяч.

– Такое же серое?

– Нет! Такое же надутое.

– У нее непереносимость яда пчел?

– Да откуда же мне знать!

Выйдя в холл, я побежала, и теперь дебютантка дробно стучала каблучками, не успевая за мной.

Зато я прибежала вовремя. Девушка, желавшая, чтобы ее видели только красивой, опухнув, уже засыпала. Возможно, последним сном. Уши надутые, как подушечки для иглолок, выпяченные губы...

– Веспайнон! – Я взмахнула рукой, бросая заклинание.

Несколько долгих минут я боролась за чужую жизнь. Не прячась укушенная в библиотеке от людей, было бы проще и быстрее.

Восстановить дыхание, очистить кровь от яда. Чуть взбодрить.

Когда девушка свободно задышала, я и сама почувствовала вкус воздуха.

– С кем она приехала? Позовите ее близких.

– Да, конечно, сейчас...

Бдительную подругу потряхивало от волнения – и я успокоила ее заклинанием.

– Вы молодец, спасли жизнь человеку.

Щеки девушки порозовели, она несмело улыбнулась и вышла из библиотеки.

Через несколько минут родители пострадавшей забрали ее домой, стараясь лишний раз не привлекать к себе внимания. Скандал и слухи не красят барышню, которая только начала выезжать в свет.

Оставшись в одиночестве, я подошла к открытому окну, посмотреть на безупречный сад градоначальника и подышать свежим

воздухом.

Тяжелая бархатная портьера и разлапистый цветок в кадке невольно спрятали меня, и ворвавшиеся в библиотеку дамы решили, что одни.

– Я не хочу, мама, не хочу! Он же страшный, как демон!

– Заткнись!

– У него шрамы, мама! Не хочу, нет!..

Шрамы?.. Это о ком они говорят? Неужели о лорде Аламейском?

Я хотела выйти, чтобы невольно не подслушивать, но ноги потяжелели, когда раздался звонкий звук пощечины.

– Тихо, маленькая дрянь!

Это же госпожа Грэхем? А скулящая девушка, которой досталась оплеуха, тогда ее младшая дочь?

– Хлоя, ты понимаешь, что произойдет, если откажешься? Твой отец угодит за решетку, наше имущество конфискуют, в том числе и твое приданое. И знаешь, что будет?

– Ты останешься старой девой, Хлоя, – подсказал третий женский голос.

О, и старшая дочь здесь? И чего же они вдвоем добиваются от младшенькой?

– И не надейся на хорошенькую мордашку – без приданого дочь преступника никому не нужна. – Госпожа Грэхем была резка, как никогда раньше на моей памяти.

Амалия уговаривала мягче:

– Я завидую тебе, Хлоя. Жаль, я уже замужем. Аламейский – влиятельнейший мужчина королевства, разумеется, после его величества. Богат, знатен. И он чародей.

– А еще у него шра-а-амы! – провыла Хлоя.

– Шрамы украшают героев. В столице леди рвут соперницам волосы, дерясь за право побывать в его постели. Он, говорят, в ней хорош, – мечтательно произнесла Амалия. – Щедрый на ласки, заботится, чтобы его любовница первой и не один раз получила удовольствие. Не то что некоторые...

Старшая сестра еще что-то пробурчала, но я не расслышала.

От циничных откровений меня потряхивало. В висках пульсировало.

Они всерьез решили выдать Хлою за лорда Аламейского? А его спросили?.. Хлоя красивая девушка, одаренная магичка, не спорю. Но таких девиц полно и в столице! Почему чародей должен остановить свой выбор на дочери градоначальника провинциального городка? Да еще этот брак якобы спасет Грэхема от тюрьмы!.. Инспектор кажется принципиальным человеком, он не закроет глаза на вину тестя.

– Хлоя, я тебе очень, очень завидую, – повторила Амалия. – Подумать только, моя сестра – будущая герцогиня Аламейская!

Ага, как же, герцогиня!.. Не по этим зубам пирог, подавятся.

Громко шмыгнув сопливым носом, Хлоя с надеждой прошептала:

– Ты правда мне завидуешь?

– Да, – вздохнула сестра. – Знала бы я, что в наших краях объявится герцог, потерпела бы с замужеством еще годик.

– Мама, вы меня не обманываете? Без этого... именно сегодня не обойтись? – уже сквозь слезы спросила Хлоя. – Я хотела все по правилам, после храма...

Я кусала губы, сдерживая желание выскочить из своего убежища. Страшно, дико подслушивать подобное! И это родные люди...

– Хватит сопли развозить! – рявкнула госпожа Грэхем.

Даже меня проняло: столько злости прозвучало в тоне.

– Чародей выпил всего один глоток, подействует скоро, а ты, Хлоя, с распухшим носом. Приведи себя в порядок и беги в кабинет отца, пока не поздно. Вот запасной ключ.

Дамы поспешно покинули библиотеку.

Щеки полыхали, руки тряслись. Стыд. Гнев. Ужас. Я и не представляла, что подобное бывает! Градоначальник замешан в каком-то злодеянии и пытается спастись, породнившись с инспектором, и для этого идет на новое преступление!

Хлою принуждают скомпрометировать себя, прыгнув в объятия Аламейского. И тот, опоенный зельем, не устоит. И будет вынужден жениться, чтобы замять скандал, ведь Хлоя магичка, и вместе с невинностью отдаст своему первому мужчине благословение богини, усилит его. А если чародей откажется жениться, она заявит, что ее взяли силой, опозорили, лишили самого дорогого... До чего же мерзко, боги! И это творят родители девушки...

А Аламейский? Почему он не почувствовал зелье в своем бокале? Или зелья там и не было, а виноват сам бокал? Опять-таки почему

умный, сильнейший чародей современности не определил, что пьет из артефакта?

Разные бокалы для разных гостей... Точно! Это был не просто артефакт, а древний, из церигия! Серебро и магический металл сложно различить на глаз.

Я толкнула окно, открывая его шире, и влезла на подоконник. Слава богам, что мода на пышные юбки с кринолином закончилась до войны и сейчас приветствуются естественные линии в одежде. В длинном платье тоже неудобно, но зато его можно подобрать и завязать на поясе. Пару минут промедления роли не сыграют, и Аламейский не потеряет статус свободного мужчины.

Я особо не думала, действовала на эмоциях, твердо зная, что должна спасти инспектора, пусть даже он и не оценит мои старания.

Для первого этажа высоковато. Используя портьеру, как веревку, я спрыгнула на клумбу.

И повисла.

Мое платье зацепилось за подоконник!.. И больно сдавило тело в талии. Может, это знак богов? И мне не стоит влезать в чужие разборки? Что я смогу сделать сама? Я, слабая женщина, не справлюсь с градоначальником и его семейкой. И вообще, почему я спасаю врага? Он хотел отправить Оливера в пансион, не вошел в положение с моим отсутствующим дипломом. Что он сделал для меня хорошего?

Ни-че-го!

Инспектор – чародей, вот пусть разбирается со своими проблемами сам. Я же нужна маленькому сыну, больше у него фактически никого нет. И если меня сейчас убьют – а меня точно не пожалеют, ведь градоначальник не пощадил даже родную дочь, – мой мальчик останется один. Нет, пусть Аламейский спасает себя сам!

Треск ткани. Миг полета.

Я упала на клумбу, сильно ударившись ладонями и коленками. Ох, больно-то как!..

Кажется, богам не понравилось направление, куда свернули мои мысли. Я же целительница и просто сознательная гражданка Церестана. Я не могу оставить человека в беде!

К тому же Аламейский – герой войны, представитель короля, занимается нужным делом. И он пообещал оставить Оливера в покое.

Все, решено! Я помогу Аламейскому, но не одна.

Зная, где стоит карета инспектора, я уверенно бежала по саду.

Когда я зацепилась каблуками за траву и чуть не упала во второй раз, пришлось остановиться и снять туфли. Хотя сейчас лето, на мне шелковые чулки, обработанные магией, не порвутся и не позеленеют, и бежать буду быстрее.

Найдя карету Аламейского, возблагодарила богов, что кучер никуда не ушел, а все так же сидел на козлах.

– Вашему господину нужна помощь! – запыхавшись, сообщила я.

Мужчина даже не пошевелился. Спал, что ли? Из-за поднятого воротника плаща и широкополой шляпы лица не видно.

– Его опоили из бокала-артефакта и сейчас пытаются женить!

– Да ладно! – радостно заржал кучер и щелчком пальца сдвинул шляпу назад. – Ну, лорденыш и влип! Зато его матушка будет рада хоть такой невестке!

Хриплый смех напоминал треск стекла, по которому прошлись в сапогах с железной набойкой. Неприятный, жуткий смех, как и тип, который его издавал.

– Вы собираетесь помогать своему господину?

– А ему нужна помощь? – продолжал издеваться кучер.

Огромные желтые глаза, белая кожа и волосы. А зубы!.. Заостренные, как у хищника. Не человек. Точнее, не совсем человек?..

Плоды союза человека с представителем другой расы встречались нечасто, ведь нелюди редко заглядывали в наш мир. Смески обладали невероятной силой и странной моралью. И где только Аламейский раздобыл подобного индивида? Кажется, сегодня он за это расплатится – в отличие от нормального кучера, этот помогать не собирался.

– Простите, что побеспокоила, – едко произнесла я. Очень хотелось запустить туфлями в гада.

А собственно, почему я отказываю себе в удовольствии?..

– Вы трус?

Первая туфля полетела в кучера и угодила точно в лоб.

– Или предатель?

Вторую туфлю кучер отбил и по-звериному зарычал.

Жуткий рык сквозь оскаленные зубы придал мне ускорения. Страшно! И в то же время хотелось смеяться: у кучера был такой удивленный вид! Видать, никогда не получал по голове дамской туфелькой?

Нет, больше рисковать и дразнить я не буду. Понятие чести у нелюдей отличается от человеческого. За некоторые глупые, но в целом безобидные поступки они могли покарать смертью.

Ничего, как-нибудь сама вытащу Аламейского из передрыги.

Я побежала обратно к дому. Повезло, что неплохо знала его планировку.

Одной рукой держась за выкинутую из окна штору, я залезла обратно в библиотеку.

В коридоре никто не встретился, и без препятствий я добралась до кабинета хозяина дома.

Комната закрыта изнутри. Для меня это не проблема: когда Оливер в шесть лет случайно закрылся в спальне, гостивший у нас Людвиг показал заклинание, взламывающее замки. Он не имел права выдавать секреты военных, но для семьи брата сделал исключение.

Приставив ладонь к замочной скважине, шепнула отпирающее заклинание.

И снова я вовремя.

Бледная Хлоя торопливо раздевалась, если так можно назвать кромсанье одежды ножом для разрезания корреспонденции.

Лорд Аламейский лежал на диване и не подавал признаков жизни. Если он в отключке, то как Хлоя должна лишиться невинности?! Как целителю, даже интересно было бы на это взглянуть, но... не в этот раз точно.

Покончив с шелковым нижним бельем, голая девица нерешительно приблизилась к спящему. Миловидное лицо исказилось от нахлынувших эмоций, когда она взялась за ремень лорда.

– Не смей, отойди от него!

Хлоя уронила нож и торопливо завернулась в покрывало, схватив его с дивана.

– Госпожа Рутшер... – На меня смотрели огромными, словно чайные блюдца, глазами.

Тоска, растерянность и стыд – вот что я увидела в девичьем взгляде, прежде чем все перекрыла решимость.

Подняв с пола нож, Хлоя прошипела:

– Уйдите, госпожа Рутшер, иначе я его убью!

– Убьешь беззащитного человека?

– Да! Он угроза для моей семьи!

Я не боялась, что девушка убьет чародея, – смелости не хватит и знаний, куда бить, чтобы наверняка. Чародеи ведь живучее кошек, их еще попробуй прикончить. Да и не явился Аламейский к предполагаемым преступникам без защиты. Если есть артефакт, определяющий ложь, значит, есть и другие. Если их, разумеется, с него не сняли, воспользовавшись беспамятством.

Ну а если чародей все-таки глуп и Хлоя его чуть порежет, я подлечу. И даже шрам потом уберу, хоть внешность Аламейского уже ничем не испортить.

– А как ты его будешь убивать, Хлоя? – коварно поинтересовалась я и, обмирая от ужаса, принялась вдохновенно размышлять: – Грудную клетку таким ножичком не пробить, по горлу ударишь – в фонтане крови искупаешься. Горячая кровь на полуобнаженное тело? Хм, не очень приятные ощущения, если ты не вампир... О, а ткни-ка ты его в глаз! Прямо в мозг попадешь...

– Хватит!.. Хватит ваших дурацких советов!

Хлоя зарыдала, нож выпал из рук.

– Думаете, я хотела тут быть? Мне теперь конец...

– Ты преувеличиваешь. Все-таки они твои родители.

Несостоявшаяся соблазнительница и убийца взглянула на меня исподлобья.

– Если отца посадят, мы потеряем состояние и положение в обществе. Простит ли мне позор мать?.. Если сейчас не прибудет, то житья не даст точно...

Госпожа Грэхем слыла несдержанной, что и неудивительно для воздушницы. Поговаривали, в гневе она как-то швырнула заклинанием провинившуюся служанку в стену. Беднягу едва спасли, а случившееся замяли, подкупив свидетелей.

– Поверь, ты будешь жалеть до конца жизни, если сделаешь то, что велят родители.

Хлоя колебалась.

Вздохнув, я предложила:

– Помоги вытащить инспектора из дома и можешь переждать грозу у меня.

Мои слова помогли сделать выбор.

– Спасибо, госпожа Рутшер! Я всегда знала, что вы самая добрая в этом городе.

Угу, скорее глупая, раз ввязываюсь в еще одни неприятности.

Хлоя повеселела и, надежнее завернувшись в покрывало, спросила:

– Как мы будем тащить инспектора? Он скоро начнет просыпаться.

Мой мечущийся по кабинету взгляд зацепился за шторы. Не из бархата, как в библиотеке, но тоже из крепкой ткани. А почему бы и нет?..

– Ждать, пока инспектор проснется и сможет идти сам, нельзя.

– Это точно! – с откровенным страхом рассматривая чародея, согласилась Хлоя. – Нам лучше быть подальше, когда он очнется.

Сдернув синюю штору с карниза и расстелив возле дивана, я подошла к спящему.

– Тебе точно лучше быть подальше – он ведь сразу раскусит план градоначальника, когда увидит тебя в таком виде.

Хлоя густо покраснела.

Несколько секунд я примеривалась к чародею, решая, как лучше его переместить на штору, наши импровизированные носилки.

– Чего вы ждете? Столкните его! – посоветовала бессердечная девчонка.

В своей неудобной хламиде из покрывала она нерешительно топталась на месте, и я в одиночку скатила инспектора на пол.

Честное слово, я старалась его придержать, но худощавый чародей оказался слишком тяжелым. Утратив равновесие, я еще и упала на него сверху.

Упала и окаменела. Кажется, он начал просыпаться... но пока не весь.

Чародей прерывисто выдохнул, и я вскочила с него как ошпаренная. Нет, я тоже не хочу, чтобы он просыпался!

– Потацили! – велела я сообщнице и взялась за свой край шторы.

Первый день знакомства с лордом Аламейским (день приезда не в счет, директор меня не представил ему), а я уже таскаю его бесчувственное тело. Возмутительно-невероятная ситуация!..

Любопытно, что произойдет завтра?

Глава четвертая, в которой идет честный дележ мужчин

Тихонько пыхтя, мы вытащили тело в коридор. Хлоя путалась в длинном покрывале, приходилось следить, чтобы она не уронила свою «часть» инспектора. Еще несколько метров – и меня осенило.

– Подожди, – смущенно попросила я девушку.

Хлоя с удовольствием остановилась и положила ноги инспектора на пол. Да, я не доверила ей самое ценное – голову.

– На окнах ведь стоит защита, правильно? Но ты ее сможешь вскрыть, как дочь хозяина дома?

Я чувствовала себя глупо. Зачем нести инспектора в библиотеку, если Хлоя может открыть окно в кабинете?

– Нет, – смутилась девушка. – Защита на кабинете мне не подчиняется, почему отец и заманил инспектора сюда. Надеялся, что тот не сумеет взломать ее сразу и не успеет сбежать до того, как подействуют чары бокала. А он взял и отключился сразу, даже не сопротивлялся, такой хилый.

Грустно, что придется тащить до конца коридора, но зато я не сглупила, когда предложила побег через окно в библиотеке.

– Джемма, что происходит? – возмущенный окрик резанул по нервам.

Боги, только моего деверя здесь и не хватало!

Потрясение Людвиг, который не сводил взгляда с Хлои, мне запомнится надолго. Кроме удивления, был и мужской интерес – еще бы, наряд девушки демонстрировал ее прелести лучше самого откровенного вечернего платья. Похоже, потеряла я поклонника окончательно. Сама виновата, решаться надо было раньше, а не водить за нос.

Досада вперемежку с куражом подсказали отличный выход. Это ведь сами боги послали Людвиг!

– Мы спасаем инспектора. Как офицер его величества, ты должен нам помочь.

– Я и не отказываюсь! – возмутился Людвиг. Забрав у Хлои конец шторы, он сухо велел: – Шевелись, Джемма, и рассказывай, что

происходит.

Так просто потребовать и получить помощь? И меня дотошно не расспрашивали, почему я уверена, что градоначальник предатель? А это точно мой занудный деверь?

Расстояние до библиотеки мы преодолели до смешного быстро. Вот что значит помощь мужчины, а не хрупкой девчонки.

Не щадя чувств Хлои, я коротко пересказала все, что подслушала.

– Протащить инспектора через окно легко, сложнее будет покинуть территорию.

– Я приехал с друзьями, свою карету предложить не могу. Схожу за кучером инспектора, мне он не откажет, – решительно произнес Людвиг. – Дверь никому не открывайте.

И он забаррикадировал ее массивным креслом.

Выпрыгнув в окно, Людвиг растворился в темноте среди деревьев.

– Богиня, что теперь будет? Что же я натворила?..

Хлоя словно пришла в себя. Поняв, что ослушалась родителей, испугалась и спрятала лицо в ладонях. Плечи ее мелко подрагивали.

Ее переживания мне понятны: привычный мир разбился вдребезги, возврата к старому не будет. Ее предали родные, она ответила им взаимностью. Теперь судьба в ее руках.

– Все будет хорошо, ты не останешься наедине с неприятностями. Инспектор – благородный человек, он примет во внимание твою помощь.

– Мне он не кажется настолько благородным, – жалобно всхлипнула Хлоя. – Безжалостный, циничный, холодный чародей!

Признаться, я разделяла ее мнение, но старалась утешить, не чураясь обмана.

Аламейский застонал и перевернулся на бок.

Мы испуганно переглянулись.

Артефакт, как я предполагаю, должен пробудить в инспекторе безудержную страсть. В этот момент нам с Хлоей лучше быть подальше, в идеале – сдать его кучеру, пусть везет в веселый квартал к ночным красавицам.

Людвиг, где же ты?.. Что-то мне уже страшно.

Стараясь отвлечь девушку от мрачных мыслей, я задала провокационный вопрос:

– Кстати, твоя сестра ведь вышла замуж с помощью бокала-артефакта?

Хлоя открыла рот, чтобы возразить. Закрыла и нахмурилась. После недолгих размышлений тяжело вздохнула и кивнула:

– Похоже, вы правы, и мои родители использовали запретные чары, чтобы устроить жизнь Амалии. Клянусь, я об этом не знала, даже не догадывалась до сегодняшнего вечера.

Ручка на двери дернулась. Спазм страха перехватил мое горло.

– Хлоя, ты здесь? – сладко пропела госпожа Грэхем. – Ты в порядке, милая?

Я отчаянно замахала рукой, веля молчать, но поздно.

– Да, – ответила Хлоя матери.

– Ты одна? – В голосе госпожи Грэхем звучало беспокойство.

Понятно, пришли в кабинет подержать свечку, а дочери и жертвы в будущее зятя нет. Всполошились и бросились искать по всему дому.

– Мама, позвольте мне побыть в одиночестве!

– Зачем ты закрылась? Я чувствую сердцем, что ты не одна. Что происходит, милая?

Госпожа Грэхем решила, что Хлоя играет свою роль, хоть и сменила декорации для брачной драмы. А может, забеспокоилась, что инспектор сбежал и дочь-растяпа теперь здесь прячется от родительского гнева?

– Мама, оставьте меня, пожалуйста! – взмолилась девушка.

– Нет, – категорично возразил из-за дверей градоначальник. – Открой, Хлоя!

Я знаками показывала, что нужно тянуть время, но Хлоя не понимала.

– Оставьте меня в покое!

За дверью слышалось шебаршение и приглушенная ругань. Затем порыва ветра вынес дверь, отшвырнув кресло. Повезло, что мы стояли у дальнего окна и нас не приложило тяжелыми досками и щепками.

– Ага, и госпожа Рутшер здесь, – зло протянул градоначальник, быстро оценив ситуацию.

– Снова сунула нос в чужие дела! – поддакнула его жена и активировала «Смерч».

Глядя на черный вихрь на ее ладони, я четко поняла: сейчас меня будут бить. А я толком и защититься не смогу...

– Людвиг! Помогите!

Мой отчаянный крик слился с атакой госпожи Грэхем.

Режущий плоть «Смерч» размазало о прозрачную преграду, превращая его в обычный слабый порыв ветра.

– Что здесь происходит? – сонно произнес инспектор.

Обернувшись, я успела увидеть, как он трет глаза, сидя на полу. Затем мужчина плавно поднялся, при этом мешающая штора осыпалась прахом. Радикально. И очень показательно. С преградами он не церемонился.

– Лорд Аламейский, вышло недоразумение, – испуганно произнес градоначальник. – Вы же знаете этих женщин? Всегда торопятся с выводами! Моя супруга не то подумала и сразу атаковала.

– Да-да, я погорячилась, – закивала госпожа Грэхем. – Хлоя, пойдем!

Ухватив дочь за руку, она потащила ее прочь из библиотеки.

Пользуясь дезориентацией инспектора, они пытаются сбежать? Запредельная наглость!

– Стоять, – хрипло велел Аламейский.

Я восторжествовала: сейчас чета Грэхем получит по заслугам!

Произнес инспектор совсем не то, что я ожидала услышать.

– Хлоя остается с нами, вы свободны до утра.

Градоначальник побледнел и оттянул платок на шее, обнажая судорожно дернувшийся кадык.

– Почему до утра?..

– А сами как думаете?

Насмешка Аламейского подтвердила, что формулировка неслучайна: утром господина Грэхема арестуют.

– Дамы, нам пора.

Инспектор бесцеремонно подхватил нас с Хлоей под руки и повел мимо ошарашенных хозяев дома. Останавливать нас не решились.

– А разобраться с преступниками? – возмутилась я закономерно.

– Потом, – процедил Аламейский сквозь зубы, как будто они у него болели.

– А если сбегут?

– Догоним.

– А как же артефакт, которым вас одурманили?! – Я не собиралась сдаваться. – Его нужно изъять, пока не спрятали!

– Он тоже никуда не денется.

Инспектор – само хладнокровие во плоти. На его месте я бы устроила самосуд, ведь право карать за определенные проступки у эмиссаров было.

По закону принудить к нежеланному браку чародея не имел права даже король, а какой-то провинциальный градоначальник вздумал поправить свои дела за счет дочурки.

– Одурманив, они хотели женить вас! И сейчас вы просто уходите?!

Аламейский остановился и, выпустив из своей стальной хватки руку Хлои, доверительно произнес:

– Видите ли, госпожа Рутшер... – Он наклонился ближе и прошептал, обжигая дыханием мою шею: – Я не уверен, что одолел чары артефакта полностью.

Признание повергло меня в замешательство. То есть возможен магический откат? А главное, он в курсе произошедшего, значит, все это время... О боги, он притворялся?!

Последнее возмутило до глубины души, но устраивать истерику в доме врагов будет только глупая женщина. Себя к таковым я не причисляла. А еще я наконец заметила его расширившиеся зрачки. Сильно расширившиеся. Он все еще борется с чарами? А что будет, если на нас сейчас нападут?

– Давайте уйдем через черный ход?

– Зачем? Я не вор, чтобы сбегать украдкой.

Ох уж эти мужчины с их гордостью!.. В лазарете, где я проходила практику, поговаривали, что настоящий воин обращается к целителю, только когда обломок меча в спине мешает спать.

И я пошла на хитрость, указав на Хлою:

– О ее репутации вы подумали? Она будет погублена окончательно!

– Хлое идет покрывало, – без издевки произнес инспектор. – Но раз госпожа Рутшер настаивает, сделаем так.

Он щелкнул пальцами – вокруг тела Хлои замерцала серебристая пыль, которая через несколько мгновений собралась в голубое платье. Красивое и по-столичному элегантно. Даже пуговицы гармонировали с тканью – Аламейский скопировал чей-то наряд мастерски. Довелось снимать с какой-то дамы? После подслушанной характеристики от

Амалии чему я еще удивляюсь? Он еще тот волокита, и шрамы ему не помеха.

– Платье – иллюзия?

– Нет, госпожа Рутшер, сам только что пошил, – насмешливо возразил инспектор.

– Да вы талантливей моей модистки! – в том же тоне отозвалась я.

Он прошелся по мне пристальным, раздевающим взглядом, и на миг я забыла, как дышать, стало жарко.

– Обращайтесь, с удовольствием сниму с вас мерки.

– Спасибо, вынуждена отказаться – я боюсь щекотки.

– А я аккуратно, – заверил инспектор и даже показал, как будто слегка сжимает руками что-то выпуклое, похожее на холмики.

Пошляк... Сделаю вид, что ничего не поняла.

– Сожалею, лорд Аламейский, услуги столь высокопоставленной модистки мне не по карману.

– Отчего же? – Он вскинул изломанную шрамом бровь. – Мы всегда сможем договориться о цене.

Перебрасываясь фривольными шутками под тихое оханье смущенной Хлои, мы спокойно шли по коридору, никого и ничего не боясь. Парадокс, но рядом с Аламейским я ощущала себя в безопасности, а мое сердце пело от радости, что он не бросил Хлою на съедение разозленным родителям.

Нам встречались слуги и гости. Если у последних и возникли вопросы, почему молодая госпожа уходит с нами, их никто не задал. Так легко, вопреки моим опасениям, без препятствий, мы вышли из дома.

Неподалеку от лестницы стоял черный экипаж с кучером, не по погоде одетым в теплый плащ. Поблизости переминался с ноги на ногу Людвиг. Что это с ним? Вид у деверя, словно у впервые попавшего под дождь котенка – несчастный и удивленный.

– Джемма, прости, я не сумел выполнить обещание, – принялся каяться он. – Этот наглец твердит, что его лорду помощь не нужна и...

– Все в карету, – грубо перебил инспектор. – Живо!

Тон такой, что я не посмела возразить и послушно выполнила приказ. Естественно, не без поддержки Людвига, который галантно помог нам с Хлоей подняться в карету, пока инспектор что-то втолковывал кучеру.

– Итак, вечер удался, – заявил Аламейский, садясь рядом со мной.

– У кого как, – уязвленно заявил деверь, устроившийся напротив, рядом с Хлоей. – Кучер отказался вам помочь – впервые вижу настолько наглого слугу!

– Мой кучер следовал инструкциям, – усмехнулся Аламейский.

Яркий свет магического фонаря подчеркнул тени усталости под его глазами – как ни бодрился, а приключение на нем сказалось серьезно.

Карета резко тронулась – Хлою качнуло вперед. Людвиг заботливо придержал ее за плечи, и девушка смущенно что-то пролепетала. Лицо моего деверя осветила глупая улыбка.

Чего это они? Ах да... иллюзия. Платья-то на Хлое нет! И Людвиг об этом не только знает, но теперь и осознает. А еще их тянет друг к другу. Все, о Людвиге можно окончательно забыть. И горько, и одновременно хочется пожелать ему счастья. Сама себе я сейчас напоминаю сытую собаку, которая не только не грызет кость, но и зарывает ее в землю, чтобы никто не нашел.

Раньше я считала себя добрым, независтливым человеком, теперь же поняла, что и мне не чужды темные эмоции. Но я буду бороться с ними...

Повернувшись к окну, натолкнулась на изучающий взгляд Аламейского. Такое ощущение, что он знает все мои секреты. Глупости. Просто ему по должности положено прожигать людей подозрительным взглядом, вот и тренируется.

Недолго мы ехали – карета резко остановилась.

– Лорд Рутшер, ваш квартал, – отрывисто бросил Арамейский, и дверь экипажа открылась сама.

– Я хочу сопроводить невестку и госпожу Грэхем, – нахмурился Людвиг.

– Вам лучше не мелькать рядом с девушкой из опальной семьи, если не планируете дать ей свое имя, – заявил грубо инспектор.

Зачем он говорит такое? Не понимаю ход его мыслей!

Я терялась в догадках, а Людвиг вдруг смутился.

– Я...

– Так я и думал, – резко перебил его Аламейский. – Всего хорошего, лорд Рутшер!

И мой обычно задиристый деверь, сейчас бледный до синевы, покинул карету. В тот же миг лошади сорвались с места, как будто за ними гналась стая волков.

Мои мысли тоже напоминали шальных скакунов. Почему инспектор так груб? Почему Людвиг не поставил его на место? При чем здесь Хлоя? Как нахождение рядом с моим деверем опорочит ее?

– Ждите брачное предложение, – поймав взгляд Хлои в плен, уверенно заявил Аламейский. – И не смейте отказываться: Людвиг Рутшер, при всей своей ветрености, человек долга.

– Не понимаю, почему он должен сделать мне предложение? – изумилась Хлоя и уязвлено добавила: – Я хочу выйти замуж по любви, а не за чародея, с которым всего лишь перекинулась парой слов.

Я чуть не фыркнула. Не так давно я наблюдала, как она выполняла приказ матери, заставившей соблазнить незнакомца.

Инспектор также отметил иронию ситуации.

– Ага, вот почему вы рыдали и резали свою одежду? От большой любви ко мне?

Пристыженная Хлоя вжалась в обитую черным бархатом стенку кареты.

– Выходите за Рутшера, еще благодарить меня будете за совет, – настаивал инспектор. – И да, он совсем не похож на демона – у него нет шрамов.

Он пакостно усмехнулся и переключился на меня.

– Теперь вы, госпожа Рутшер. Наши планы неизменны, за одним исключением: утром вы приведете госпожу Грэхем в школу. Доброй ночи, дамы!

Инспектор постучал кулаком в стенку кареты. Кучер тут же ее остановил, и Аламейский скрылся в темноте.

И это все? Нет, я не рассчитывала на благодарность – спасти его, как выяснилось, не требовалось. Но хоть что-то он мог сказать? Например, отметить, что я была неплохой напарницей в его авантюре.

Жмот на добрые слова. Или нет?..

Внезапно я осознала, как он себя вел. Куражился. Был нелогичен. Перед самым уходом и вовсе проявил недовольство, будто не сдержался. Нет, он словно превозмогал боль. Как будто у него ныли зубы. Невыносимо, до красных кругов перед глазами ныли...

Да у него же начался магический откат, поэтому он и сбежал! Слишком горд и не хочет, чтобы видели, что надорвался? И как его вскоре будет ломать и корезить от боли?

Как я могла позабыть об этом? Влияние древнего артефакта нелегко снять самостоятельно даже сильному чародею. Если получилось, откат неминуем. Магический резерв на время будто пересыхает, невероятная слабость, судороги и лихорадка. И боль, которую не все могут пережить!

Я постучала кучеру, без слов требуя остановиться.

Аламейского надо спасать, иначе проблемы будут не только у меня, целителя, проглядевшего откат, но и у школы. Да и всего города! Как же! Допустили гибель королевского инспектора, героя войны!

– Госпожа Рутшер, что-то не так? – забеспокоилась Хлоя.

У нас вот-вот очоурится эmissар короля, а в остальном все отлично.

Естественно, я не стала пугать девчонку.

– Хлоя, я обещала приютить тебя и не отказываюсь от своих слов. Но поедешь ты одна – Лил подготовит гостевую комнату.

Всунув в дрожащую ладошку Хлои ключ от входной двери коттеджа, я попыталась покинуть карету.

Не тут-то было!

– Госпожа Рутшер, вы куда? – Всполошившись, девушка вцепилась в подол моего платья. – Вы к инспектору? Не надо!

Пришлось признаться:

– У инспектора магический откат после вашего семейного артефакта, ему нужна помощь.

Я выдернула свое платье из захвата и фактически выпрыгнула из кареты.

Кучер, отчетливо слышавший мое объяснение, сдавленно хрюкнул. Смеется? Жаль, что я без туфель...

– Госпожа Рутшер, вернитесь, – молила испуганная Хлоя, – вы пожалеете!

Кучер тронул вожжами, и экипаж понесся в сторону моего дома.

Босоногая и взбудораженная, я осталась одна под тусклым фонарем.

Я знала, где находилась. Предсказуемо, кучер высадил инспектора неподалеку от особняка, в который селились все королевские

чиновники высокого ранга, когда проезжали через наш город. Случалось это редко, поэтому в доме не было постоянного штата прислуги.

Как ни всматривалась в темноту, а отыскать Аламейского взглядом не сумела.

А он прыткий. Несмотря на откат, успел отойти далеко, возможно, уже на подходе к временной резиденции. Что ж, нагрюну в гости без приглашения.

Я решительно шагала по тротуару, уже видя нужные узорчатые ворота. Надеюсь, на них нет защиты и Аламейский их не закрыл в ожидании кучера.

Если откат только подбирается к инспектору, просто восполню ему силы, дальше организм чародея справится сам, а я пойду домой. Но если процесс запущен, придется обезболить и отправлять в целебный сон, а потом – наблюдать до самого утра, если хочу, чтобы мой пациент проснулся. А я хочу. Мне не нравятся методы Аламейского, я расстроена тем, что градоначальника не передали в руки стражи. Но кто я такая, чтобы критиковать чужую работу? Тем более что расследование не закончено.

Под ногами шуршали опавшие из-за жары листья. Мелкие веточки и камни впивались в незащищенные обувью ступни. Свои обязанности дворник, отвечающий за этот квартал, выполнял отвратительно: чулки я не порву, но ноги натру серьезно.

Очередной камешек оказался слишком острым – я остановилась и зашипела. Больно-то как!

– Госпожа, почто вы бьете свои ножки? – вкрадчиво поинтересовались из темноты.

Передо мной вырос мужчина в плохо скроенном костюме – пиджак едва не трещал на широких плечах. Длиннющие руки с ладонями-лопатами он слегка растопырил, будто готовясь кого-то ловить. Не меня ли?..

Позади кашлянули. Я резко обернулась – в десяти шагах от меня стоял тощий, зато в идеальном костюме мужчина.

Грабители? Или праздные гуляки, заметившие одинокую женщину и решившие покуражиться? Что-то подсказывает, первый вариант. Точно, слишком грамотно взяли в клещи.

Страх я не испытывала – на всякий случай уже плела сложное заклинание.

– Я спешу.

Я попыталась обойти здоровяка. Буркнув что-то невнятное, он расставил руки шире, но схватил только воздух. Я увернулась, чудом концентрируясь на плетении усыпляющего заклинания.

– Вас учили манерам, госпожа? Невежливо игнорировать людей, которые хотят вам помочь.

– Невежливо стоять на пути торопящейся дамы, – спокойно отозвалась я, напряженно следя за первым грабителем.

Голос второго раздался еще ближе:

– Уж простите, мы манерам не обучены.

Моя новая попытка проскочить мимо рукастого провалилась – он бросился наперерез и едва меня не поймал.

– Вы осчастливите нас, благородная госпожа, если исправите это упущение.

– У госпожи мало времени, зато у меня хоть отбавляй, – насмешливо заявил новый голос.

Сначала я обрадовалась, узнав Аламейского, затем запаниковала. Зачем он влезает? У меня все под контролем! Я почти доплела двухступенчатое заклинание сна, структура которого позволит пробиться даже сквозь защитные амулеты грабителей.

– Да простит меня господин, но уроки симпатичной учительницы усваиваются лучше. – Грабитель бесцеремонно намекнул на шрамы инспектора.

Ему бы на себя в зеркало посмотреть – он сам далеко не красавчик.

– А вы эстет! – с притворным удивлением воскликнул Аламейский. – Значит, должны оценить это.

Он зажег в руке шар черно-красного пламени. Впечатляюще красочное заклинание, безумно мощное. И относится оно к арсеналу боевых магов, чья основная стихия огонь.

Что же инспектор творит? Слишком энергозатратно! О чем только думает? И вообще, почему не корчится на земле после переутомления?

– Таки господин – маг? – разочарованно протянул первый грабитель.

– Чародей, – уточнил инспектор весело.

– Приносим свои извинения, ваше чародейство. – Тощий грабитель поклонился и дал знак поделнику уходить.

Мой вздох облегчения совпал с черным болтом, прилетевшим откуда-то сверху. Ударившись о вспыхнувший алым щит инспектора, смертельный «подарок» осыпался пеплом.

– Сюда, Джемма!

Не раздумывая, я подчинилась приказу. Аламейский, накрыв меня щитом, крепко прижал к груди.

Грабители растворились в темноте.

– Опять от вас уходят преступники! – неосмотрительно воскликнула я, находясь под впечатлением от страшной арбалетной стрелы. Усиленная магией, она пробивала человека насквозь. И если на нем не было исцеляющих амулетов, помощи дожидаться он не успевал.

– Далеко не уйдут, на них метка, которую ни снять, ни спрятать, – объяснил Аламейский. – За мной в некотором отдалении следует отряд боевых магов, никто не уйдет от наказания.

Меня озарило:

– Подождите... Градоначальника вы тоже пометили?

Точно! Вот почему Аламейский спокойно ушел с приема, не переживая, что преступники сбегут.

– Я слышу в вашем голосе возмущение, – усмехнулся мужчина.

– Разве? С чего бы мне возмущаться?

– А сейчас – сарказм, – прокомментировал он почему-то севшим голосом.

И до меня дошло. Мы все так же стояли, обнявшись. Рука инспектора продолжала обвивать меня, но пальцы почему-то переползли выше, к груди.

Меня бросило в жар. Да он же, забывшись, меня гладил! Или его действия осознанны?

Я дернулась – инспектор без возражений отпустил.

– Раз вы в порядке, я поймаю извозчика и поеду домой.

– Нет. – Инспектор резко потянул меня обратно. – Не отходите от меня далеко, пойдем под щитом.

– Почему? Стрелок, прикрыв своих товарищей, уже покинул крышу!

– Как вы наивны, Джемма, – усмехнулся Аламейский. – Провинциальные грабители не работают под настолько мощным прикрытием. С крыши стрелял наемный убийца.

Что мы идем к дому, в котором остановился инспектор, я осознала не сразу.

– Стойте! Даже если это наемник, он стрелял в вас. Мне ничего не угрожает, и я могу спокойно отправляться домой.

– Не будем рисковать, госпожа Рутшер, дождетесь моего кучера.

– Благодарю за предложение, но я лучше пойду, раз вы в порядке.

Я решительно повернулась назад, и надо же было камню попасть под ногу! Я ойкнула. На эмоциях приподняв подол платья, увидела кровь. Чулок цел, но подъем ступни поранила.

– Вы босиком? – удивился инспектор и подхватил меня на руки.

– Отпустите! – Моему возмущению не было границ.

– Нет. Сама судьба велит вам ждать кучера. Пока его нет, я взгляну на вашу ногу.

Мы быстро шли (точнее, шел инспектор, а я ехала у него на руках) по темной аллее, которая ровной лентой протянулась от ворот к парадному входу в дом.

– Вообще-то, здесь целительница я!

– Вы беспокоились обо мне, почему я не могу оказать ответную любезность?

– Я не беспокоилась! – поспешила оспорить я.

– Тогда почему вы здесь? – резонно поинтересовался инспектор.

– У вас магический откат, я не хочу обвинений в непрофессионализме и неоказании помощи.

– То есть вам меня совсем не жаль? – с подчеркнутой грустью спросил мужчина. – Вы руководствовались лишь здравым смыслом? Какая досада... Зато честно.

– Нет, вы неправильно меня поняли! Я буду сочувствовать каждому, кто окажется в подобном состоянии.

– Но не мне, – печально констатировал инспектор.

– Да с чего вы взяли!

И вдруг я поняла: он же смеется надо мной! Раз так, то пусть тащит, переживать не буду, что надорвется.

Я обвила его шею руками.

Когда мы поженились с Рутшером, несмотря на мою стройность, он вспотел, пока выносил меня из храма. Любопытно, на сколько хватит инспектора...

Глава пятая, в которой происходит более тесное знакомство

Вопреки моим злым чаяниям, Аламейский неутомимо шел к цели, ничем не выдавая своей усталости. Как будто не чувствовал ноши.

Я же все прекрасно ощущала: и стальные мускулы, и запах свежего с горчинкой парфюма. Ох... Мне нравится, как пахнет инспектор? Какого демона я его вообще нюхаю?! Запах – первый признак совместимости, как учил нас преподаватель гармонии, и мое открытие обеспокоило. Нет-нет, мне не должен нравиться инспектор! В некотором роде он враг, ведь желает разлучить меня с Оливером. Пусть из добрых побуждений, но я лучше знаю, что нужно моему сыну.

Открыв дверь магией и перенеся меня через порог дома, как новобрачную, инспектор остановился лишь в кабинете.

При нашем появлении загорелись маглампы, освещающая просторную комнату, оформленную в черно-бело-синих тонах. Мрачновато-деловой интерьер. Узкая софа, несколько книжных стеллажей и кресел, длинный стол и внушительный стул-трон – в кабине минимум мебели.

– Располагайтесь. – Аламейский аккуратно опустил меня на кожаную софу.

– Спасибо, – неловко поблагодарила я, все еще находясь под впечатлением от своего открытия.

Мне нравился инспектор. Первый мужчина за многие годы. Я думала, мое сердце выгорело, ах нет, в пепле тлели угольки.

Инспектор опустился на колени возле софы и, пользуясь моей растерянностью, обхватил раненную ступню ладонями.

– Не надо, я сама!

Приятное тепло затопило ногу от кончиков пальцев до колена. Несколько ударов сердца – и боль исчезла как не бывало. Осталось острое ощущение чужих пальцев на щиколотке, ласковые, глядящие прикосновения.

– Больше не теряйте туфли, все равно в стране нет холостых взрослых принцев. – Шутка-намек на старую сказку не смягчила резкости тона.

Аламейский так торопливо поднялся с колен и отступил от софы на несколько шагов, что показалось, будто он сбегает. Или не показалось?

Пальцы, которые только что касались моей щиколотки, чуть заметно дрожали.

– Я отдам распоряжение Хельцу поскорее возвращаться и отвезти вас домой.

Аламейский торопливо создал магическую птичку-посланника.

– Спасибо за лечение.

– Не за что, – невозмутимо отозвался мужчина.

Он уже был у двери, но я остановила его одной фразой:

– Простите, что побежала спасать вас от магического отката, хоть вы и не просили.

– Извинения приняты. Вам повезло, что спасать решили меня, а не кого-то другого.

О чем он? Что за намек? А что, если...

По подчеркнута ровной спине Аламейского словно судорога прошла.

Соскользнув с софы и забежав вперед, я с тревогой заглянула ему в глаза.

– Я не думала, что вы настолько сильный чародей и снимете чары древнего артефакта, вдобавок избежав отката.

На лице мужчины отобразилась гамма чувств: досада, сожаление, боль, отчаяние... и жажда.

– Отойдите от двери, Джемма.

Он снова назвал меня по имени. Опять забылся в напряженной ситуации.

– Но... вы ведь не сняли влияние артефакта, верно?

– Отойдите от двери, Джемма, – повторил Аламейский хрипло. – Вы нарываетесь.

– Каким-то образом вы отсрочили действие, – размышляла я, отмечая, что дыхание мужчины участилось. – Еще один артефакт? Но это лишь усугубит ситуацию!

– Нужно было поддаться чарам? – криво усмехнулся Аламейский.

– Нужно просить помощи, если плохо!

– Жалеете меня, Джемма?

От вкрадчивых ноток в низком голосе у меня по спине побежали мурашки. Не страха, нет. Мурашки предвкушения.

– Как сильна ваша жалость, Джемма?

Он шагнул вперед, сокращая между нами расстояние и тесня меня к двери. Сквозь слои нашей одежды я чувствовала жар его тела. Аламейского лихорадило от чар и сдерживаемой страсти.

И это будоражило.

Сухие горячие губы скользнули по моим.

– Что ж, – шепнул Аламейский, – пожалейте меня, Джемма.

Легкий поцелуй-касание превратился в напористый, алчный. Аламейский будто захватывал крепость, захватывал решительно, беспощадно. И, боги, как же мне это нравилось!..

Жесткое колено вклинилось между моих ног, тренированное тело прижало к двери.

Я ахнула от новых ощущений – и поцелуй стал глубже. Аламейский целовал, прикусывал мои губы. Руки гладили, сжимали, даря огненную ласку.

Подхватив под попу, он приподнял меня, вынуждая обвить его ногами. Почувствовать силу его желания и твердость намерений.

Вскоре я снова оказалась на софе. Зацелованная, разомлевавшая от бесстыдных ласк и поцелуев.

Не сводя с меня горящих глаз, Аламейский сбросил камзол на пол, одним движением сорвал шейный платок. Запонки, а затем и пуговицы звонко поскакали по паркету, разбавляя тишину не только нашим прерывистым дыханием. Нетерпеливый мужчина...

Белоснежная рубашка улетела куда-то в сторону книжных стеллажей.

Я впилась взглядом в тренированное тело, покрытое золотистым загаром. Сухощавое, мускулистое, исписанное шрамами. Белые кривые росчерки – живая летопись войны...

Шрамы не портили Аламейского, они добавляли ему мрачного очарования хищника. Матерого неумолимого зверя, чьей добычей сейчас стала я.

Дыхание перехватило от осознания, что я в полной власти этого опасного мужчины.

– Какая же ты красивая, – шепнул Аламейский, склоняясь и целуя коротким поцелуем.

Поцелуй-укус вызвал волну желания, прокатившуюся по телу. Низ живота тянуло. Томительные ощущения жара и безудержное желание. Аламейский словно поделился чарами, заражая меня страстью.

Отстранившись, он разулся и торопливо сбросил последнюю одежду.

Я не удержалась и скользнула взглядом по обнаженному мужчине.

Широкие плечи, стальные, четко очерченные мускулы – сильное тело боевого чародея, выкованное в кузнице бога войны и закаленное в сражениях с демонами. Рельефный пресс, узкие бедра и... Боги щедро одарили своего любимчика во всех смыслах.

Я закрыла бесстыжие глаза.

– Джемма, посмотри на меня.

Аламейский навис надо мной, почти накрыв своим телом.

Темный ищущий взгляд спрашивал без слов. И видел ответное желание и согласие.

На меня обрушился шквал поцелуев, показывая, что все, что было, – это так... легкий аперитив.

Руки Аламейского были повсюду, ласкали, попутно расстегивая пуговицы на платье. Я же не успевала отвечать на поцелуи и сдалась под напором чужого голода. Я плавилась, забывая свое имя, млея под восхитительной тяжестью мужского тела.

Губы Аламейского нежили, поцелуями жалили мою шею, дав мгновение, чтобы перевести дыхание. Объятия Аламейского будоражили и одновременно успокаивали, даря чувство защищенности. И я хотела в них забыться, раствориться без остатка.

Я положила руку на чуть шершавую от шрамов лопатку. Погладила, мысленно прося прощения.

А может, закрыть глаза и раствориться в удовольствии?..

Нет. Нельзя.

Вздохнув, я активировала сонное заклинание, приготовленное для грабителей.

Пропустив подлый удар, Аламейский вырубился, наваливаясь на меня всем телом.

– Ух... – Бесчувственный чародей оказался слишком тяжелым.

С трудом выбравшись из-под него, я быстро привела свою одежду в порядок. Меня морозило, тело ломило. В объятиях Аламейского я горела, как никогда ранее в супружеской постели.

Может, стоило подождать еще немного? Я так долго была порядочной вдовой... Два года.

Ох и глупости лезут в голову! Есть этика целителей, и не важно, с дипломом я или без.

– Так, что же сделать в первую очередь?

Наверное, успокоиться.

Я спрятала горящее лицо в ладонях. Выровняв дыхание, приступила к своим обязанностям.

Для начала инспектора следовало перевернуть на спину, что я и сделала с некоторым усилием.

Несколько секунд рассматривала обнаженного Аламейского. Шрамы, шрамы, шрамы... И при этом идеальное мужское тело. Сила и жесткость.

Дурацкая мыслишка, что я слишком рано его усыпила, не хотела меня покидать. После древних чар он мог бы меня и не вспомнить...

Ох, богиня Гармония, я же целительница! Целительница!.. И должна воспринимать чужую наготу как нечто естественное, я же пялюсь на спящего мужика! Должна думать о пациенте, а не о том, какое роскошное у него тело и как здорово он целуется.

Целовался он божественно, да...

Опять вспомнила. Зачем? Я едва не рычала, злясь на саму себя. Почему же я жалею? Я ведь поступила правильно!

То ли меня испытывает проклятая Дис, то ли я тоже случайно выпила из бокала-артефакта? Это все бы объяснило и частично оправдало.

Наконец, успокоившись и прогнав подлую мыслишку, я прикрыла инспектора его же рубашкой и камзолом. Пора начинать лечение. Это слово совсем не подходит, но да ладно. Смысл тот же: я хочу избавить пациента от страданий.

Древние артефакты из церигия считаются самыми мощными, с их воздействием мог справиться только другой древний артефакт. Или хотя бы отсрочить влияние, как было в случае Аламейского.

Но мало кто знал, что проявившие себя чары можно снять с объекта и перенести на какой-то предмет, сделав из него сильный одноразовый амулет.

Дед предсказывал мне славу самого талантливого специалиста по древним артефактам. Еще бы, моя стихия – земля, проводить дни в

семейной библиотеке я начала с шести лет. И главное, я потомственный артефактор, должна стать десятой в роду.

Должна была. А я взяла и поступила на целителя.

Дед не простил...

Прогнав невеселые воспоминания, отыскала на полу одну из спилек, выпавшую из прически. Украшавший заколку аметист отлично примет на себя чары, главное, потом случайно не активировать их.

Я наклонилась над спящим, чтобы прижать ладони к его вискам.

Аламейский открыл глаза.

– Джемма, – прошептал хрипло.

И дернул на себя.

Упала я крайне неудачно – областью декольте на лицо инспектора. Он умиротворенно вздохнул туда и задышал ровно. Уснул?.. Похоже на то.

Выждав еще немного, я осторожно выбралась из чужих объятий и поднялась на дрожащие ноги.

Мне везло, бессовестно везло!.. Аламейский не ожидал бесчестности с моей стороны и сбросил с одеждой и защитные артефакты, открылся, поэтому и пропустил мощное заклинание сна. Жаль только, утром он будет помнить, кто его навел.

Озарение, приправленное грустью, накатило внезапно: он не простит. Я фактически навязалась, показала, что не прочь близости, а сама... предала его доверие. Нет, точно не простит.

А и не надо! Сейчас сниму чары, утром встречусь в школе, чтобы узнать имя убийцы, и больше мы никогда не увидимся. Я уеду из города, надеюсь, Лил уже собрала вещи.

Преисполненная мрачной решительности, я потянулась к вискам мужчины. И опять все повторилось: через секунду я лежала на Аламейском. Продолжая спать, он гладил мою спину, неотвратимо спускаясь ниже.

Да что ж такое! Не смешно.

И снова я вывернулась.

Мне мешают шаловливые руки инспектора, с ними надо что-то делать. Если он продолжит и дальше меня хватать, я не смогу сконцентрироваться на воздействии артефакта. Что следовало сделать? Обездвижить или хотя бы связать руки. Только чем?

Я прошла по кабинету, заглядывая в шкафы, темные углы и ящики стола. Комната безлика – только мебель и книги.

Поколебавшись, беспрепятственно открыла окно, впуская напоенный ароматом ночных цветов воздух. Остатки любовного хмеля выветрились из головы, и я нашла решение. А что, если... Или не стоит? Это уже чересчур?

Ладно, хватит медлить, пора что-то делать, пока не вернулся кучер. Аламейский и так будет меня ненавидеть утром, можно особо не беспокоиться о выборе средств, не деликатничать.

Вздохнув, я передвинула массивный стул к изголовью софы, затем сняла чулки и ими привязала беспокойные руки к спинке тяжелой мебели. Все, теперь не будет отвлекать своими нескромными прикосновениями.

Спящий Аламейский подергал руками и успокоился.

Перейдя на магическое зрение, я отыскала сеть, опутывающую определенный участок мозга. Влечение начинается с головы, все правильно. Не будь я целительницей, не знала бы, что искать, а так прекрасно представляла, куда метили чары страсти.

Зря дед назвал мою учебу бесполезной для рода артефакторов: снять «Сеть» без углубленных знаний о строении тела человека я бы не решилась.

Аккуратно подцепив багровую «сетку» (королевству ведь не нужен сверхзабоченный инспектор?), я перенесла ее на заколку. Закрепила. И выдохнула. Получилось!

Проверив инспектора, убедилась, что он чист от зловредной магии и утром проснется бодрый и довольный. Хочется верить в последнее.

Когда вознамерилась развязать мужчине руки, услышала цокот копыт. Хорошо, что открыла окно: возвращение кучера не стало неожиданностью.

Ладно, проснется инспектор, сам развяжется: достаточно перевернуться на бок, а затем на живот, чтобы рассмотреть узлы и распутать их.

Наспех закрутив волосы в пучок и заколов парочкой шпилек (зачарованную спрятала в потайной карман), я покинула библиотеку и связанного Аламейского. Вовремя. Мужчина в черном плаще уже вошел в холл.

– Хельц, срочно везите меня домой! – строго приказала я.

Кучер обвел меня насмешливым взглядом, затем как-то странно повел носом, будто принюхиваясь, и вскинул белую бровь.

Мое сердце замерло, ожидая подвоха. Неужели о чем-то догадался? Спросит, где его хозяин? Почему не вышел со мной?..

Покосившись на дверь библиотеки, кучер кивнул:

– Как пожелает госпожа.

Я перевела дух и пошлепала на улицу. Хорошо, что он не посмотрел, в каком состоянии Аламейский.

Плиты двора были теплыми, но попадался мелкий мусор, доставляя неприятные ощущения. Кучер если и заметил, что я босиком, то проигнорировал. Интересно, где мои туфли? Остались возле дома градоначальника?

Молчаливый Хельц открыл дверцу кареты и даже подал руку. Я коснулась голой кожи – уж лучше бы этого не делала! – и вздрогнула. Руку обожгло холодом. Хельц точно не человек...

Ближайшая лошадь нетерпеливо фыркнула, отвлекая меня от открытия.

Время, проведенное в карете, показалось мигом. Я толком и не придумала, как вести себя утром, решив остановиться на привычной тактике светской дамы: делать вид, что ничего не произошло.

Домой я вернулась, ощущая, как будто город изменился, став чужим. На самом деле изменилась я, мое восприятие действительности, но анализировать, почему именно, не буду. Не время.

Коттедж встретил тишиной и круглыми от удивления глазами Лил.

– Джемма, происходит что-то страшное, да? Инспектор задержал из-за меня? Ему пожаловались на тебя?

– Не выдумывай, ты ни при чем.

Страх порой лишал Лил рассудительности, что и неудивительно после того, что ей довелось пережить.

– Хлоя сказала, что ты не вернешься до утра. Ты в порядке?

– Что со мной сделается? Ты собрала вещи?

– Да, как ты учила. Собрала документы, драгоценности, деньги и вещи на первое время.

– Хорошо, я утром еще посмотрю и добавлю зелья.

– Так что все-таки произошло у градоначальника? Хлоя рассказывала путано, рыдая, пришлось дать ей твоих капель, чтобы она успокоилась. А она взяла и уснула!

Возмущение моей воспитанницы понятно, еще и я ее разочарую.

– Утром, Лил, все будет утром. Хочу спать.

Первым делом я проверила сына. Он все так же безмятежно спал. Не нравится мне это, слишком спокоен в последнее время.

Просмотрев ауру, я убедилась, что Оливер в порядке, просто резерв переполнен, пора куда-то выплескивать силу.

В ванной я пробыла недолго – вода не подарила успокоение, как обычно, она слишком раздражала все еще чувствительную после поцелуев инспектора кожу.

А ведь я увлеклась... Я была не прочь отдаться фактически незнакомому мужчине. Его прикосновения сводили с ума, на какое-то время заткнув рот совести. Да что там, кажется, она и вовсе не подавала голос, настолько все было восхитительным и правильным почему-то.

Я проворочалась на постели целый час, старательно прогоняя воспоминания о минутах, проведенных в объятиях Аламейского. Зря я его оставила связанным. Боюсь, он не простит подобного неуважения, что я усыпила его, королевского эмиссара. Он может оскорбиться, и тогда в моей жизни станет намного больше проблем.

Остается уповать на его благоразумие и чувство юмора. Подумаешь, никчемная магичка из провинции обвела вокруг пальца. Об этом же никто не узнает. Да и вообще, он должен благодарить за то, что я убрала влияние артефакта.

Нет, все обойдется. Аламейский вскоре покинет город, он не станет мне мстить.

* * *

Обычно по утрам я тщательно выравниваю волосы. Приезд инспектора вывел меня из равновесия, и вчера я ходила в школу с волнистыми локонами – все еще действовало заклинание предыдущего дня. Сейчас же мои волосы закрутились неукротимыми спиральками,

словно мстя за то, что лишала их естественности, выпрямляя заклинанием.

Кое-как собрав свои кудри в лохматую прическу, я отправилась в школу, толком не позавтракав. Хлоя и вовсе не смогла одолеть и чашки чая – мешали зубы, выбивающие тревожную дробь о фарфор.

– Госпожа Рутшер, я боюсь, – призналась она в сотый раз, когда мы подошли к школе.

Я тоже, Хлоя, я тоже...

Вслух же повторила банальные слова успокоения:

– Все будет хорошо.

Утешая Хлою, я желала поскорее вернуться домой. Не будь запрета покидать территорию школы, на рассвете вывезла бы сына и Лил из города. Увы, пока не найден убийца директора Вандура, это невозможно.

Наши шаги гулко разносились в пустом коридоре. Школа словно вымерла.

А ведь оставалось шесть преподавателей, которые летние каникулы предпочли провести здесь, а не навещать родственников. Так почему тут настолько тихо? Где все? До назначенного инспектором часа еще есть время, не верю, что все уже собрались и сидят в кабинете покойного директора. Неестественная тишина даже для каникул. Такое ощущение, что я иду в ловушку...

А если и правда?

– Госпожа Рутшер, наконец-то!

Скрипучий голос Снулой Рыбы привел меня в чувство. Какая ловушка? Откуда ей взяться. Я впустую себя накручиваю.

– Как вам не стыдно задерживать всех? – Госпожа Ключек поджала губы.

Темно-коричневое платье с высоким воротником до самого подбородка, будто зализанные назад волосы и полные неодобрения водянисто-голубые глаза. В руках маг-хозяйственник сжимала лейку, из которой обычно поливала цветы в школе. Она даже в моем кабинете пыталась хозяйничать, хоть я тоже маг земли и умею заботиться о цветах не хуже. Пришлось провести не одно сражение, чтобы отвадить Рыбу прочь.

Я не стала спорить, говоря, что не опаздываю, скандал мне не нужен.

– Доброе утро, госпожа Ключек. Вы прекрасно выглядите. Приезд инспектора влияет на вас положительно.

– Не говорите глупостей, госпожа Рутшер! – фыркнула женщина и, обогнав нас с Хлоей, зашла в кабинет.

Девушка прерывисто выдохнула:

– Я словно пустое место. Дела у моей семьи действительно плохи, раз даже Снулая Рыба позволяет себе пренебрежение.

– Не преувеличивай, Ключек требует неукоснительного соблюдения правил от других, себе же позволяет поблажки.

Я старалась ободрить девушку, понимая, что она права. Тяжело ей придется. Возможно, гораздо тяжелей, чем выйти замуж за нелюбимого. Для себя я вчера выяснила, что инспектор – восхитительный мужчина... В ближайшее время Хлоя наверняка влюбилась бы в него как кошка.

Пикантные воспоминания заставили полыхать стыдом лицо. Потребовалась вся моя выдержка, чтобы совладать со смущением, и смелость, чтобы переступить порог директорского кабинета.

– Доброе утро.

Инспектор чинно восседал за массивным столом. Собранный, лицо непроницаемо. Чернильно-фиолетовый камзол, черный жилет, белоснежная рубашка, в тон ей шейный платок придавали его облику дополнительную строгость. Далекий, холодный, бесконечно чужой мужчина. И почему я решила, что он начал испытывать ко мне нечто большее, нежели наведенная страсть? Наивная Джемма...

Тонкостенная белая чашка в загорелых пальцах смотрелась неестественно – им бы сейчас сжимать рукоятку кинжала или выплетать активационные жесты боевых заклинаний.

Инспектор неторопливо сделал глоток чаю и небрежно обронил:

– Доброе утро, дамы. Прошу, присаживайтесь.

Я будто очнулась и заметила присутствующих в кабинете людей: мои коллеги, градоначальник и его племянник в антимагических кандалах... Удивительно, что я сразу их не увидела.

– Если желаете, налейте чаю, – добавил Аламейский и указал на белый заварочный чайник, который окружали пустые чашки – никто не рискнул пить под стылым взглядом эмиссара короля.

– Благодарю, завтракала, – соврала я.

Из девяти стульев пять пустовало. Три напротив инспектора я проигнорировала: не хочу, чтобы он буравил меня недовольным взглядом. Что чародей не в духе, видно всем, а не только той, которая едва не стала с ним чересчур близка.

Снулая Рыба восседала по левую руку от инспектора, продолжая сжимать цветочную лейку. Рядом с ней развалился младший Грэхем, чувствующий себя привольно даже в антимагических наручниках. Третий стул слева от Аламейского занял Мартис, преподаватель основ артефакторики, сухощавый старик в очках с толстыми линзами и с щеточкой седых усов под острым носом.

Справа, сразу возле Аламейского, пустовало два стула, третий занимал провинившийся градоначальник. Его беспокойные руки нервно крутили пуговицу на траурно-черном камзоле.

Ловко меня обогнув, Хлоя мышкой прошмыгнула за спиной отца и села ближе к инспектору, точно ища у него защиты. Мне пришлось занять стул возле раздосадованного градоначальника.

– Уважаемые дамы и господа... – Инспектор сделал паузу, обводя присутствующих безучастным взглядом. – У вас наверняка возник вопрос, почему здесь не все, кто находился в школе, когда было совершено убийство.

Преподаватель артефакторики, протирающий очки большим платком, согласно закивал.

– Лучше ответьте, почему здесь я и моя дочь? Нас точно не было в школе, – мрачно поинтересовался градоначальник.

Неожиданный вопрос. Несмотря на то что Хлоя пошла против родительской воли, отец все еще ее защищал. Меня же, когда оступилась, никто не поддержал, наоборот, осудили и отказали в крыше над головой. Род артефакторов оказался принципиальнее, нежели преступивший закон градоначальник.

Противное ощущение горечи разлилось в душе.

Инспектор проигнорировал вопрос Грэхема.

– Что ж, отвечу. Я пригласил лишь тех, кто был заинтересован в смерти директора.

Вот это поворот!.. Если я удивилась мысленно, то коллеги не сдержали эмоций. Какой же поднялся галдеж! Все заговорили одновременно, перебивая соседей.

– Зачем мне убивать Вандура? – поразился младший Грэхем, звякнув кандалами.

– Я?.. Я хотела смерти господина Вандура? – воскликнула Снулая Рыба и, всхлипнув, отвернулась к окну. – Благодетеля нашей школы? Этого прекрасного человека?

– Вандур был моим другом! – возмутился артефактор. Очки в его руках мелко подрагивали.

– Мы обожали нашего директора! – со слезами в голосе добавила Снулая Рыба. – Все, кроме его негодяйки жены.

Поднявшись из-за стола, инспектор заявил:

– Мне будет бесконечно приятно открыть вам глаза на то, каким человеком был на самом деле директор Вандур.

В конце-то концов, на что он все время намекает? Достали уже недомолвки!

В дверь постучали. Высокий блондин в темно-красной униформе отряда особого назначения отрапортовал:

– Ваше чародейство, беглецы доставлены.

Беглецы?.. Они догнали Айону с Прекстоном?

– Ведите, – разрешил лорд Аламейский и цинично добавил: – Люблю драмы.

Я же смотрела на него во все глаза – и не узнавала. Холодный, бессердечный, желчный. Куда подевался вчерашний мужчина? Ироничный и в то же время человечный? Он ведь сражался с чарами страсти до последнего, лишь я виновата в том, что он на меня набросился. Но даже тогда чародей был бесконечно нежным и заботливым.

Кто этот незнакомец? Из каких темных уголков души вырвался? Или это и есть истинное лицо лорда Аламейского, эмиссара короля?

Глава шестая, в которой инспектор играет в детектива

В директорский кабинет, гордо вскинув подбородок, вошла Айона. Хрупкое телосложение, светлые волосы и невозможно большие синие глаза – воздушный дух, а не живой человек.

– Клятвопреступница! – зло прошипела Снулая Рыба. – Убила мужа, которому клялась в верности пред ликом Гармонии!

Новоиспеченная вдова не смутилась, сделала вид, что не услышала.

Айону воспитывала бабушка, слабый маг воды. После ее смерти девушка осталась работать в школе, вместо того чтобы учиться дальше. Объяснялся выбор просто: ей пришлось платить долги за лечение родственницы. Директор Вандур помогал в меру своих сил, был добр и участлив. И Айона не успела оглянуться, как, окутанная заботой словно паутиной, оказалась замужем за магом намного старше себя.

Кто-то сказал бы, что и не такие союзы бывают по любви, но... Любви там не было, было уважение и благодарность потерянной девушки и желание сильно зрелого мужчины присвоить себе чужую весну.

Я очень удивилась, когда, переехав в Подгорск, увидела рядом с воздушной, будто наделенной невидимыми крыльями красавицей ворчливого, плотно сбитого скрягу.

Жаль, что мы не поселились в этом городке раньше. Возможно, мне не удалось бы вылечить старушку, зато у Айоны не было бы таких долгов и неподходящего мужа.

А полгода назад в школу пришел новый преподаватель боевой магии, Прекстон, и моя подруга впервые влюбилась. Она честно попросила развода, но Вандур заявил, что только смерть разлучит их. И через два дня умер. Наводит на определенные предположения, не так ли?

Вот только я не верила, что моя подруга могла огреть ненавистного мужа по голове.

– Все хорошо. Я с тобой, не бойся, – ободряюще коснувшись руки Айоны, заверил Прекстон и отодвинул ей стул напротив инспектора.

– Теперь все в сборе. С кого начнем? – с предвкушением поинтересовался тот.

Такое ощущение, что Аламейский вот-вот начнет потирать руки. Нравилась сложившаяся ситуация? Приятно быть в курсе событий, когда остальные бродят во тьме?

– Итак, начнем с господина Мартиса, – решил инспектор, и пожилой артефактор торопливо водрузил очки на нос. – Год назад вы попросили своего друга оформить патент, пока сами не могли покидать Подгорск.

– Но как... Откуда вам это известно? – растерялся Мартис.

Мои коллеги разделили его недоумение.

Год назад артефактор сломал обе ноги и руку, когда упал с крыши. Как и Вандур, он отличался скупостью и решил, что сумеет поправить черепицу самостоятельно, за что и поплатился. К целителю, чтобы ускорить регенерацию костей, он также не захотел обращаться. Мне его было жаль, но у него имелись немалые накопления, а у меня на тот момент – только мой резерв, который я могла потратить на того, кто заплатит. Откуда Аламейскому известно о зловключениях преподавателя? Успел просмотреть его личное дело?

– Преданный друг, – с издевкой подчеркнул каждое слово инспектор, – оформил патент на свое имя, заверив, что в том была крайняя необходимость. От хорошего знакомого Вандур якобы узнал, что нечто подобное вскоре появится на рынке артефактов и нужно оформить документы раньше. Со сломанной правой рукой вы бы все равно не сумели подписать документы. Так он говорил? И вы ему поверили, даже предложили процент от сделки, не подозревая, что сумма отчислений уже и так сильно занижена.

Инспектор достал из кармана связку ключей с черной палочкой на кольце. Активировал ее – и комнату залил мягкий желтоватый свет. О, светошумелка? У меня такая есть, недавно купила у артефактора. Вечером, после изматывающей работы, ходить с подобной штукой одно удовольствие: не нужно создавать «огоньки», отдавая последнюю силу. Светошумелка не только освещала путь, но и отпугивала бродячих псов, а то и грабителя. Главное, чтобы тот не оказался глухим.

– В столице у каждой второй горожанки есть светошумелка. – Инспектор, поигрывая активным артефактом на связке ключей, порой светил прямо в лицо госпожи Ключек, и та недовольно морщилась, но молчала. – Узнав, что Вандур вас обманул, занизив истинные цифры отчислений за изобретение, вы его убили, ударив по голове.

Бедный господин Мартис! Его трясло от страха.

– Да, я узнал, что он солгал. Но я не убивал его! Не убивал, хоть и собирался... Мне не хватило смелости...

Плечи мужчины поникли. Он спрятал лицо в узких дрожащих ладонях.

Потеряв интерес к сломленному артефактору, инспектор перевел взгляд на преподавателя истории магии.

– Лорд Грэхем, возможно, вы не знали о блестящем криминальном таланте своего директора, но он мешал вам подобраться к госпоже Рутшер, не так ли?

Меня упомянули неожиданно, да еще в таком контексте – и в животе похолодело. Неприятно, мерзко, особенно учитывая то, что это слышали все! Что Грэхем ко мне приставал, знали только Вандур и Айона.

Блондин не стал ничего отрицать. Он откинулся на спинку стула и взирал на инспектора с превосходством, словно то, что на руках антимагические кандалы, – незначительное недоразумение. Нападение на эмиссара короля – серьезное преступление. На что он рассчитывал? Что договорится с судьями?

– Вандур даже пригрозил увольнением, когда узнал о приставаниях, – спокойно просвещал инспектор. – С чего вдруг? Первая черта, которая не вяжется с беспринципностью директора.

– И поэтому я должен был его убить? – язвительно уточнил Грэхем.

– На эмоциях, в порыве гнева, люди убивают и за меньшее, – кивнул инспектор. – Вы одержимы госпожой Рутшер, и я с легкостью поверю, что вы сорвались.

– Верьте, – надменно разрешил мой назойливый поклонник. – Я не убивал директора.

В этот раз я успела заметить быстрый взгляд инспектора на перстень из церигия. Так вот к чему этот пространный разговор!..

Аламейский всех проверяет артефактом лжи. Если бы я не знала о его существовании, то и не подумала бы.

– Переходим к следующему подозреваемому, которого вы выбрали сами. Гениальный махинатор и в любви не смог обойтись без аферы, иначе почему за него вышла столь прекрасная девушка?

Вроде бы и комплимент сказал, но Айона поежилась.

– Я не убивала своего супруга, – быстро ответила она. – И готова дать клятву, пройти проверку любым артефактом.

Инспектор поскущел, как будто ему поломали увлекательную игру.

– Думаю, мы обойдемся своими силами, без проверок. Итак, госпожа Вандур, вы вышли замуж за нелюбимого, некрасивого, старого, но безумно гениального афериста. Недавно влюбились и решили развестись. Я прав?

Айона упрямо повторила:

– Я готова призвать богов в свидетели, что не убивала!

– Еще скажите, что не знали, что ваш супруг – гениальный мошенник, – насмешливо отозвался инспектор.

Луч светопшумелки вновь попал на лицо Снулой Рыбы, и та поджала губы, снова подавив возмущение.

– Простите, вы постоянно говорите о гениальности директора, – не выдержала я. – В чем же она выражалась? Просветите нас.

– Я думал, что меня об этом так и не спросят, – с деланным облегчением признался инспектор. – Вот вы, госпожа Рутшер, тоже могли убить директора в состоянии аффекта.

– Я?!

Что окажусь в числе подозреваемых, я не предполагала, решила, что меня пригласили как возможного свидетеля. А тут обвинение, да еще убийство в состоянии аффекта! Я самая рассудительная женщина в этом городе, у меня же сын!

Не подозревая о буре эмоций в моей душе, инспектор продолжил рассуждать вслух:

– Допустим, вы узнали, что по документам школьным целителем все еще числится ваш покойный супруг. А вы занимаете должность его помощницы. Вместо двух зарплат Вандур платил вам крохи. Разве он не гений?

Я потеряла дар речи. Мучаясь угрызениями совести, я выбивала себе надбавку, поощрения, когда могла спокойно получать две зарплаты?.. Ну, Вандур и жук! Навозный.

– Вандур делал деньги из всего, в любой ситуации. Разве он не великолепен? Даже жаль, что кто-то из присутствующих решил его убить.

На меня накатила грусть, что верила бесчестному человеку, восхищалась его умением в тяжелое время держать школу на плаву. Но желание убить? Нет. Я знаю, как порой тяжело удержать нить жизни, я бы не стала ее обрывать сознательно.

Погруженная в мысли я не сразу вернулась к общему разговору. Инспектор, как последний негодяй, восхищался криминальным гением Вандура, больше десяти лет обворовывавшего школу, преподавателей, государство...

– В одном Вандур поступил низко: он обкрадывал детей, своих учеников, не так ли господин Прекстон?

Учитель боевой магии даже в лице не переменился, но лежащая на колене ладонь сжалась в кулак – я бы не увидела, если бы не сидела наискосок.

– Выпускникам школ магии, которые потеряли родителей, король назначил денежную помощь, чтобы первые годы обучения в университете они не знали нужды и думали только об учебе. Но Вандур и эти деньги присвоил себе.

Желваки ходили на скулах Прекстона.

– Было тяжело, господин Стоун? – с неожиданным сочувствием спросил инспектор. – Узнав от сокурсников, что в школе вам не выдали подъемные, вы обозлились и решили отомстить. Сменив имя, вернулись уже преподавателем, чтобы... убить директора?

Снулая Рыба ахнула.

– Я вернулся, чтобы разоблачить Вандура и передать в руки закона.

– И почему же вы этого не сделали? Ах да, красивая жена Вандура показалась привлекательней мести.

– Я хотел, чтобы он дал развод Айоне до разбирательства, чтобы ее имя не трепали вместе с его.

– Защита чести? Благородно. Но Вандур отказался отпускать жену. И вы, осерчав, его убили.

– Нет, он не мог! – возмутилась Айона. – Стоун не такой!

– Что ж, артефакт правды подскажет ответ. – Инспектор усмехнулся и перевел взгляд на градоначальника. – Вы, господин Грэхем...

– А я прикрывал Вандура, когда приезжала редкая проверка из столицы, – торопливо заговорил мужчина. – Сбивал с толку с помощью артефакта иллюзий, когда ходили по школе, и получал за это свой процент, каюсь. Но я Вандура не убивал, призываю в свидетели и Гармонию, и Дис!

Страшная клятва, обманувший живет недолго.

Инспектор хмыкнул и не стал ворошить грязное белье Грэхемов. Хотя куда уж больше? Всей семье и так достанется.

– Госпожа Ключек, вам тоже нелегко пришлось, – с сочувствием произнес инспектор. – Вы первая женщина на посту мага-хозяйственника в истории королевства.

– На посту магички-хозяйственника, – педантично поправила Снулая Рыба.

– Вам было сложно, ведь директор ни во что не ставил умных женщин, никогда не считался с ними...

Рыба загрустила. Нежелание окружающих признавать ее заслуги всегда было больным местом. Это и то, что она самостоятельная женщина, не хуже мужчин.

Инспектор в очередной раз махнул ключами, нечаянно светя в глаза Ключек.

– Гениальные схемы Вандура, увы, оказались не по зубам даже вам. Но это и понятно. Подобные гении рождаются раз в столетие...

– Да не был он гением! Не был! Это я! Я все придумала! – завопила Снулая Рыба, вскакивая на ноги. – Вандуру не хватило ума проводить финансовые потоки, он даже с градоначальником не мог договориться без меня! И хватит играть этой штуковиной, достали!

Господин Грэхем тяжело вздохнул и прикрыл лицо ладонью, всем видом выражая огорчение чужой глупостью.

Рыба, ослепленная возмущением, не сразу поняла, в чем создалась.

– Вы не только знали о махинациях директора, но даже их разрабатывали, став мозгом всех противозаконных схем, – подытожил признание невозмутимый инспектор.

– Я... Я не то имела в виду.

– Не отпирайтесь, госпожа Ключек, поздно. Наш настоящий криминальный гений найден, – торжественно произнес Аламейский. – Вандур написал прошение об отставке. Вы стукнули его сгоряча, узнав, что он собрался бежать с молодой женой, оставив вас разгребать последствия.

Я ожидала, что она начнет отрицать. Нет, женщина упала на стул и заплакала. Госпожа Ключек выглядела словно потухшая свеча. Отчаяние и тоска были в ее водянистых глазах, когда она обвела нас печальным взглядом.

– Я его любила... Дала возможность заработать деньги, а он женился на девчонке. Надеялась, что наиграется и вернется, а он собрался в бега. Не со мной...

Госпожа Ключек отвернулась к окну.

– Драма завершена, все свободны, – сообщил инспектор тихо. – А вы, госпожа Рутшер, останьтесь.

Бывшие подозреваемые возбужденно заговорили, заглушая тихие всхлипы еще не старой, обманутой в своих ожиданиях женщины.

В кабинет вошли боевые маги и забрали магичку-хозяйственницу, градоначальника и преподавателя истории. Уходя, лорд Грэхем одарил меня долгим взглядом. Я не переживала, что он планирует мне навредить, не сейчас точно. А вот зачем я понадобилась инспектору? Вопрос!

– Джемма, мы подождем тебя в коридоре, – решительно заявила Айона, косясь на чародея.

– Я не съем вашу подругу, обещаю, – усмехнулся тот и склонился над какими-то бумагами.

– Буду признательна, если подождете. – Я перевела взгляд на бледную Хлою. – Если не против, иди с госпожой Вандур.

Что делать с девушкой, я пока не представляла, надеялась, что инспектор подскажет, но он вел себя не так, как вчера, и вряд ли теперь поможет.

Поколебавшись, Айона вышла под руку с неприлично счастливым Прекстоном, точнее, Стоуном, который явно остался доволен развитием событий. Хлоя торопливо засеменила за парочкой. Артефактор хотел что-то спросить, но не решился и тоже покинул кабинет.

Интересно, как решится вопрос с присвоенным патентом? Верю, что справедливая Айона, как единственная наследница Вандура, вернет права настоящему изобретателю. А вот прочее, сворованное у школы, будет конфисковано – никаких сомнений в этом нет.

Когда о многолюдном собрании напоминали лишь в беспорядке стоящие у стола стулья, инспектор поднял голову от бумаг. С минуту он рассматривал меня молча, затем достал из ящика стола длинную черную коробку.

– Это ваше.

Я не спешила забирать, мало ли что это. Вдруг очередная проверка?

Инспектор вскинул рассеченную шрамом бровь, недоумевая из-за моей медлительности.

– Вы ведь знали, что Вандура убила Ключек? Еще вчера пообещали назвать имя убийцы, так зачем устроили балаган?

Аламейский честно признался:

– На месте преступления осталась лейка для полива цветов. Вода в ней сохранила разговор директора с убийцей. Они обращались друг к другу по именам, мотивы я предполагал, так что распутать дело было неприлично легко.

Вытащил разговор из воды?.. Но такое по силам только... О боги!

Я растерялась, затем обозлилась на саму себя. Я ведь видела, как Аламейский магичит, применяя заклинания разных стихий, должна была понять раньше! Он не просто чародей, а универсал! Как король Элгеус. Ему подчиняются все стихии, и боги наградили сопутствующими дарами. Теперь понятно, как Аламейский закрыл врата в мир демонов, тем самым закончив войну. Он безумно сильный чародей.

...Не то что некоторые маги, которым попытка создать «Запиратель миров» стоила слишком дорого...

Несвоевременное воспоминание, полное грусти, я прогнала усилием воли и вернулась к настоящему.

– Вы могли арестовать Ключек без шума, но предпочли устроить допрос нам всем.

Аламейский усмехнулся:

– Это было забавно – реакция разных людей на несправедливые обвинения. К тому же так я развенчал образ пресветлого благодетеля

школы. Ненавижу лицемеров.

Медленно передвигая коробку по столу, он обошел его.

– Это ваше, Джемма.

Аламейский остановился, заставляя остро чувствовать, что между нами считанные сантиметры. Так близко, что можно коснуться его...

Какие глупости лезут в голову! Я на миг зажмурилась, прогоняя наваждение.

– Берите, Джемма, не бойтесь.

– С чего вы взяли, что боюсь? Я просто осторожна.

С детства отличалась любопытством, вот и сейчас не удержалась, потянувшись за коробкой, стараясь не коснуться Аламейского.

– Они у вас от природы вьются?

Я держала коробку, а Аламейский – прядь моих волос, похожих сейчас на пучок взбесившихся пружин.

Я застыла, не веря, что инспектор меня бессовестно трогает.

– Вьющиеся волосы – ужас моего рода, – мрачно подтвердила я. – Только сын избежал этого проклятия.

– Отцовская кровь оказалась сильнее, – пробормотал инспектор и отпустил мой локон.

Выдохнув, я решительно открыла коробку. К щекам тотчас прилила кровь.

Чулки... Такие же, как были у меня, только новые.

– С туфлями вышла проблема: Хельц не отдаст свою реликвию, а похожих я не нашел. Верну, как отыщу.

Еще бы, я их покупала не здесь, а в столице... Так, минуточку! Почему моя обувь стала реликвией Хельца?.. Ох, и о чем я думаю? Нужно бежать, пока инспектор не вспомнил об Оливере и пансионе!

– Спасибо, – поспешно поблагодарила я и напряженно поинтересовалась: – Я свободна?

– Как птица, – подтвердил Аламейский, но отходить от моего стула не спешил.

Напряжение разлилось между нами ощутимой волной.

Я не поднимала глаз, боясь встретиться с ним взглядом. Почему он такой? Раз принес новые чулки, старые порвал, освобождаясь, но при этом молчит о вчерашнем, ничем не выдает свой гнев. Он ведь должен злиться! Должен...

Или я плохо знаю мужчин.

– Джемма, ты ничего не хочешь мне сказать? – Аламейский мягко опустил руку мне на плечо.

Момент, которого я ждала и так боялась.

Дверь резко распахнулась, в кабинет осенним резким ветром влетела госпожа Грэхем, жена градоначальника и мать Хлои. И не с пустыми руками – кроме ридикюля, на локте она несла шляпный кофр.

– Вот. – Содержимое круглой коробки со звоном вывалилось на стол. – Я слышала, вас интересуют древние артефакты.

Решительно пододвинув их ближе к инспектору и, соответственно, ко мне, госпожа Грэхем ошарашила заявлением:

– Пять предметов, изготовленных древними мастерами. Я отдам их в вашу коллекцию, если не станете обвинять мою семью в нападении на свою персону.

Личность эмиссара, как полномочного представителя короля, неприкосновенна. За малейшую обиду – спрос, а уж использование ему во вред древнего артефакта и принуждение к насилию над невинной магичкой ради заключения брака – и вовсе шокирующее преступление.

Госпожа Грэхем говорила что-то еще, бесстрашно, напористо, без оглядки на то, что совершает еще одно преступление: дачу взятки должностному лицу. Я почти все пропустила мимо ушей, меня манили предметы на столе.

Словно в трансе, я протянула руку – и древние артефакты отозвались.

Каждая вещь из церигия уникальна, их слышу я по-разному. Изящная статуэтка танцовщицы, вскинувшей вверх тонкие руки, звучала минорно; ажурный цветок на длинной цепочке шелестел весенней листвой; вычурная ракушка напоминала о морском прибое; зеркальце серебристо звенело, предлагая взять его в руки.

И только бокал, внушающий неудержимую страсть, из которого вчера пил Аламейский, молчал.

– А это подделка. – Слова вырвались прежде, чем я осознала, что обнаружила.

– Подлог? – требовательно уточнил Аламейский.

Раз начала откровенничать, пришлось подтвердить:

– Да, остальные настоящие, вдобавок полны сил и прослужат еще долго.

Госпожа Грэхем настолько удивилась моим словам, что не стала ничего отрицать. Только часто моргала и потрясенно смотрела на меня, словно видя в первый раз.

– Вам жаль расставаться с бокалом, госпожа Грэхем?

Женщина отмерла и испуганно затрясла головой.

– Н-нет, ваше чародейство! Я побоялась отдавать главное доказательство, то, что было использовано против вас. Но оно со мной, в ридикюле, – пробормотала она и упала на колени. – Простите нас! И примите эти артефакты в дар. Пусть мужа обвинят в мошенничестве, но не в нападении на эмиссара короля!

– А как быть с предыдущим случаем использования бокала? – справедливо поинтересовался инспектор. – Ваша старшая дочь вышла замуж за аристократа лишь благодаря чарам.

– Амалия ждет ребенка, не губите ее, умоляю! За год зять полюбил ее и так же нетерпеливо ждет наследника. Пожалуйста, пощадите его... И Хлоя тоже не виновата – я ее заставила. Я и должна понести наказание. Отпустите Хлою, пожалуйста.

– Поднимитесь. – Аламейский болезненно поморщился, как будто вид стоящей на коленях унижающейся женщины приносил ему нестерпимую физическую боль. – Я согласен на сделку. За пять – подчеркну, настоящих! – артефактов прощу нападение. И что супруг вашей старшей дочери ее принял окончательно и даже полюбил, мне известно. Однако Хлою я отдавать вам не намерен.

– Почему? Она в самом деле не виновата! – В глазах женщины застыл страх. – Мы ее заставили...

– Не в этом дело. Я уже договорился с вдовствующей королевой, что привезу еще одну воспитанницу для ее школы благородных магичек.

Госпожа Грэхем не сдержала изумления, произнесла что-то невразумительное.

Я понимала ее потрясение: упомянутая школа – место, куда попасть сложно даже столичным аристократкам. Считается, что ее выпускницы – лучшие невесты королевства Церестан.

Меня покорило, что Аламейский согласился снять обвинение в использовании артефакта зловредных чар. Впрочем, это он пострадал и вправе решать, миловать или карать. А вот то, что спас Хлою, вырвав ее из-под влияния беспринципной семьи, приятно удивило. Также

неожиданными стали поступки госпожи Грэхем: если вчера она показалась отвратительной матерью, сейчас я могла поверить, что дочь она любит.

Не то что мои родные...

Привычно прогнав ранящие мысли, я тихо поинтересовалась у инспектора:

– Я могу идти?

Он о чем-то напряженно размышлял, хмуря брови, и просто кивнул.

– Джемма, ты в порядке? – встревожилась подруга, стоило мне выйти из кабинета.

– Не совсем. Пойдемте, надо спешить. – Повернувшись к жмущейся к стене Хлое, я сообщила: – Все хорошо, обвинения в нападении не будет, госпожа Грэхем договорилась. Правда, придется поехать с инспектором на учебу в школу магичек, которой покровительствует вдовствующая королева.

Хлоя едва сознание не потеряла от удивления и схлынувшего напряжения.

– Желаю удачи от всей души! – произнесла я, крепко обнимая девушку. – Может, когда-нибудь увидимся.

Попрощавшись торопливо, я подхватила расслабленную Айону под руку и потащила прочь из школы. Прекстон... то есть Стоун безропотно последовал за нами на некоторой дистанции – деликатно давал посплетничать.

– Куда ты несешься, Джемма? Что случилось?

– Инспектору известно, что Оливер чародей. Мы уезжаем из Подгорска.

Больше ничего объяснять не требовалось, Айона и без меня помнила: чародеи – достояние королевства, если эмиссар короля пожелает, он увезет моего ребенка силой.

Глава седьмая, в которой одни проявляют героизм, другие – занудство

По дороге, быстро шагая, я рассказала Айоне новости, которые она пропустила. Подруга охала, хваталась за сердце или горящие смущением щеки.

– Джемма, а может, инспектор прав и Оливера лучше отправить в пансион? – неожиданно выдала она.

– Нет! Я не предаю своего ребенка, до последнего буду защищать его интересы. Повторяю, мы с Рутшером тщательно наводили справки: условия обучения ужасны, преподаватели чрезмерно строги, а старшие дети слишком жестоки. Представь своего будущего ребенка в возрасте Оливера. Ты бы его отправила в место, где ему будет плохо?

Подруга виновато покачала головой.

– Извини, не подумала.

– То-то же.

К моему приходу Лил развила бурную деятельность: собрала вещи и позвала господина Корса, которого я недавно бесплатно вылечила, договорившись, что по первому требованию, даже посреди ночи, он бросит все и вывезет мою семью из города. Да, я научилась искать пути отступления, всегда предполагая самое плохое развитие событий.

– Здравствуйте, госпожа Рутшер, – уважительно произнес пожилой мужчина, приподнимая шляпу.

– Добрый день, господин Корс. Спасибо, что помогаете нам.

– Вам спасибо за лечение моей ноги, – улыбнулся он и загрузил еще один сундук в багажный ящик.

Часть наших вещей пришлось разместить на крыше, и Прекстон-Стоун сейчас их проверял, нашептывая какое-то заклинание. Подозреваю, от кражи или дождя.

Лил суетливо металась от кареты в дом и обратно, неся все новые и новые кофры. Часть поместится под сиденьями, часть отправится все на ту же крышу. Все остальное, увы, придется оставить.

Оливер в сборах не участвовал, гладил пегую лошадку по бархатному носу. Торчащие во все стороны рыжевато-русые вихры,

вздернутый нос и упрямо сжатые губы – вид у сына, как у разбуженного посреди дня иглокола, лучше не подходить, иначе будешь утыкан колючками. Время от времени он бросал возмущенные взгляды на Лил, которые та замечала, но делала вид, что слишком занята сборами.

Все ясно, поссорились. Опять. У Лил, несмотря на воздушную внешность, был жесткий характер: на своем она стояла до конца. Оливер же был упрям как осел, что и приводило к частым конфликтам.

От меня же сын часто получал желаемое, всего лишь состроив жалобную мордашку. Каюсь, я плохой воспитатель. Быть строже не получалось, стоило вспомнить, что у мальчишки нет ни отца, ни дедушек с бабушками. Если я буду наказывать, то кто баловать?

Постаравшись придать голосу строгости, поинтересовалась:

– Оливер, Лил, что случилось?

Ткнув пальцем в сторону девушки, сын тотчас наябедничал:

– Она говорит, что я должен бросить свои камни. А я их уже три года собираю!

– Я сказала забрать самые редкие минералы, а булыжники, которые встречаются везде в королевстве, можно и оставить! – возмутилась Лил.

– У меня нет булыжников, каждый камень уникален!

– Ну да, расскажи, будто не я ходила с тобой, когда ты собирал свои булыжники на берегу реки.

– Это не булыжники! – упрямылся сын, задирая вверх острый подбородок.

– Дети, сейчас не время для спора. Оливер, ты можешь забрать всю коллекцию, если будешь держать кофр на коленях.

Довольный ребенок издал победный клич и побежал в коттедж. Лил осуждающе покачала головой и поплелась следом.

– Предсказываю: в итоге коробка будет стоять у вас в ногах и мешать, – хихикнула Айона.

– Ничего страшного, пару дней потерпим, – пожала плечами я. – Переезд и для взрослых серьезная встряска, что говорить о детях? А у Оливера там в самом деле коллекция: яшма, опалы, горный хрусталь, кусочки янтаря, даже инклюзы с комарами и...

Бахнуло.

Стекла вынесло воздушной волной. С крыши полетели куски черепицы.

Пахнуло жаром и горечью дыма. Коттедж мгновенно охватило кроваво-алое пламя.

– Боги... – Какая-то часть меня умерла. – Оливер! Лил!..

Преодолев секундный ступор, я бросилась к входной двери. Нечто темное мелькнуло мимо, врываясь в дом.

– Стой! – Аламейский, заступив дорогу, оттолкнул меня назад. Прямо в руки Прекстона.

Сам инспектор кинулся в объятый магическим огнем дом.

– Отпусти! Там мой сын!

Прекстон молчаливо продолжал оттаскивать меня от горящего здания.

– Оливер!.. Лил!

Я вырывалась из его рук, упиралась каблуками, кричала. Ругалась, как портовый грузчик. Тщетно. Прекстон был неумолим, как стальной капкан на медведя.

– Отпусти!

Дом горел быстро. Трещал, словно сухое дерево, в которое угодила молния.

– Оливер! Лил!

Я орала, билась в истерике. Рядом причитала Айона.

Часть меня спокойно анализировала, обдумывая ситуацию. Огонь... У Оливера проснулась четвертая стихия. Магическое пламя не повредит своему создателю, Лил – тоже, если мальчик сообразит ее прикрыть.

И паника, и разумные мысли вмиг испарились, когда из огня и дыма вынырнул инспектор, неся на плече моего сына. Золотистый щит окружал их, словно вторая кожа.

Оливер без сознания, значит, пострадал от огня? И тогда это не стихия проснулась?.. Вдруг некто подложил в дом магическую бомбу?..

Внутри все заледенело от ужаса.

– Оливер... – Хрип, сорвавшийся с губ, показался далеким и чужим.

Прекстон разомкнул руки, и я рванула к ребенку.

– Без паники, – резко велел Аламейский, – он просто без сил. Пробуждение очередной стихии изматывает.

Я пропустила объяснения мимо ушей – мне нужно было убедиться самой. Мужчине пришлось опустить Оливера на траву, подальше от пылающего коттеджа.

– Госпожа Рутшер! Давайте укутаем ребенка! – Подбежавший к нам господин Корс принес теплое одеяло.

Я не стала отказываться и положила на него бесчувственного сына. Диагностируя состояние его здоровья, я помнила и о Лил, оставшейся в пожаре.

– В огонь бросился также и Хельц, мне не показалось? – Меня потряхивало несмотря на стандартное заклинание спокойствия, которое иногда накладывали на себя молодые целители, опасаясь утонуть в эмоциях.

– Он найдет вашу воспитанницу, не переживайте.

Я кивнула, кусая губы. Обещание спокойствия не внушало, но я надеялась на благополучный исход.

– Пробуждение четвертой стихии в таком возрасте – верный признак того, что Оливер потенциальный универсал, – тихо произнес Аламейский. – Ваш муж точно его отец?

Я вскинула взгляд на инспектора и от души возмутилась:

– Призываю богов в свидетели: я никогда не изменяла супругу!

Аламейский поморщился:

– Не кричите, верю. Такие, как вы, не изменяют.

Мне почудилось снисхождение в тоне, как будто верность – это слабость? Но возмущаться не стала – из коттеджа вышел Хельц с Лил на руках.

Блондин – впервые я увидела, что его плащ распахнут и под ним простая черная рубашка и такие же штаны – шел без спешки и скалился. Довольно, пожалуй, даже счастливо, демонстрируя острые белоснежные зубы.

От подобной улыбочки мороз продрал по спине. Нелюдь! И у него в руках моя Лил... Хм, и она тоже улыбается. Смущенно. И ручки доверчиво, глупышка, обвила вокруг шеи спасителя... Такая чистенькая, без следов копоти парочка. У них даже одежда не обгорела и настроение преотличное, как будто не с пожара вылезли, а с увеселительной прогулки вернулись.

Так, ничего не понимаю. Что происходит?

– Вы смотрите, как будущая теща на потенциального зятя, – насмешливо заметил Аламейский. – Не беспокойтесь, Хельца не привлекают худосочные трепетные девицы.

– Угу, я вижу.

Я с подозрением рассматривала оживившегося кучера, который продолжал держать на руках мою воспитанницу, а та не спешила с них слезать. У него даже румянец на бледных щеках появился. Или это отблески пожара?

Быстро окинув спящего сына внимательным взглядом и убедившись, что он точно в порядке, я решительно направилась к довольной парочке.

– Лил, ты цела?

Рядом с высоким Хельцем я выглядела мелкой букашкой, которую легко раздавить. Но допустить, чтобы он обидел мою Лил?..

Глядя нелюдю в глаза, я мысленно представила, как подливаю ему в чай слабительное.

Хельц прищурился – явно уловил мой боевой настрой и обещание угрозы – и поставил Лил на ноги. Хороший мальчик... пока ничего делать не буду.

– Я в порядке, Джемма. Как Оливер? – всполошилась Лил.

– Переутомился, – сухо ответила я.

Подхватив воспитанницу под руку, повела ее прочь, подальше от странного блондина, которому холодно жарким летом и тепло в горящем доме.

Спиной почувствовала чужой взгляд. Вспомнился рык Хельца, когда я попала ему обувью в лоб. Он пробудил подспудный страх, но я все равно обернулась и посмотрела нелюдю в глаза. За своих буду стоять до конца, худосочная трепетная дева ему не достанется!

Вопреки ожиданиям, кучер не показал досаду, наоборот, в его глазах промелькнуло нечто похожее на удовлетворение и уважение.

От игры в гляделки меня отвлек Аламейский.

– Случившееся, госпожа Рутшер, перечеркивает старые договоренности.

Я сжалась, ощущая, как внутри растет ледяной ком. Я сражалась за сына и проиграла?

– Ни за что не поверю, что вы, целительница, не предполагали пробуждения у сына четвертой стихии, – сварливо заявил Аламейский. – И что же мне с вами делать?

– Понять и простить? То есть отпустить? – быстро исправилась я, понимая, что не все потеряно, раз инспектор еще ничего не решил. – Обещаю: найду лучшего наставника для сына и за взорванный коттедж выплачу все до последней монетки, но немного позже.

– Привыкли отдавать долги, в том числе и чужие?

Это на что он намекает? Я опустила глаза. Надеюсь, что инспектор не все успел раскопать, иначе мне будет очень стыдно.

Не дождавшись ответа, он спокойно поинтересовался:

– Если отпущу, далеко уйдете с нестабильным чародеем? Есть все предпосылки, что Оливер универсал.

То, что магия пробудилась так рано (да еще четыре стихии!), меньше чем за три года, было главным признаком. Предсказуемо, что инспектор сделал такой вывод.

И все же я решила возразить:

– В моем роду их не было, по линии отца Оливера, кажется, тоже.

– Универсалы – благословение богов, их нельзя «вывести» специально, подбирая будущему ребенку одаренных родителей, – напомнил инспектор о давно сделанных учеными выводах. – Такие чародеи – счастливая случайность.

– Упаси боги от подобного «счастья»!

Инспектор недоверчиво прищурился.

– Почему? Это слава, почет и богатство.

– И обязанности, которые мало кого сделают счастливым.

Словно слыша нашу перепалку, Оливер застонал и перевернулся на бок.

Я быстро скастовала заклинание спокойного сна, единственное, что сейчас по-настоящему необходимо маленькому чародею, у которого проснулась четвертая стихия.

– Универсал мальчик или нет, ему придется учиться в пансионе, – резко заявил Аламейский.

– Нет!

– Вы погубите ребенка.

– Я это точно сделаю, если отправлю его туда!

Аламейский не сводил с меня недовольного взгляда.

– Какая же вы упрямая, госпожа Рутшер. Делаете вид, что не замечаете опасности.

Я не собиралась первой разрывать зрительный контакт, хоть синие глаза инспектора и казались сейчас черными омутами.

– Когда нам с будущим королем было по девять лет, на каникулах довелось отправиться на охоту. Оторвавшись от сопровождения, мы наткнулись на логово серой квиры. Ни у меня, ни у принца не поднялась рука на маленькие пушистые комочки. Мы никому не рассказали о своей находке, справедливо опасаясь, что выводок уничтожат. А через год на торговом тракте стали пропадать люди. Разбойники в основном, но это не меняло дела – гибли люди. Остатки истерзанных тел указывали на стаю квир. Их и нашел отряд боевых магов, когда прочесывал местность.

– К чему вы мне это рассказали, ваше чародейство? – В душе kloкотало раздражение вперемешку с горькой обидой. – Наша с Оливером ситуация напоминает вам ту с квирами? Скроете пробуждение стихий моего сына – случится трагедия?

Чародей закатил глаза, словно я не уловила верный посыл между строк.

– Госпожа Рутшер, я не сравниваю вас с хищной нечистью, хоть вы и пушисты, как она.

Меня передернуло от «изысканности» комплимента.

– В девять лет я не мог проконтролировать потенциально опасную ситуацию, сейчас же это в моих силах.

– Посадите Оливера в клетку и будете наблюдать?

– Нет, – сухо отрезал Аламейский. – Я хочу предложить новую сделку.

Этот мужчина был моим врагом и одновременно надеждой на спасение. Все, что у меня есть в жизни, – мой ребенок. Я готова защищать его до последнего.

– Сделку? Озвучьте условия, ваше чародейство.

– Вы помогаете мне, а я устраиваю вас в пансион помощницей целителя.

Я даже дышать перестала, не веря своим ушам. А ведь это лучший выход!.. Сын будет под моим присмотром постоянно.

– Я согласна!

Аламейский съехидничал:

– Вы даже не поинтересуетесь, что я потребую взамен?
– Теперь, понаблюдав за ходом расследования, я вам доверяю.
– Зря, – фыркнул чародей. – Я ведь могу захотеть непотребных вещей.

Воспрянув духом, я сумела парировать:

– Да, можете. Но, подозреваю, вам не понравится их подача.

Ухмылка Аламейского утратила естественность. Припомнил, как я снимала последствия вредоносных чар бокала?

– Ладно, перейдем к делу. – Он посерьезнел. – Мне нужна ваша помощь в поисках древних артефактов и определении их подлинности.

Я обрадовалась, понимая, что легко и с удовольствием выполню свою часть сделки.

– Отлично, я согласна!

– Подождите, вы недослушали. На охоту за очередным предметом я могу отправиться в любое время суток, поэтому вам придется жить в моем доме.

– А как же пансион? Как я буду там работать? И Оливер? Я не могу оставлять его надолго!

– Сейчас лето, – напомнил Аламейский. – До начала учебного года вы поживете у меня. И возможно, за это время сможете найти нужный артефакт. Счет идет на дни.

Эмоции схлынули, включился разум. Я напряглась, опасаясь подвоха. Среди древних артефактов есть немало опасных и даже запрещенных. Аламейский – друг короля, но мне бы не хотелось влезать в темную историю... заговор, например.

– Что конкретно вы ищете, ваше чародейство? Насколько это особенный артефакт?

Подчеркнуто официальное обращение удивило инспектора – он вопросительно вскинул брови. Задумался и тотчас улыбнулся, будто прочитал мои мысли.

– Не переживайте, госпожа Рутшер, о моих поисках известно королю, нарушать закон я вас не заставлю. Опасные артефакты отправляются в хранилище Церестана, для личного пользования я ищу вполне безобидный.

Чародей сделал паузу, и я затаила дыхание, опасаясь, что не узнаю, какой именно. С него станет интриговать!

– Мне нужен древний артефакт исцеления.

О... Неожиданно. И немного разочаровывает. Он ищет его для себя, чтобы убрать шрамы от когтей демона? Единственный вывод напрашивался сам собой. И не подумала бы, что Аламейский может расстраиваться из-за внешности! Но, похоже, и у сильных мужчин есть маленькие слабости.

Свои наблюдения я благоразумно оставила при себе. А вдруг ошибаюсь?

– В свою очередь, я тоже кое-что уточню, – напряженно произнес Аламейский. – Почему на приеме у градоначальника вы не почувствовали, что мне подсунули древний артефакт из церигия?

Ожидает, что я покаюсь в подставе? Мол, решила предать и не сказала о бокале, а потом передумала? А вот и нет тут злого умысла!

Я пожала плечами.

– Подозреваю, из-за того, что бокал уже был активирован, то есть наполнен вином, я его и не почувствовала. А сегодняшние звали, предлагали помощь – вот и все.

– Как у вас все просто. – Аламейский недовольно поморщился. – Проверим. Если это так, нужно учитывать эту особенность в дальнейшем.

Какой-то пакостный дух подстрекал сегодня к откровениям – и я неосторожно раскрыла все карты:

– Если настроюсь на поиск, почувствую артефакты в любом их состоянии, на разумных расстояниях, естественно.

Аламейский по-настоящему обрадовался:

– Если это так, я повышу вам плату.

– О, вы мне даже платить собираетесь?..

Он посмотрел так, словно я превратилась в чудовище.

– Госпожа Рутшер...

Я перебила, поспешив оправдаться:

– Простите, я думала, мои услуги – плата за будущую должность в пансионе и поблажки Оливеру.

На скулах Аламейского играли желваки. Он явно хотел резко высказаться в мой адрес, но сдержался. Зато выдал неожиданное признание:

– Мне жаль, что Вандур умер – слишком легко отделался за свои преступления. За хорошую работу платят хорошие деньги, госпожа Рутшер.

Я промолчала. Еще опять что-то не то скажу, не так взгляну, и он будет насмешничать.

– Кстати, как быть с сожженным коттеджем?

– Это уже не ваша забота, – отрезал мужчина и ушел разбираться с моими вещами.

В путь мы отправились в карете инспектора. Господин Корс сильно огорчился, что его услуги негодились. И чтобы он не остался в должниках, я предложила принести дары храму Гармонии от имени Оливера – немного удачи моему сыну не помешает.

Когда покидали Подгорск, мальчик все так же спал, обняв дорожную подушку, сидя между мной и Хлоей. Лил устроилась рядом с Аламейским и чему-то мечтательно улыбалась.

В некотором отдалении ехала карета с решетками на окнах – градоначальника с племянником тоже везли в столицу. Возглавляли нашу процессию и замыкали, как я узнала из обрывков разговора инспектора с Хельцем, боевые маги и особые спецы, с которыми меня пообещали познакомить уже этим вечером. Что ж, путешествие сулило нескучное времяпрепровождение.

Глядя в окно на золотящиеся урожаем поля и редкие яблони с еще зелеными плодами, я остро осознала, что жизнь круто повернулась, будущее туманно, но влечет надеждой. Ни своего дома, ни стабильного заработка, ни надежной мужской спины, за которую можно спрятаться в случае надобности. Впору печалиться и переживать? Нет. Это сделает только хуже. Нужно верить в мудрость богини, которая лучше знает, как переплести нити случайностей.

Главное, что моя семья рядом и наша тайна стала известна именно этому инспектору по делам магов. Аламейский непредсказуем, но хороший человек, из тех, кто скрывает благородство под слоем цинизма. Думаю, мы найдем общий язык, тем более я теперь на него работала. Вот уж не думала и не гадала, что способность, натренированная дедом, выручит спустя годы...

Голос Аламейского ворвался в дрему:

– Переправа, госпожа Рутшер. Проснитесь.

Он прав, лучше не спать, когда карета заедет на наплавной мост. Вырвица – глубокая река с прожорливыми обитателями. Градоначальник решил, что раз она далеко от Подгорска, то

периодически уничтожать хищных рыб не надо, и здесь расплодилось столько чернохвостов, что лучше в воду не падать.

Оливера я будить не стала, да и не смогла бы поднять – не после стольких заклинаний успокоения.

Дремала и Хлоя, прислонившись к бархатной стене. Лил же продолжала увлеченно пялиться в окно, что и неудивительно: Вырвицу она впервые видела при свете дня. Быстрое течение, темные воды, которые сейчас сверкали золотом в лучах клонившегося к горизонту солнца.

У начала плавучего моста, закрепленного у берегов якорями и длинными толстыми канатами, переругивались люди, галдели гуси, мекали козы – домой возвращались селяне, возившие в Подгорск результаты своего нелегкого труда. Неудивительно, что образовалась длинная очередь.

Пользоваться положением и требовать, чтобы нас пропустили, Аламейский не стал и тем самым снова приятно удивил. Что ж, подождем – в карете, где работали амулеты температурного контроля, это сделать несложно.

Когда карета сдвинулась с места и покатила по деревянному настилу, я перевела дух – тишина почему-то угнетала. Я усердно смотрела в окно, стараясь лишней раз не пересекаться взглядом с новым начальником.

Река манила теплыми объятиями. Я так давно плавала... Последний раз в море – задолго до рождения Оливера. Жаль, в реке резвятся прожорливые обитатели. Кстати... А ведь сегодня почему-то не резвятся! Обычно, пока пересекаешь мост, успеешь заметить минимум шесть черных блестящих спин и мощных хвостов. А сейчас ни одного чудища! Река гладкая, как свежеевыглаженная скатерть.

Я не удержалась и поделилась наблюдениями:

– Ваше чародейство, представляете, я не вижу чернохвостов. Неужели градоначальник все-таки отдал приказ городской страже и речку почистили?

Увидев непонимание Аламейского, наверняка впервые посетившего эту провинцию, объяснила смущенно:

– Чернохвосты – огромные хищные рыбы, место возле понтона у них самое любимое.

Чародей вмиг переменился в лице, сам напоминая хищника. Коснувшись браслета на правой руке, отрывисто бросил:

– Боевая готовность.

– Зачем?.. Вы из-за моих слов?! Да мало ли почему чернохвосты не плавают сейчас у моста – жарко или их спугнули охранники купцов...

– Вот именно, – перебил Аламейский. – Спугнули, но не охранники.

Мне стало неудобно: своими несвоевременными наблюдениями переполошила людей впустую. Понимаю, что боевые чародеи должны обращать на подобные странности внимание, но иногда те же птицы не поют просто из-за зноя.

– В случае опасности карету не покидать, – велел Аламейский, настороженно к чему-то прислушиваясь.

Какой все-таки он зануда!..

Резкий, хлесткий звук. Нас качнуло.

– Канат лопнул! – Чей-то выкрик ударил по ушам.

Я чуть сознание от ужаса не потеряла, когда чародей молча выскочил из кареты.

Глава восьмая, в которой Джемма недоумевает и гневается

Карету покачивало, как на волнах.

Высунувшись в окно, я смогла рассмотреть, что звенья понтона рассыпались. Их несло течением вместе с каретой, всадниками и пешими. Люди кричали в ужасе, многие упали в реку.

Разве мог обрыв одного троса привести к подобному? Сомневаюсь! Выходит, авария подстроена? Но кем и для чего? Здесь так много людей...

Блондин в красной форме вскинул руки, создавая бледно-зеленые магические веревки с когтями, которые вцепились в берег, останавливая обломок моста. Окончательно закрепиться у него не вышло – черный арбалетный болт пробил грудь. Блондин осел на настил.

Я дернулась, желая его спасти, но споткнулась о подушку, упавшую на пол кареты, и застыла. Аламейский приказал оставаться на месте. Я уже работаю на него и не могу послушаться.

Магические веревки с кошками подхватил Аламейский, без усталости носившийся по плывущему звену. Закрепляя их на своеобразном плоту, он держал щит, атаковал невидимых нападающих и вытаскивал воздушными «Петлями» упавших в воду людей. Везде успевал.

Я чуть расслабилась, когда увидела подбежавшего к раненому боевику мужчину. Судя, по отзвукам заклинаний, он целитель.

– Боги, боги... – Панический шепот Хлои оторвал от напряженного зрелища.

– Все хорошо, мы в безопасности. – Я коснулась ее руки.

– Нет, мы все умрем! Умрем все!

Лил удивленно смотрела на девушку, но не спешила заражаться паникой, стойкая к чужим эмоциям. Оливер, к счастью, все еще спал и не видел, что творится.

Что-то ударилось о стену кареты.

– Мамочка, – заплакала Хлоя, сжимаясь в комочек. – Нас убьют...

– Мы под защитой, – возразила Лил уверенно. – Карета – как крепость.

И она не ошибалась: стены слегка гудели, голубой щит, переплетение стихии воздуха и воды, отлично видимый в окно, закрывал от шальных заклинаний. Если он мощный, мы даже не утонем, когда карета слетит со звена в реку. Но лучше бы не слетала...

Хлоя не реагировала на уговоры, пришлось успокаивать с помощью магии. Пока я отвлекалась, бой завершился. Магией обломки моста притащили к берегу.

Когда карета съехала со звена, служившего нам плотом, я попросила Лил:

– Присмотри за Хлоей и Оливером. Там нужна моя помощь.

Я нарушаю приказ, но слышать крики, стоны – и ничего не делать? Нет, я так не могу!

Заходящее солнце заливало пологий берег кроваво-оранжевым светом.

Разрушение наплавного моста не обошлось без жертв, но многим еще можно было помочь, что и делал пожилой целитель в красной униформе. Я молча присоединилась и удостоилась его приветственного кивка.

Мы быстро переходили от одного пострадавшего к другому. Перекошенные болью лица сменялись, чередовались травмы. Обезболить, успокоить, остановить кровь, очистить рану, срастить ткани или зафиксировать перелом и подстегнуть регенерацию...

Я не считала, скольким сумела помочь. Работала как заведенный механизм, без сбоев. В какой-то момент поняла, что активировала кольцо-накопитель, вычерпав свой резерв.

– Госпожа Рутшер, подпитка нужна? – хрипло спросил временный напарник, потирая тыльной стороной запястья уставшие красные глаза.

Первые слова по делу.

Я кивнула, гадая, откуда он знает мое имя. Ох... устала, туплю. Он же из команды Аламейского, в курсе, что я с семьей еду в его карете.

– Вот, возьмите. – Целитель протянул черный кулон, переполненный магией.

Мощный накопитель, надолго хватит. Хорошо экипированы люди королевского эмиссара.

– Благодарю.

На несколько минут я упустила пожилого целителя из вида, пока занималась раздробленной ступней юной девчонки. Не пострадать на реке, зато на берегу угодить под копыта испуганной лошади – вот что значит не везет.

– Госпожа Рутшер, вам еще много? – поинтересовался напарник, подойдя сзади. – Без вас не обойтись.

Голос у него какой-то странный. Чересчур измотан или что-то случилось?

Я резко обернулась и успела заметить, как мужчина залечивает себе расквашенный нос.

Не стала спрашивать, что случилось, просто кивнула:

– Здесь я закончила.

– Госпожа! – Полулежавшая под деревом девчушка испуганно вцепилась в подол моего платья. – Я останусь хромой, госпожа?

– Нет, но ногу придется щадить дней десять.

Пациентка заплакала от переизбытка эмоций:

– Спасибо, спасибо вам...

Ощущая ломоту во всем теле, я поспешила за целителем.

– Роды принимали?

Я удивилась.

– Разумеется!

– Тогда следуйте за мной.

Я бежала за целителем Аламейского, не сводя взгляда с устало сгорбленной спины. Мундир он уже снял, оставшись в черной рубашке и форменных брюках. Как мужчина сломал нос? Сам или кто-то помог? Всякое может случиться в нашей сложной работе. Когда пациенту слишком плохо, он не владеет собой, и можно легко получить травму.

У берега, прямо на камнях, рожала молодая женщина. Мокрое платье, искусанные губы, мелкие синяки на теле, грязь и речная тина.

Рядом стоял, ничего не предпринимая, лысый здоровяк. Вместо того чтобы перенести будущую мать подальше от воды, обустроить ее хоть немного, он «подбадривал» ее оскорблениями:

– Пузо выше носа, а ты поперлась к родителям! Я всегда говорил, что в голове у тебя солома, без меня ничего не можешь!

Постанывая от боли, женщина не отвечала.

– Госпожа Рутшер, я буду неподалеку, зовите, если понадобится помощь, – едва не скрипя зубами, произнес мой сегодняшний напарник.

– А говорил, что тут целительниц нет! – радостно воскликнул лысый. – Всегда знал, что маги вруны и горады на чужих баб голеньких смотреть. Эй ты, кучерявая! Так и будешь стоять, пока моя жена не окочурится?

Я в этот момент уже проводила диагностику, чтобы понять, как чувствует себя ребенок. Предсказуемо, отвечать на глупое обвинение не стала.

И да, готова спорить, лицо целителю разбил будущий папаша. Нервный и ревнивый. Мне знаком такой типаж: самодуры и собственники, они везде видят угрозу своей чести. Поражало его желание даже в такой ситуации не оставлять супругу с чужим мужчиной, даже если он мог ей помочь. Это же надо быть таким глупцом!

– Чего вы стоите? – рявкнула на мужика. – Мне нужны чистые вещи, чтобы завернуть ребенка, горячая вода или хотя бы что-то алкогольное.

– Ты пить сейчас надумала? – заржал лысый. – Я тоже не откажусь от сугреву.

Парнокопытный веселился, когда жена страдала.

– Несите все, что я сказала. И быстрее!

– Вещи мокрые, где ж я сухое возьму?

Он прав, я бы могла высушить и очистить магией мокрое, но проще будет поступить иначе.

– Справа, за деревьями, черная карета с девушками. Попросите дать вам целительский кофр.

В набор на все случаи входили пеленки с бинтами и корпией.

Отправив подальше неприятного мужика, я занялась его женой. Она находилась между реальностью и бредом и не всегда сразу понимала, чего я от нее хочу. Вдобавок несла какую-то околесицу о том, что кто-то пожелает избавиться от ее малышки. Бредила, бедняга.

Я слишком устала, чтобы прислушиваться к чужим страхам, и мысленно отстранилась от пациентки, почти механически выполняя необходимые манипуляции.

Оливер еще должен спать, карета в безопасном месте. Хельц остался сторожить, значит, девчонки и сын в безопасности. Интересно, кто напал на мост? Почему мне кажется, что мишенью была именно наша карета? Лорда Аламейского хотят убить? И усиленные магией арбалетные болты, и боевые заклинания, прилетевшие с противоположного берега, наталкивают на мысль о наемниках. Притом непростых. Нелюди. Особой меткостью отличаются вампиры из Орбирии. Они точно не будут переживать о случайных жертвах. А если вспомнить, что Аламейский – чародей-универсал, друг и эмиссар короля, стоит ли удивляться, что его хотят убить?

Да, мало Церестану недавней войны с демонами, теперь еще и соседи-вампиры лезут...

Спровоцированные аварией роды прошли быстро и успешно. Молодая женщина сумела взять себя в руки и выполняла мои распоряжения. В день, когда так нелепо погибло несколько человек, в мир пришла новая жизнь – недовольно кричащий ребенок с черным пушком на макушке.

– Сын, мой наследник!

Вернувшийся папаша бросил к моим ногам кофр и попытался забрать ребенка.

– Тихо! У вас руки грязные, да и младенца сначала нужно завернуть в пеленку.

Здоровяк отступил, не сводя жадного взгляда с новорожденного.

– Поздравляю, у вас дочь, – заворачивая крохотную крикунью в мягкую материю из моего кофра, сообщила я отцу.

– Девка?.. – На лице здоровяка отразилось недоумение и злость. – А сын мой где?

– У вас дочь, – невозмутимо подчеркнула я пол ребенка. Бывает, что отцы сначала разочарованы, потом в детях души не чают.

Лысый подступил к жене, напряженно глядевшей на него исподлобья.

– Родила мне девку? Я ее выкину чернохвостам, родишь мне нормального пацана.

– Уйди! Жрецы Гармонии пообещали развести нас!

– Думаешь, вернешься к родителям? Да кому ты нужна?!

Он отвел ногу назад, намереваясь ударить супругу в бок.

Я оказалась быстрее – «угостила» его заклинанием мгновенного сна.

Лысый покачнулся, взглянул на меня удивленно и рухнул в реку, на мелководье.

– Доставать будем? – деловито поинтересовались позади.

Я обернулась, поразившись, что у неприглядной сцены были свидетели. Целитель вернулся вместе с носатым блондином в красной униформе.

– Достань, будь другом, Бенджи. Любит наш лорд таких типчиков ставить на место.

– Этого не ставить, а сразу сажать надо – руки на женщин поднимает, – заметил мрачно носатый и без спешки достал пускающего пузыри дебошира.

Целитель церемонно поклонился и представился:

– Янош Ройнер. Можно Янош.

Пожимая теплую руку коллеги, ответила:

– Очень приятно. Джемма Рутшер, можно Джемма.

– А я просто Бенджи, – отозвался второй маг, бесцеремонно проволакивая спящего здоровяка по камням. – Добро пожаловать в команду лорда Аламейского, Джемма.

– Спасибо, – отозвалась машинально, наблюдая за жестокой транспортировкой мужа роженицы.

Нет сомнений, что он поднимал на нее руку. Справедливо, если и он узнает, что такое синяки. Главное, чтобы свою злость он потом не сорвал на беззащитных близких.

– Здорово, что вы не только по артефактам, но еще и целительница. Лорд Аламейский не говорил об этом, – заявил Янош.

– Наш лорд вообще говорит мало, только то, что нужно знать нам в данный момент, – наставительно произнес носатый. – Оно и правильно: от обилия знаний голова пусть болит у начальства, не у нас.

Шутил он с серьезным видом или по-настоящему так считал, я не поняла – слишком мало знакомы для выводов.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я молодую мать. – Идти сами сможете?

– Да, – тихо ответила она, с легким страхом глядя на бесчувственного мужа. – Вы можете продержаться его во сне, пока я с малышкой доберусь к родителям?

– Мы можем и притопить его под шумок. – Бенджи почесал свой выдающийся нос. – Хотите?

– Нет!

– Что так? – Он прищурился. – Вернетесь к нему?

Женщина поежилась.

– Нет, ни за что! Но и смерти ему не желаю.

– Вы в курсе, что можете пожаловаться на него? Супруг должен защищать, а не увечить.

Жертва семейного тирана печально вздохнула.

– Доказательств нет. Пока носила его «сына», он не обижал меня. Я просто хочу развестись и жить с моими родителями.

– Хорошо, это мы можем устроить, – кивнул Бенджи.

Через несколько минут мы отправились к карете. Я несла новорожденную, Янош – мой кофр и поддерживал под локоть роженицу, носатый волочил за руки непутевого муженька, старательно выбирая одни кочки.

Не ожидала, что есть те, кто не попадает в ловушку глупой мужской солидарности и по-настоящему сочувствует пострадавшим женщинам.

– Известно, кто и почему напал на мост? – осторожно спросила я.

Хоть новые знакомые были полны радушия, чувствовалась некая неловкость, а может, мы просто все устали.

– Вампиры, – отозвался целитель. – Я видел, что одного наемника лорд взял живым, но тот быстро умер.

– Клыкастые дают клятву на крови, и она их убивает, но не позволяет назвать имя заказчика, – объяснил Бенджи.

– Пострадавших и убитых много?

– К счастью, нет, – ответил Янош. – Мы потеряли одного из преступников.

Я всполошилась. Отца Хлои было жаль.

– Кого именно? Градоначальника Подгорска или его племянника?

– Молодого мага. Воспользовавшись суматохой, он бежал.

– Скорее всего, в антимагических кандалах утонул в реке, – предположил Бенджи бессердечно.

Я поспешила его разочаровать:

– Лорд Грэхем водник, мог и уцелеть.

– Стихия, да, его пощадит, – легкомысленно отозвался он, – но не зубастые рыбки.

Почему-то мне казалось, что Бенджи ошибается, но я не стала спорить. Мне нравились мужчины из команды инспектора: вели себя по-свойски, как будто мы давно знакомы, но при этом не проявляли откровенного любопытства.

Возле кареты собралось несколько боевых магов и Аламейский. Злой, как тысяча демонов, но все такой же притягательный. В черной одежде, взъерошенный, со сверкающими синими глазами, он окинул меня таким взглядом, что сердце екнуло.

– Госпожа Рутшер, где я велел вам находиться, пока идет бой?

– Я была там, где нужна моя помощь.

– Вампиры напали, какая может быть помощь?! – Аламейский смотрел на меня, как на сбежавшего из дома подростка. И радовался, что цела вернулась, и явно хотел отшлепать.

– Помощь госпожи Рутшер пришлась весьма кстати, – деликатно отозвался Янош. – Без второго целителя я мог и не справиться.

– Она недоучка без диплома. Какая из нее целительница?

Неожиданный укор ударил в самое сердце, точно острый нож. Несправедливое обвинение, злое, хамское... У меня перехватило горло от обиды. Не ожидала я от инспектора подобного пренебрежения!

Не желая больше выслушивать беспочвенные претензии, я молча поднялась в карету.

– Зря вы так, мой лорд. Госпожа Рутшер прекрасно справлялась с самыми сложными ранениями, – примирительно заявил Янош. – Не знаю, где она его приобрела, но опыт чувствовался немаленький.

В военном госпитале приобрела!

Озвучивать ответ я не собиралась – Аламейский в ярости, что нарушила приказ, и все равно не услышит. Я также не собиралась его ненавидеть – готова вытерпеть любое отношение, лишь бы помог устроиться в пансион Оливера.

– Против вампиров никакой опыт не поможет, и ты знаешь, что они делают с захваченными женщинами, – отрезал Аламейский и уже роженице велел: – Чего стоите? Быстро в карету с ребенком!

Пока моя невольная пациентка устраивалась, ласково воркуя над уснувшей малышкой, к открытой двери подошел Бенджи.

– Эй, Джемма. – Он поманил пальцем и, когда я склонилась к нему, прошептал: – Не обижайтесь на лорда, он неплох. Просто безопасность женщин – его пунктик.

– Почему? – Вопрос вырвался против воли сам собой, ведь я и не собиралась интересоваться персоной инспектора. Что творится у него в голове, меня совсем не волнует и не касается.

– Во время войны у лорда погибла любимая.

Выдав чужой секрет, Бенджи поспешно ретировался.

Откинувшись на спинку сиденья, я постаралась совладать с возмущением, рвущимся наружу. Погибла любимая... Я тоже потеряла возлюбленного во время войны, но это не повод бросаться на людей!

Во сне Оливер безошибочно нашел меня и, довольно вздохнув, прижался к боку. Лил и Хлоя смотрели с жадным любопытством, но терпеливо молчали. Что ж, подождут, на рассказ нет сил.

Чужое мирное сопение навевало дрему, и я устало прикрыла глаза. Боги, я так устала. Не только сегодня, а вообще по жизни. Я только на пару минуточек закрою глаза...

Проснувшись я, переполненная сил. И это сразу насторожило. Тело не затекло – я не сидела в карете, а лежала на узкой кровати. Повернулась – и она протяжно, печально заскрипела.

И где это я? Явно какой-то деревенский домик с низким потолком и стенами из потемневшего от времени дерева. В комнате я одна, но несколько своих кофров у стены узнала. Еще на соседней кровати, застеленной зеленым плетеным покрывалом, лежала шляпка Лил и летний синий пиджак Оливера. Моя семья неподалеку, отлично. Паника, не начавшись толком, завершилась.

И все же как я здесь оказалась? Настолько выложились, что уснула и даже не почувствовала, когда меня перенесли на кровать?

Потянувшись, обнаружила, что на мне не просто нет верхней одежды, но и вместо нательной рубашки ночная. Лил позаботилась, больше некому. Даже как переодевалась, не помнила, что со мной впервые.

– Доброе утро, госпожа! – В комнату вплыла дородная женщина с симпатичными ямочками на округлом лице. – Как спалось?

– Хорошо. Благодарю за гостеприимство.

– Ах, госпожа целительница, это я так благодарна! Так благодарна, что вы Сайе, моей дочери, помогли!

Хозяйка дома не нуждалась в собеседниках – сама задавала вопросы и тут же на них отвечала, перескакивая с темы на тему. Благодарности перемежались с сожалениями о судьбах единственной дочери и новорожденной внучки. Женщина печалилась и в то же время радовалась, что они будут теперь жить с ними.

– Лорд моего зятя припугнул, век будет помнить! И внученьке денег на приданое оставил... – Женщина всхлипнула. – Говорила Сайе, не выходи за него, наплачешься! Но девчонки не желают слушать древнюю мудрость: замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть.

Ошарашенная информацией, которую на меня вывалили сразу после сна, я только и смогла выдать:

– Все у вашей дочери будет хорошо, не переживайте.

– Да, это величайшая милость богов, что вчера она выжила и встретила вас.

Женщина возвела очи горе, складывая для молитвы руки.

Понимая, что это может затянуться надолго, я поспешила перебить ее восхваления богов:

– Простите, а где можно привести себя в порядок?

Добродушная хозяйка показала.

Когда я переделалась в темно-зеленое дорожное платье, немаркое, но достаточно легкое, чтобы комфортно переносить жару, мне принесли завтрак.

Под щебетание женщины я с удовольствием съела миску рассыпчатой каши, кусочек колбасы, ломоть свежего хлеба с маслом и медом.

– А ваши давно позавтракали и отправились гулять. Мальчик у вас чудесный, а супругник, уж простите, хоть правильный, но страшный.

Я прыснула чаем, к счастью, на стол, не на хозяйку.

– Подавились? – всполошилась та. – Что же вы так? Куда-то спешите? Сейчас салфетку вам принесу, госпожа целительница!

Хоть правильный, но страшный супругник? Это она так Аламейского обозвала? Хорошо, он не слышал, а то с него станется требовать супружеский долг. Шутка, разумеется.

Мысленно посмеявшись над своими ироничными предположениями, я допила пряный настой уже без прежнего

аппетита.

– А куда ушел гулять мой сын, вам известно?

– Как же не знать? – улыбнулась женщина. – Только гулять ушли девушки, а мальчик с отцом тренируются. Там полдеревни бегало на них смотреть, пока лорд не прогнал.

Я на несколько мгновений потеряла дар речи.

– Тренируются?..

– Ох и сильный же у вас супругник! Такие шары из огня крутит! Так трещат!..

Восхваления Аламейскому звучали фоном моим гневным мыслям, пока я быстро собиралась: скручивала в тяжелый узел распушившиеся волосы и искала кофр с целительскими принадлежностями.

Аламейский учит Оливера управлять огнем. Без моего разрешения учит!.. Не зная уровня его резерва, он взялся показывать мальчишке особенности новой для него стихии! С-сволочь!

Подхватив кофр, я бросилась из домика. На пороге обернулась к семенящей за мной женщине.

– Забыла сказать. Лорд Аламейский мне не муж.

– Да? – озадачилась хлебосольная хозяйка дома. – А почему он тогда вас переодевал?

Меня словно кипятком облили. Так это чародей натянул на меня ночную рубашку, не Лил?..

– Сама бы хотела знать ответ на этот вопрос.

Глаза женщины блестели предвкушением скандальных подробностей, и, когда я бесцеремонно ушла от объяснений, она тихонько застонала от разочарования.

Я забыла поинтересоваться, где проходят тренировки, но интуиция вела, как маяк в ненастную ночь. И я ощущала не только сына, но и мощный выброс силы.

По дороге меня кто-то окликнул. Не обернулась, что-то ответила невпопад, продолжая лететь в сторону лиственного леса.

Аламейский увел моего ребенка изучать стихию огня, раздевал меня ночью. Лапал!.. Одни боги знают, что еще делал. У-у-у!

Эмоции зашкаливали. Хотелось поскорее найти его и вмазать по наглой физиономии. Что он себе позволяет?.. Нормы приличия и морали существуют и для чародеев, он же попирает их в угоду своим желаниям? Хотелось поскорей оказаться рядом и...

Секундочку.

Это же Аламейский. Я успела убедиться, что этот мужчина благороден и честен. Да, он готов пойти на сделку с преступниками, но лишь в том случае, когда дело касалось его самого. Я увидела чародея впервые дня три назад, а ощущения такие, словно знакомы всю жизнь. И да, я не настолько глупа, чтобы наброситься на человека, который может помочь моему сыну. Влиятельному, безумно могущественному человеку я не нанесу оскорбления, помня, что за моей спиной Оливер и Лил. Да и ударить по изувеченному лицу человека, который рисковал жизнью и разумом ради прекращения войны, сможет лишь последняя дура или негодяйка.

Между мной и чародеями сокращалось расстояние – таяла и злость.

К плотным зарослям соловника я приблизилась крадучись.

– Почувствуй искру. Она всегда в тебе, с самого рождения. Подчини ее, прими, признай. Это могущественная сила, но будет она разрушением или послужит созиданию, зависит только от тебя.

Глубокий голос Аламейского очаровывал, заставляя ловить каждое слово.

Осторожно пробираясь между ветками-лапами кустарника, отчаянно старалась не шуметь. Пряные багрово-зеленые листья соловника едва не спровоцировали чих, пришлось кастовать специальное заклинание, помогающее переносить резкие, малоприятные запахи.

– Обратись к искре. Она наполнит твою ладонь огнем. Постарайся ярче представить нужную форму, обычно идеальными выходят шары.

С места, где я стояла, поляна просматривалась достаточно хорошо, чтобы видеть учителя и ученика. Вот только стояли они спинами ко мне.

– Не выходит, ваше чародейство, – разочарованно признался Оливер.

– Еще раз.

– Я уже два часа пытаюсь! – В голосе сына отчетливо прозвучали истеричные нотки.

Бедный мой ребенок... Аламейский – садист, раз заставил тренироваться восьмилетнего мальчишку на второй день после пробуждения огненной стихии! Сердца у него нет?

Я решила вмешаться, но подол платья зацепился за ветку. Кричать из кустов, чтобы прекратил издеваться над моим ребенком? Как-то это, мягко говоря, странно...

Поставив кофр на землю, я попыталась выпутаться из ловушки.

– Вчера на понтон напали вампиры, – тихо произнес Аламейский. – Если бы вы сбежали, как планировали, на карете господина Корса, то оказались бы в их руках. Смог бы ты защитить мать и Лил, ведь ты единственный мужчина в семье?

– Да! Я хорошо управляю «Плетями ветра», – с затаенной гордостью заявил мальчик.

– Это заклинание даже старого хромого вампира не остановит, – хмыкнул Аламейский. – Почти все вампиры – стихийники, только огневиков среди них нет.

– Значит, их можно убить лишь огнем?

– И сталью.

Молчание. Я осторожно воевала с веткой, пробившей платье, и беспощадное заявление Аламейского чуть не оставило мое сердце:

– Раз не можешь создать элементарный шар, во время нападения вампиров будь готов убить своих женщин.

– Что?.. – охнул Оливер.

– Смерть милосерднее плена у вампиров, – бессердечно добавил Аламейский.

Я сама его сейчас убью, если расскажет почему!.. Оливеру еще рано знать о подобных жестокостях!

Уже не таясь, я дернула подол. Треск ткани совпал с радостным возгласом:

– Получилось!

Щуплая фигура Оливера не закрывала алые отблески, и я поняла, что у него вышел огненный шар вполне приличного размера – вампира сожжет точно. Главное, чтобы попал.

Что ж, провокация удалась, но преподаватель из Аламейского так себе.

– Молодец, – скупно похвалил чародей. – Только я знаю, что ты можешь лучше.

– Я устал, – признался Оливер. – Как развеять шар?

– Верни огонь обратно в искру, – невозмутимо посоветовал Аламейский.

– Втянуть в себя?.. Но как?

– Огонь – это твоя сила, пропущенная через призму полученного дара. Просто забери ее, и заклинание на таком уровне распадется.

Несколько секунд тишины, когда я даже не дышала, показались вечностью.

– Не могу, – сдавленным голосом покаялся Оливер. – Не влезает обратно!

– Тогда держи, – усмехнулся Аламейский.

– Не могу уже...

– Тогда развей заклинание. – Альтернатива прозвучала откровенной издевкой.

Видеть Оливера в замкнутом круге больно.

Я кусала губы, подавив первый порыв вмешаться. Аламейский два часа терпеливо учил моего ребенка, умело подначивая. Не всякий наставник способен проявлять подобную выдержку и добиться быстрых результатов. И да, вынуждена признать: тренировка после поджога дома все же полезна – она не позволяет заикнуться на неудаче и страхах. Подожду, чем закончится занятие, и тогда уже решу: наорать на Аламейского или расцеловать.

– Не могу ни развеять, ни держать дальше! – простонал Оливер.

– Тогда бросай, – легко разрешил Аламейский.

– Куда? – изумленно спросил Оливер.

– В сухое дерево.

Огненный сгусток размером с яблоко полетел, описывая дугу. Корявая, покрученная временем черная лиственница вспыхнула, как солома. Ярко, мощно, быстро сгорая.

– Эх, а я так хотел выполнить ваше задание! – сокрушался Оливер, не сводя взгляда с догорающего дерева. – Ваше чародейство, я не сумел пройти испытание и не вправе проситься в ученики.

– Отчего же? Условие ты выполнил: доказал, что достоин обучаться у меня, – спокойно произнес Аламейский. – Я ценю упорство и трезвое оценивание своих сил.

Мое сердце стучало как сумасшедшее. Что?.. Сам Аламейский будет обучать моего ребенка?

– Вот мама обрадуется – меня будет обучать универсал! – Оливер старался выглядеть солидно, но радость прорывалась в каждом слове и жесте. – И в ученики вы взяли только благодаря моей настойчивости!

Легкая улыбка играла на тонких губах инспектора, когда он повернулся спиной к горящему дереву.

– Беги обрадуй мать.

Я присела в кустах, подчиняясь порыву. Не хотелось, чтобы они поняли, что я подсматривала.

Окрыленный триумфом Оливер пробежал в нескольких шагах от меня, ломаясь сквозь заросли, как молодой олень.

Одним пассом погасив листовенницу, Аламейский медленно направился по пробитой в кустах тропе. Я почти не дышала, молясь Гармонии и даже ее сестре Дис, чтобы сделали меня невидимой.

Чародей остановился. Покашлял. Громко, насмешливо. Я упорно делала вид, что не поняла, что меня заметили.

– Госпожа Рутшер? Грибы собираете? – светским тоном осведомился Аламейский.

– Ягоды, – вздохнула я и поднялась на ноги.

– И где они?

– Еще не сезон.

Подхватив мой кофр, чародей отставил локоть, предлагая опереться.

– Мое наставничество не отменяет обучение в пансионе. Вам ясно?

– Да, – сдерживая радость, кивнула я и торопливо добавила: – Главное, устройте меня помощником целителя.

– С этим проблем не будет, главный целитель – настоящий деспот, младшие сотрудники долго не задерживаются.

Решил, меня подобным можно испугать? Он с главным целителем лазарета, где я проходила практику, не знаком. Я сдержала рвущееся с губ обещание, что выдержу все, лишь бы не оставлять сына в одиночестве.

– Спасибо, что помогаете нам, ваше чародейство!

Я сделала то, что обещала самой себе... поцеловала его в щеку.

Точнее попыталась. Резко повернув голову, Аламейский поймал мои губы своими и поцеловал так, что у меня подогнулись колени.

Хмельную вечность спустя он выпустил из своих объятий и преспокойно заявил:

– Не люблю лишний официоз, называй меня Алистером.

Поразительно, а ведь до этого момента я не знала его имени. Герцог, инспектор, эмиссар короля... так обезличенно и сухо.

– Спасибо за помощь, Алистер.

Слова благодарности прозвучали неприлично хрипло. Я все еще ощущала вкус его пьянящего поцелуя.

– Не думай, что я делаю это из добрых побуждений. Я служу отечеству, Джемма, а оно заинтересовано в универсалах. Любой чародей получает наставника, равного себе по силе.

Я не стала спорить, хоть и понимала, что не все так просто. Что бы Аламейский ни говорил, а помогал нам не из чувства долга – он не лишен сочувствия, хоть и старается выглядеть циничным и холодным.

– Что еще, Джемма? Не надо мяться, говори, – предложил чародей насмешливо.

Я вздохнула. А ведь хотела промолчать... Но раз сам настаивает, что ж, скажу.

– Алистер! У меня маленькая просьба: не раздевайте меня больше. Понимаю, что из добрых побуждений, но не стоило. Репутация мне дорога. И не целуйте...

Я ожидала, что он смутится, хотя бы принесет извинения. Нет. Он криво усмехнулся и легко пообещал:

– Хорошо, не буду ни раздевать, ни целовать. Только когда сама попросишь.

Ах он...

Я раскрыла рот и тотчас закрыла. Какая просьба, такая и реакция. Чего я ждала от насмешника?

– Теперь мы можем идти, Джемма? Я не прочь еще поесть перед дорогой.

Вспомнив, из-за чего он потратил энергию, я благоразумно опустила ладонь на подставленный локоть.

Через несколько часов черная карета с медвежьим гербом продолжила свой путь в столицу.

Почти не вслушиваясь в разговор сына с наставником, я смотрела в окно. Дул ветер, и пшеничное поле напоминало взволнованное море. Пшеничное море...

Ассоциация пробудила воспоминания, которые я гнала столько лет.

Карета неслась в сердце королевства, а я мысленно вернулась на его окраину, в Приморье...

Часть 2

Приморье, девять лет назад

Глава девятая, в которой есть поцелуи, соль моря и девичьих слез

Соленый ветер целовал мои губы. Фиолетовые лепестки чар-вишни оседали на волосах. Поглядывая на наручные часы, я спешно рвала яркие соцветия. На работу опаздывала, но не заварить чай из листьев или лепестков чар-вишни своим пациентам не могла. Это давно стало традицией, которую не стоило нарушать, отнимая, возможно, последнюю радость у серьезно пострадавших на войне мужчин.

Собрав достаточное количество фиолетовых лепестков, чтобы смешать с лечебными травами и заварить чай на пятьдесят с лишним человек, я вышла из густой тени раскидистого дерева.

Рядом, всего шагах в десяти, обрыв и буйство моря. Высокие волны тревожно бились о серый базальт. Чар-вишня выросла почти на краю утеса и, казалось, впитывала в себя неповторимый аромат и пряно-соленый вкус.

Я работала в приморском лазарете с начала весны, но так и не успела налюбоваться на Алое море. И только четыре раза плавала, невзирая на низкую температуру воды. Целитель Рутшер, к которому меня прикрепили, грозил переохлаждением, но я усиленно пила чай с местными целебными травами и, к его удивлению, ни разу не заболела.

Извилистая дорожка привела к саду, разбитому вокруг лазарета. Здесь тоже росли чар-вишни, но чай, если верить пациентам, получался не таким вкусным.

Шорох справа.

Я дернулась в испуге, вовремя уходя с пути молодого мужчины, тихо вынырнувшего из-за зарослей орешника.

Велдон, невезучий боевой чародей, один из самых любимых моих пациентов.

Радужно мерцающая особая повязка на глазах закрывала половину его лица. Бинты, созданные из ткани и магии, не нуждались в смене, да и нескоро их еще снимут – обожженные магией глаза лечить придется долго. И шанс, что зрение восстановится, почти равен нулю.

– Велдон, – мягко позвала я, – ты сошел с тропинки. Помочь вернуться на нее?

Губы молодого мужчины невесело изогнулись.

– О, а вот и Фэйриль, добрый дух-хранитель этого места, спешит на помощь обездоленным. Помоги и мне, пожалуйста.

Сейчас невероятно слабый и беспомощный физически, он оставался духовно не сломлен и принимал помощь девушки без всякой спеси. А еще он чудесный собеседник, я бы с удовольствием проводила с ним больше времени. Жаль, из-за войны и напряженных смен это невозможно.

Взяв под руку, вывела Велдона на песчаную дорожку.

– Хочешь, провожу тебя, куда собирался?

– Спасибо, Фэйриль, ты уже помогла, дальше я сам.

Жалость и восхищение перемешались до такой степени, что я не могла понять, какое из чувств, испытываемых к пациенту, сильнее.

Как и многие смельчаки до него, Велдон пытался остановить войну, используя заклинание «Запиратель миров». Увы, закрыть порталы, через которые к нам лезли полчища яростных демонов, он не смог. Обжег лицо, лишившись зазря зрения и повредив магические каналы. Боевой чародей, он мог достичь многого, но сделал неправильный выбор, оказавшись слишком самонадеянным. Бедняга... и в то же время самый смелый мужчина из тех, кого знаю. Хотя нет, в лазарете был еще Полковник. С большой буквы, потому что его фамилию младшим помощникам не говорили.

Я потратила несколько минут, чтобы проследить, куда направится Велдон. Он уверен, что помощь моя не нужна, но уйти мне не позволила совесть и профессиональное опасение, что ему станет хуже.

Спотыкаясь, но, как обычно, упрямо не пользуясь палкой, Велдон добрал до моей любимой чар-вишни. Сев на мягкий мох, прислонился спиной к шершавому стволу дерева. Из обедневших аристократов, Велдон вел себя как король в изгнании, старательно пряча эмоции, будто опасаясь – не дай боги! – показать, как ему больно и плохо.

Вот и сейчас я не могла прочитать его настроение по выражению лица (мешала широкая повязка), но что-то подсказывало: молодой мужчина чем-то серьезно расстроен.

Остро хотелось подойти и обнять, вселить надежду, что все обратимо: зрение восстановится, магические каналы раскроются,

вернув прежнюю проходимость.

И я бы соврала, но... не этому человеку. Ему не могу. Да и не примет он жалость и обман. Надежды почти нет. Разве что боги помогут или родственники достанут древний исцеляющий артефакт.

Как несостоявшийся артефактор в энном поколении, я прекрасно понимала, что уповать лучше на снисхождение богов. Нужных артефактов осталось слишком мало, да и те выдохлись и пригодны только для легких чар. Принадлежа к семье артефакторов, я знала об этом не понаслышке.

Приход на работу ознаменовался недовольным окликом:

– Джемма!

Я дернулась, усилием воли не втягивая голову в плечи.

– Вы снова опоздали!

Ну вот, начинается...

Высокий, худощавый брюнет стоял сразу за входной дверью. Не иначе, поджидал меня?.. Хмурое выражение загорелого вытянутого лица и сложенные на худощавой груди руки не обещали ничего хорошего.

Попалась, да еще целителю Рутшеру! В лазарете он единственный не называл меня по прилипшему с первых дней прозвищу Фэйриль, но это совсем не радовало. Уж лучше быть «пчелкой», чем «Джеммой» сквозь зубы. И чем я не угодила уважаемому целителю?..

– Я прошу вас, прошу, а вы продолжаете опаздывать! – выговаривал Рутшер. – Вот и сейчас – целых пять минут, Джемма! Что мне с вами делать?

Такой молодой, а уже брюзга... Радовало, что специалист хороший, и, проходя преждевременную из-за войны практику под его началом, я многому научилась.

Я пожала плечами и спокойно перечислила:

– Наорать, уволить, лишить премии.

Рутшер хрипло рассмеялся:

– Все шутите, Джемма? Лучше приступайте к работе.

Учитывая, что стипендию мне платит университет, направивший сюда, я действительно мрачно пошутила. Да и выгонять меня никто не станет – сейчас, когда нападения демонов участились, даже целители-недоучки на вес золота.

– Что нужно сделать в первую очередь?

– Как всегда, начните с вашего чая. – Рутшер пренебрежительно поморщился, не веря в его силу. Но главный целитель лазарета лорд Илфаер разрешил мне готовить этот чай, значит, никто запретить не мог. – Дальше проведете стандартные процедуры. И да, присмотритесь к Полковнику – мне не нравится его настрой.

Не нравится? Вызовите целителя душ из столицы... Естественно, свои замечания я не озвучила.

Отдав ценные указания, Рутшер ушел обходить палаты со старшими помощниками. Я же направилась на кухню заваривать чай. Нелегкое дело, учитывая количество подопечных.

В очередной раз мне предложили помощь с чаем, но я предпочитала варить его самостоятельно. Мне казалось, что повара делают это без особого настроя, в силу привычки. Я же своих пациентов любила, еще не огрубела душой, что случается практически с каждым целителем. А если не случается, высока вероятность, что он выгорит эмоционально и магически.

В приморском лазарете лежали сложные больные, многие ожидали отправки в столичные лазареты. Порталы из-за демонов открывали редко – они сбоили, а то и вовсе выпускали врагов.

Кастрюлю с чаем поварята помогли поставить на стол с колесиками, и я привычно покатила его к лифту.

Пока поднималась на второй этаж, накопитель в подъемном механизме несколько раз подозрительно мигнул, слегка напугав. Не забыть бы сообщить об этом магу-бытовому. Может случиться катастрофа, если кто-то из целителей застрянет между этажами, особенно это страшно накануне внеплановой операции.

Меня уже ждали – двери палат были гостеприимно открыты. Приветливо улыбаясь, я вошла в первую палату.

– Фэйриль, добрый вечер!

– Привет, Фэйриль. Что слышно в большом мире?

– Фэйриль, почешешь мне спинку? А то эти идиоты отказываются и только смеются.

Оставив столик, я поспешила к блондину, лежащему на кровати у окна справа.

Множественные переломы и специфические повреждения магических каналов не позволяли быстро сращивать кости – и

неудачливому боевику приходилось уповать лишь на обычную регенерацию, подстегиваемую специальными травами.

– Михал, опять тянешь на себя одеяло? Не мог подождать, пока Фэйриль нальет нам чай?

Со всех сторон на замотанного в бинты мужчину посыпались упреки. И это боевые маги, защитники Церестана! Обидчивые, эгоистичные и несправедливые, как дети.

Остановившись у постели Михала, я сухо произнесла:

– Вообще-то, в мои обязанности входит проверка состояния здоровья, выдача лекарств и да, почесывание спинки, раз сам пациент этого сделать не может. Чай из чар-вишни – моя не совсем легальная затея. Если вас не устраивает то, что в первую очередь я выполняю свои обязанности, чая больше не будет.

Тишина, а затем кто-то тихонько обронил:

– Ты порой как укусишь... настоящая пчелка!

Мужчины дружно рассмеялись. Грозовая атмосфера недовольства развеялась.

Почесав Михалу между лопаток и магическим зрением проверив, как срастаются его кости, я разлила по жестяным кружкам ароматный фиолетовый напиток. Затем раздавала зелья, бдительно следя, чтобы их проглотили. А то был, рассказывали старожилы, случай, когда один боевик решил, что лекарства могут в дальнейшем плохо сказаться на мужской силе, и прятал их под матрас... Его едва откачали, когда началось заражение крови.

Чай, зелье, обезболивающее заклинание, шутки и короткие разговоры – я постаралась быстрее обойти пациентов второго этажа, меня влекло на третий, к Полковнику, а затем, чего греха таить, к Велдону.

И вскоре мое желание исполнилось.

– Здравствуйте, господин Полковник. Как ваше самочувствие?

Я вошла в палату, наполненную апатией, которая физически ощущалась, как нечто материальное.

Полковнику демонические гончие по локоть отгрызли руки, а сложное заклинание – все тот же клятый «Запиратель миров»! – выжгло магические каналы. И мужчина, некогда считавшийся могущественным чародеем, превратился в отчаявшегося калеку. С ним никто не хотел делить палату – отчаяние, черное горе выпивали

последние крохи радости, которые несказанно важны для выздоровления.

– Разрешите, я вам помогу выпить чай и принять лекарство?

Можно не ждать ответа – Полковник почти не разговаривал. Он решил, что никому не нужен без рук и магии, и даже ругал целителя, который спас ему жизнь.

Напоив безучастное тело, иначе и не назвать, я немного посидела на стуле у постели. Рассказывала о том, какого оттенка сегодня море. Что с севера дует прохладный ветер, обрывая раньше времени цветы чар-вишни. Предположила, что ночью начнется гроза...

Никакой реакции. Полковник молчал. Его взгляд равнодушно прилип к потолку.

Я даже не знала точно, слышал ли он мои слова.

На третьем курсе не изучают исцеление душ, о чем я не раз пожалела. Когда вернусь и доучусь последний год, можно только гадать: война продолжалась, столичный университет магии спешно готовил боевых магов и давал основные знания новым целителям и пока не собирался призывать недоучек под свою крышу.

– Господин Полковник, напоминаю, что я сегодня дежурю. Если пожелаете, через несколько часов можно погулять в саду. Вы только позовите меня, ладно?

Нехотя вышла из палаты, ощущая ноющее чувство недовольства собой. Почему у меня стойкое ощущение, что вскоре я пожалею, что не выбила из пациента никакой реакции? Хотя бы негативной? Я же могла, к примеру, облить его теплым чаем!..

Поскандалил бы, на время ожив.

Последняя палата. Кроме Велдона, здесь лежал хмурый рыжеволосый мужчина по имени Арно, еще один любимый пациент, мой спаситель.

Когда я только приехала практиковаться в лазарет, то не умела безопасно флиртовать, тем самым поднимая настроение пациента, и не понимала, если кто-то переходил границы, рассчитывая на что-то большее, нежели шутка или улыбка. И «повезло» же мне заинтересовать спесивого аристократа «в двадцатом поколении»! Он самонадеянно решил осчастливить целительницу-недоучку своим вниманием. Наглец зажимал меня в коридоре, хватал за руки в присутствии других пациентов и один раз даже пытался поцеловать...

Пересиливая стыд и раздражение, я терпеливо объясняла, что его действия неприемлемы и неприятны. Объясняла долго, пока он окончательно меня не достал. Аристократишка заявил, что ночи у него скучные и я должна их скрасить. Подумав, я так и сделала... подлила в чай слабительное.

Ранним утром, как только действие зелья прекратилось, аристократишка побежал жаловаться главному целителю. Конечно, лорд Илфаер все равно бы меня не уволил, но выволочку бы устроил. И тут случилось нечто невероятно приятное! Арно подбил всех пациентов третьего этажа рассказать, как было на самом деле. Осмеянному наглецу пришлось срочно просить, чтобы его перевели в другой лазарет.

– Добрый вечер, мальчики!

Четыре ответа прозвучало нестройно, но радостно. Лишь Велдон лежал лицом к стене, храня мрачное молчание.

Интересно, как ему, слепому, удалось вернуться с прогулки незаметно? Мое невнимание виновато или его навыки война помогли?

– Арно, угадайте, что я принесла?

Рыжий бледнокожий мужчина вопросительно вскинул брови, не собираясь подыгрывать мне, строя предположения.

– А принесла я письмо от вашей невесты! – торжественно объявила я, вытаскивая конверт из кармана зеленого балахона.

Надеюсь, там хорошие новости.

– От н-невесты?.. А как она узнала, в к-каком я лазарете? – слегка заикаясь, испугался боевой маг, несколько часов успешно прикрывавший отход мирного населения.

Арно потерял левую стопу и решил, что лучше отпустить невесту, чтобы не ломать ей жизнь. Я долго уговаривала поинтересоваться у девушки, стоит ли ее «отпускать». Арно написал послание под мою диктовку и тотчас его порвал. Струсил.

Вот только позже я достала из мусора конверт с адресом и сама сообщила о ранении Арно. Ответ пришел быстро – невеста не раздумывала ни дня.

Я вручила письмо и буравила Арно взглядом, пока он сомневался, распечатывать или нет. Неожиданно: сильный маг, а так боится...

Арно раскрыл конверт. Прочитал первые строки и устало закрыл глаза.

Мне стало дурно. В животе похолодело. Отказала? А ведь я была уверена...

– Бекки пишет, что любит и не представляет свою жизнь без меня, – изумленно, с каплей неверия произнес Арно и вновь зажмурился. – Она меня любит!

Я взвизгнула и бросилась к нему на шею. Поцеловав в щеку, пообещала:

– Все у вас будет хорошо! Вот увидите.

От души порадовавшись за ошчастливленного пациента, я продолжила заниматься привычными делами младшего помощника целителя смены.

Погода испортилась резко. В Приморье такое случается постоянно: в первой половине дня солнечно, во второй бушует гроза. Или наоборот.

В течение ночи я делала обход еще дважды: после полуночи и под утро. Кому-то следовало дать лекарство, кого-то обезболить, кто-то элементарно хотел попить, но не мог еще встать.

Уже подходя к палате Полковника, я ощутила, как сердце ускоряет ход. Что-то случилось, интуиция меня подводила редко.

Я ускорила шаг и ворвалась к Полковнику, до последнего надеясь, что ужасы мне привиделись.

Нет, не зря я боялась. Постель была пуста.

За окном громыхнул гром, словно зеркало, отображая чувства, которые сейчас завладели мной. Полковник сбежал? Зачем? Неужели он... О боги!

Я активировала артефакт тревоги.

Вскоре палата наполнилась людьми. Целители и прочий персонал лазарета быстро организовали поиск в здании и на улице.

Рутшер стал моим невольным напарником. О чем я быстро пожалела: его якобы обнадеживающие слова отдавали черным цинизмом.

– А я понимаю его желание совершить самоубийство. Кому нужен безрукий бывший маг? Тут выгоревшим сложно, а он и вовсе не сможет заботиться о себе. Уповать на пронырливых слуг? Так себе перспектива.

– Подождите! Не говорите так, Полковник жив.

– Сомневаюсь, Джемма, он давно утратил волю к жизни.

Если утратил, почему ты не пригласил ему целителя душ? Я понимаю, что они сейчас нарасхват, но можно было что-то предпринять!

Упреки я держала при себе, хоть очень и хотелось высказаться.

Ночь. Гроза. Холодные потоки воды. Я продрогла и промокла, не сумев поставить щит от дождя. Я не теряла надежды. Боги, молю, пусть этот человек не совершит самое страшное! Я сама приглашу ему специалиста, даже если придется продать еще один артефакт, захваченный из дома!

Я верила в лучшее, пока среди скал мы не нашли тело сбежавшего пациента.

– Полковник... Как же так?

В отчаянии я забыла заклинание успокоения и разрыдалась, как обычный человек, а не маг с даром исцеления.

Послав коллегам сигнал призыва, Рутшер крепко меня обнял.

– Хватит, Джемма, хватит... Это его выбор.

Я завывала громче, поражаясь его бессердечности.

– Ладно, поплачьте, – вздохнул Рутшер обреченно, – сейчас вам это необходимо.

Главный целитель Приморского лазарета, лорд Илфаер, вызванный из дома, явился к обрыву в белой пижаме. Холодные плети дождя огибали сухощавого чародея, стекая по его сферическому щиту с лиловой подсветкой.

– Рутшер, почему девушка все еще здесь? – громыхнул главный недовольно. – Ей необходима горячая ванна и крепкий сон!

Рутшер тотчас развил бурную деятельность: создал щит для нас двоих и проводил меня домой. Он даже набрал мне ванну и лично успокоил.

На меня накатила такая апатия, что я на время провалилась в иной мир. Туда, где нет страданий и боли. Где обожженные войной люди не сводят счета с жизнью. Естественно, я не додумалась прогнать целителя и вяло удивилась, когда увидела его, выйдя из ванной.

– А вы действительно внучка известного артефактора, – с уважением протянул Рутшер, рассматривая магснимки на стене. – Почему вы здесь, а не на факультете артефакторики? Для девушки безопаснее учиться там.

Он прав. На лазареты, будто чуя скопление беспомощных раненых магов, часто нападали демоны. Самая последняя посудомойка могла погибнуть, а не только целители и помощники.

Я устала и хотела побыть в одиночестве, и игнорирование расспросов помогло избавиться от нежелательного посетителя.

– Отдыхайте, Джемма. У вас сутки, чтобы прийти в чувство.

Когда мы уже стояли на пороге, Рутшер неожиданно погладил меня по голове и с сочувствием пообещал:

– Трагедия скоро поблекнет, а то и вовсе забудется – у каждого целителя есть свое кладбище за спиной. Вы привыкнете.

Привыкну?.. Что ответить на подобное заявление? Я не знала, поэтому малодушно промолчала. И мгновенно вырубилась, стоило тяжелой голове коснуться подушки.

Спала до самого вечера, не запомнив толком, что мне снилось. Муть какая-то. Когда ужинала, вспомнила все события прошлой ночи и схватилась за сердце.

Полковник... Он не справился с горем, ушел.

Страшно, что похожее настроение у Велдона, как и сама ситуация. Как и Полковник, он не рассчитал свои силы, когда воспользовался заклинанием «Запиратель миров». Как и Полковник, получил серьезное увечье, которое сделало его зависимым от других людей. Как и Полковник, он перестал быть чародеем.

Еще на первом курсе нам рассказывали, что упадническое настроение заразно, а уныние передается, как моровое поветрие. Хоть бы Велдон не решился повторить поступок Полковника!

Нехорошее озарение испугало. Богиня, только не это!

Я вскочила из-за стола, быстро оделась и побежала в лазарет.

Багровое солнце наполовину окунулось в море, окрашивая тревожными оттенками край красного небосвода. Кровавый закат. Ветер усиливался, зло обрывая лепестки чар-вишни, пока я бежала через сад.

Никто не встретился в коридоре лазарета, поделиться страшными предположениями было не с кем. И я спешила, понимая, что могу не успеть.

Только бы Велдон оказался сильнее духом, только бы не надумал натворить глупостей!

Ворвалась в палату – и застыла в ужасе.

Кровать слепого пациента была пуста.

– Где Велдон? – спросила у его соседей, мирно играющих в карты. Арно пожал плечами и с неприкрытой грустью объяснил:

– К нему невеста приезжала, сказала, что разрывает помолвку. Вот Велдон и пошел успокаиваться. Полчаса назад ушел, еще гуляет.

Молча развернувшись, я покинула палату. В горле затаились рыдания. Слезы туманили дорогу, и порой я спотыкалась.

Не зря предположила, что настроение Полковника заразно! У Велдона еще и повод серьезный появился. Если бы невеста согласилась выйти за него замуж, богиня Гармонии благословила бы союз, усилив новобрачных. К Велдону могло вернуться зрение, а то и восстановиться магические каналы. А может, и нет, раз девушка его не любила... Пути Гармонии неисповедимы.

Я знала, куда пойдет Велдон. К моей чар-вишне на утесе. Там высоко, камни острее, и маршрут ему хорошо знаком.

У меня болели ноги от бега, и я едва не упала, когда увидела одинокую фигуру на самом краю утеса.

Расставив руки и подняв лицо, Велдон замер в шаге от пропасти. Ветер остервенело трепал его белую рубашку и брюки, будто нетерпеливо подталкивая.

Нет... Нет, я не позволю ему сделать это!

Как вспомнила заклинание «Призрачных пут» в этой ситуации? Не знаю. Я накинула бледно-голубую петлю на талию мужчины и с силой дернула, оттаскивая от края.

– Велдон, не смей!.. Не смей, дурак!

Я подбежала и крепко, отчаянно вцепилась в его рубашку. Только сейчас я в полной мере осознала: шутка о самом любимом пациенте – не шутка! Он не просто пациент, а дорогой мне человек, друг. Мужчина, рядом с которым мне всегда тепло. И я не хочу, чтобы он умирал!

– Я не собирался прыгать, – хрипло прошептал Велдон.

Врет бессовестно...

– Ну да, и на краю ты стоял после предательства невесты просто так!

Я намертво держалась за него и плакала не таясь – все равно не увидит. Мои слезы смешались с солеными брызгами, которые доносил до нас ветер.

– Не смей даже думать о том, чтобы сдаться!

Горькая улыбка на губах мужчины отдавала полынью.

– А для кого мне бороться, Фэйриль? – спросил он устало. – Никто не ждет от меня силы духа, даже родные.

– Дурак! – Я рыдала. – Я жду, я в тебя верю! И я тебя никогда не отпущу!

Это не преувеличение. Неожиданное откровение обожгло, словно кипяток, осушило слезы.

Боги... Я ведь люблю Велдона...

Обожаю разговаривать с ним, даже просто молча находиться рядом.

Ох, Гармония, я люблю его. Люблю...

И не позволю умереть!

Я поцеловала Велдона, обхватив его забинтованную голову ладонями. Поцеловала отчаянно. Жадно. Всем сердцем понимая, что сейчас он – весь мой мир.

Велдон тихо застонал мне в губы, нехотя отрываясь от них, пытаюсь оттолкнуть меня.

– Фэйриль, прекрати...

Он пытался освободиться, только кто же ему позволит?

– Фэйриль... Ты не понимаешь, что делаешь.

О, еще как понимала! Спасала свою любовь от гибели.

Целуя упрямяца, я молча теснила его подальше от утеса, поближе к чар-вишне.

Толком не осознавая, что творю, коснулась его груди ладонью, посылая импульс желания. Заклинание страсти, выученное на курсах гармонии, заклинание, которое разрешалось применять лишь на муже.

Велдон болезненно застонал, борясь с внезапным наваждением.

Я же лихорадочно целовала его, бессовестно пользуясь ошеломлением. Не отдам я смерти этого мужчину... Ни за что не отдам!

И вскоре Велдон проиграл.

– Фэйриль...

Высокий, мягкий мох принял наши тела в свои объятия.

Оказавшись сверху, с неуклюжей страстью я целовала любимого, остро жалея, что не могу видеть выражение его глаз.

– Велдон, ох, Велдон...

Мой шепот перемежали горячечные поцелуи.

Велдон капитулировал – и превратился в захватчика.

Поцелуи его были нежными, страстными. Руки бережно касались, лаская. Будучи слепым, Велдон пытался «увидеть» меня губами и кончиками пальцев. Чуткие прикосновения... ненасытные. Обжигающие.

То, что начиналось с отчаяния, сменилось жгучей страстью. Я уже не просто хотела спасти любимого мужчину, я жаждала его всецело. Тело переполняло смутное томление и жар желания. Так вот, какое влечение... Пьянящее, сладкое...

Последняя связная мысль растворилась в урагане хмельных ощущений.

Я сгорала в объятиях Велдона, теряя разум в дурмане любви...

Раскат далекого грома вернул к действительности. Скоро пойдет дождь, нужно уходить с утеса, но как же не хочется!

Тело захватила в плен коварная нега.

Странное состояние... Хотелось лежать на груди своего мужчины и слушать, как быстро, сильно бьется его сердце. Лучшая музыка для влюбленной женщины.

– Утром мы идем в храм, – хрипло прошептал Велдон.

Мой мужчина. Мой любимый...

Что?.. Я ослышалась? Почему мы пойдём в храм?

Его первые слова после океана нежности отрезвили. Я приподнялась на локте и шокированно посмотрела на расслабленного Велдона. На улыбающиеся губы, которые минуты назад зацеловали меня до одури.

– Зачем? Из-за закона богини?

Неужели он переживает, что у меня будут претензии к нему?

– Фэйриль! – возмутился Велдон. – Я принял решение жениться не из-за закона.

О как! А из-за чего, хотелось бы послушать?

Но Велдон молчал, стискивая сердито зубы.

И заговорила я:

– Хорошо, мы пойдём в храм, и перед ликом Гармонии я сообщу, что претензий не имею. Я сама решила отдаться тебе.

Велдон с силой втянул сквозь зубы воздух. Даже радужно мерцающая повязка не мешала видеть, как ходят на его скулах

желваки.

– То есть для тебя это ничего не значит?

А кто-то оскорбился не на шутку...

Я улыбнулась своим выводам. На душе потеплело. Мне не нужен брак без чувств со стороны мужчины. Я вполне самостоятельная женщина и в спутнике жизни, потому что так положено, особо не нуждаюсь. Я против семьи пошла, лишь бы мне не указывали, что делать.

– То, что было между нами, имеет для меня большое значение, но...

Велдон перебил:

– Не хочешь за слепого замуж, понимаю. Но это не запретит мне ухаживать за тобой, чтобы ты передумала и согласилась.

Я изумленно открыла рот, не находя слов.

Если это не признание в нежных чувствах, то в симпатии точно! И признак серьезных комплексов у мужчины.

– К тому же не забывай, что у физического проявления любви бывают последствия, – продолжил он сухо. – И я готов взять на себя ответственность, Фэйриль.

Это он о беременности, что ли? Как странно и некрасиво выразился – последствия...

У меня прорезался голос, и я бездумно брякнула:

– Да какие могут быть последствия? Я же целительница!

У Велдон побледнели губы.

– То есть в случае чего ты избавишься от моего ребенка?

Какой кощунственный, обидный вывод...

– Нет! Целительница никогда не допустит незапланированную беременность!

Мои оправдания услышало только бесконечное небо – Велдон внезапно обмяк и затих.

Боги, он... он умер?!

Забыв о магии, дрожащими пальцами я поймала нить пульса на крепкой шее.

Жив... Почему-то потерял сознание.

Ох, кажется, знаю почему!

– Кошмар... Вырубилась мужика своей любовью. – Я горько рассмеялась.

Поцелуи, нежность и все, что было потом, до сих пор отзывались в теле шальным счастьем. А вот разговор, взаимные нападки... Уж лучше бы Велдон захрапел сразу!

Глава десятая, в которой боги шутят

Велдон не просыпался.

Что я только не делала!

Кричала на него. Поливала соленой водой. Будила его с помощью магии, целовала, щекотала...

Он все так же безмятежно спал.

Пресвятая Гармония и ее проклятая сестра Дис! Что происходит?! Я не вижу, чтобы Велдону было плохо. Он не терял много жизненной энергии, чтобы впасть в кому. Да и не похоже это состояние на нее. Скорее, целебный магический сон. Неужели у меня получилось?.. Нет, не буду думать об этом!

Приближалась гроза. Холодные дождевые капли упали на обнаженную грудь Велдона. И я спохватилась. Пора обратно в палату, пока соседи не забили тревогу!

Боги, а что будет, если нас увидят вместе? Да еще Велдона в таком состоянии? А ведь я применила запрещенное заклинание, которое под большим секретом показала нам старенькая профессор, взяв слово, что никогда не воспользуемся им во вред... Я же фактически надругалась над мужчиной...

Спрятав лицо в ладонях, я немного поскулила от отчаяния. Как же не вовремя уснул Велдон! Представляю, как надо мной будут издеваться сначала коллеги здесь, а затем сокурсники, когда я вернусь в университет.

Ледяная капля побежала уже по моей спине.

Гроза и холодный дождь – последнее, в чем не нуждался Велдон в данный момент.

В лучших традициях злодеев я тщательно подчистила следы своего преступления. В первую очередь скрыла заклинание страсти, с помощью которого подтолкнула Велдона к действиям. Затем привела в порядок нашу одежду. Проще было застегнуть пуговицы на мужской рубашке, а вот нижнее белье и брюки...

Уф-ф, стягивать их с любовника проще, чем натягивать обратно. Если бы не мои навыки в помощи тяжелым пациентам с одеждой, я бы

не справилась. С моим платьем, которое Велдон не смог снять из-за слепоты, и вовсе не было проблем.

И как мы ничего не порвали?

Закончив приготовления, огляделась вокруг. Нет, вроде бы ничего не оставила, ничем не выдам своего присутствия и того, что мы делали.

– Велдон... – Я опустилась на колени рядом со спящим. – Прости, если обидела. Я люблю тебя, Велдон.

Нежно-нежно погладив по колючему из-за пробивающейся к вечеру щетины подбородку, добавила виновато:

– Я очень испугалась, что ты сдашься. И соблазнила, надеясь, что богиня тебя благословит – вернет искру твоему дару...

Сдерживая слезы, я поцеловала холодные губы, которые еще несколько минут назад покрывали мое тело трепетными поцелуями. Нежными, пьянящими поцелуями.

– Боги любят пошутить – я сделала только хуже. Мне так жаль!

Быстрым шагом, иногда подбегая, я направилась в лазарет за помощью. Я правильная, бдительная целительница, которая в свой выходной гуляла и случайно нашла слепого пациента. Да-да, я знать не знаю, что с ним случилось... И естественно, найдя его, я сразу позвала на помощь старших коллег!

Переступив порог лазарета, едва не попала под ноги лорда Илфаера, нашего вечно спешащего главного целителя.

Придержав меня за плечи, чтобы не упала, он довольно пророкотал:

– Фэйриль, как удачно ты зашла! Пойдем.

Он схватил меня за руку и потащил в сторону операционных.

– Постойте, лорд Илфаер! Вы в курсе, что Велдон пропал?

Целитель остановился и развернулся ко мне посуровевшим лицом.

– Только нового суицида нам и не хватало!

Удивительно, как он быстро просчитал ситуацию. Значит, видел, что Велдон, как недавно Полковник, на грани, но ничего не сделал?!

Внутренний голос справедливо возразил, что я, младшая помощница, могла и не видеть всего того, что делал главный целитель для сложного пациента. Одна только магическая повязка на лице Велдона – произведение целительского искусства.

– Сожалею, но пациента искать не будем – через портал нам передали раненых. Поисками займемся, когда закончим.

И он потащил меня дальше. Я упиралась, как мул на поводу.

– Подождите! Я уже нашла его, на утесе!

Целитель резко остановился.

– И этот прыгнул?

– Нет! – Меня бросило в холод от подобного предположения. – Он спит. Я не смогла его разбудить.

Лорд нетерпеливо качнул головой.

– Фэйриль, я сейчас отправлю кого-нибудь за Велдоном, ты ассистируешь мне в операционной.

Я поразилаась.

– Вам?..

Не ожидала, что мне доверят столь важное занятие – даже Рутшеру я помогала редко, больше смотрела.

– Раненых четырнадцать, нам не хватает целителей.

Лорд Илфаер ускорил шаг.

– Четырнадцать? О боги... Опять прорыв? – Я бежала, не успевая за слишком резвым чародеем. Теперь понимаю, почему нас гоняли на физической культуре. Целитель должен быть не только выносливым, но и быстро бегать за своим начальством.

– Хуже. Сразу три прорыва, в разных концах страны.

Новый виток войны...

Помогите нам, боги!

Несколько минут ушло на подготовку к операциям: надеть штаны и тунику из специального материала, убрать волосы под шапочку. Не забыть про маску и пропитанные защитным раствором перчатки. Все, к исцелению готова.

– Фэйриль, твоя задача в первую очередь обезболить и подавать инструменты с зельями, – напомнил лорд Илфаер, сосредоточенно диагностируя первого пациента. – И, разумеется, учиться.

– А ловить личинок агри? – поинтересовалась осторожно.

Главный целитель резко обернулся.

– Гм, кто это у нас такой ленивый, что заставлял таким заниматься практикантов? – тихо поинтересовался он.

Рутшер. Он решил, что тонким девичьим пальцам удобнее ловить в ранах юркую плотоядную тварь... Я тогда справилась, но аппетит

потеряла на двое суток.

– Никто. Просто поинтересовалась.

– Ладно, если будет настроение, половишь, – милостиво разрешил лорд Илфаер, не сводя с меня внимательного взгляда.

Чудом скрыла отвращение. Что ж, сама напросилась – никто за язык не тянул.

– Нужно будет – половлю, – твердо заявила я и подошла к столику с операционными инструментами.

Лорд Илфаер хмыкнул и промолчал.

Последующие несколько часов слились в единый миг.

Боевые маги – сильные духом мужчины. Большинство из них молча терпело боль. Но те, кто бредил, издавали такие звуки, что хотелось плакать. Крики... Стоны... Порой я мечтала сбежать из операционной, но не могла: не успели мы подлатать четырнадцать наших воинов, как через телепорты доставили следующих.

И я вновь обезболивала, обеззараживала раны, подавала инструменты, держала расширители, пока лорд Илфаер вынимал застрявшие в теле пациента когти и клыки...

Демоны, пока не переходят в боевую ипостась, почти ничем не отличаются от людей. Так говорят очевидцы, сама я, к счастью, не сталкивалась с захватчиками. А вот когда они оборачиваются, то похожи на жутких монстров, которые полчищами идут из темного мира. Когтистые и зубастые, они наносят серьезные увечья защитникам нашего королевства.

Несколько раз я поила главного целителя стимулирующим зельем, сама осилила полчашки. И да, мне все же довелось достать четыре личинки агри. Прямо из распоротого живота молоденького конопатого мага...

Пока ловила юрких агри, я боролась с тошнотой, мысленно обещая себе забрать документы с факультета целителей. Уж лучше я буду артефактором, чем искать бледно-сизых тварюшек в живом человеке!

Вообще, страшная зараза эти агри – крохотные личинки, попадая в раны человека с шипастого хвоста демонических прыгунов, быстро вырастают и губят своего носителя.

И лишь когда последняя была поймана, а страшная рана зашита магической нитью, я посмотрела на паренька с облегчением. Еще

несколько минут назад его веснушки напоминали полустертые брызги грязи, сейчас же лицо посветлело. На моих глазах к нему возвращалась жизнь – и это было невероятно... удивительные ощущения, когда спасаешь людей!

– Гм, а практиканты это делают лучше, чем я, – задумчиво протянул главный целитель и одобрительно хлопнул меня по плечу. – Молодец, Фэйриль!

Я чуть не присела под тяжелой рукой лорда.

– Все, ты свободна до утра, – объявил он.

Выйдя из операционной, я устало прислонилась к стене и закрыла глаза.

– Не ожидал, что вы так долго продержитесь рядом с брюзгой Илфаером, – произнес Рутшер изумленно. – Вы удивительно сильная, Джемма. Как же я не разглядел этого раньше?

Протянутая чашка с горячим травяным настоем смягчила резкость комплимента.

– Сама себе удивляюсь, – пожала я плечами и сделала первый глоток.

Хоть не стимулирующее зелье, но как же приятно, когда теплая волна вымывает изнутри холод операционной.

– Я буду чаще привлекать вас к лечению, – щедро пообещал Рутшер, чему я совсем не обрадовалась.

После работы с лордом Илфаером обучение под его началом кажется пресным.

Получив передышку под утро, я не завалилась спать в комнате отдыха – решила навестить Велдона. Даже во время операций мои мысли были о нем, я переживала, как он, хоть и слышала, что лорд Илфаер отдал приказание забрать слепого пациента из-под чар-вишни.

Приняв контрастный душ и переодевшись в обычную зеленую униформу целителя, я поднялась на третий этаж. Сердце грохотало, словно барабан бродячих артистов. Ох, как же я переживала!.. И как же сильно хотела увидеть Велдона! Не передать словами силу моих эмоций.

Зайдя в палату, я несколько секунд даже не дышала.

Велдон прикрыт легким покрывалом до середины обнаженной груди. На его глазах радужно переливается магическая повязка.

Грудная клетка поднимается и опускается равномерно. Вроде бы все в порядке.

Мой любимый все так же спал. Впрочем, как и другие пациенты. Вот только стоит мне задеть стул возле кровати или издать хоть какой-нибудь звук, как кто-то из них обязательно проснется – боевые маги даже в лазарете настороже. Но не Велдон, увы.

Активировав артефакт, создающий «купол тишины», я опустилась на колени возле кровати Велдона.

– Мне жаль, что вышло так, – прошептала я, не сдерживая слез. – Если бы я только знала... Прости!

Вина, печаль и негаснущая надежда долго держали меня у постели. Я каялась, признавалась в любви и молча поливала слезами спящего.

Ни-че-го. Он не реагировал. Никак. А я бы обрадовалась, если бы он очнулся и послал меня к демонам с дурацкой помощью...

Перед уходом по привычке провела диагностику... и чуть не вскрикнула от удивления. Магические каналы золотисто мерцали! Мерцали!.. Неужели все было не зря? Ох, Гармония, счастье-то какое!

Нет... Не буду радоваться заранее, прослежу.

Окрыленная надеждой, я вернулась в комнату отдыха. Главный целитель домой не отпустил, выходит, высока вероятность, что вскоре поступят новые раненые, нужно поспать хоть немного.

Ослабив пояс туники и для комфорта укрывшись с головой зеленой простыней, я попыталась уснуть. Уже дремала, когда на соседний лежак кто-то опустился.

– Джемма, лорд Илфаер хвалил вас, – сухо произнес Рутшер. – И забрал себе. Я лишился самого трудолюбивого младшего помощника.

Последние слова прозвучали сварливо.

Я довольно улыбнулась, зная, что он не увидит. А ведь раньше не хвалил, даже повторно объяснять не желал порой.

– Сочувствую вам.

– Ничего, вы скоро вернетесь ко мне, когда лорд изведет вас придирками.

А это мы еще посмотрим!

Главный целитель слыл перфекционистом, ненавидел лень и пренебрежение обязанностями. Я дала себе слово быть безупречной,

даже в мелочах следовать правилам, надеясь хоть немного поработать под его началом. Пока не надоем.

Дни потекли за днями. Тяжелые. Замораживающие душу дни. Новый виток войны с демонами из иного мира принес целителям много работы.

Сложные случаи. Все чаще к нам поступали смельчаки, пытающиеся создать нечто масштабное, от чего поляжет множество врагов. И у них получалось, только ценой выгоревших магических каналов. Несколько случаев неудачного использования заклинания «Запиратель миров» – молодые воины и опытные офицеры рисковали жизнью ради призрачной надежды. Рисковали и проигрывали, как Полковник и Велдон.

Я особо не следила за ходом войны, как коллеги, не читала жадно газет. Журналисты напоминали стервятников, пирующих над костями. Они обсасывали каждую новость, додумывая и часто привирая. Очередной отказ соседей-вампиров выступить на стороне королевства против засилья демонов? Это все потому, что король стар и не спешит уступать трон наследнику... На самом деле жителей Орбирии легко понять: демоны не нападали на их земли. Так зачем рисковать, призывать беды на свою голову?

Почему происходят нападения только на Церестан, не выдвигал теории только ленивый. Версия одной из столичных газет привела меня в ужас: наследника престола объявили главным виновником. Якобы год назад принц вместе с друзьями напал на молодого демона, случайно попавшего в наш мир. Рогатого парнишку будто бы затравили, как волка на охоте. Только он оказался необычным демоном, аристократом в своем мире – и началась война. В следующем номере газеты руководство принесло извинение, журналиста, написавшего ахинею, уволили.

Но слухи поползли со страшной силой. Принц... виновен принц. Правящий род допустил ошибку, за которую придется платить простому люду в первую очередь...

Не представляю, как король удержал страну еще и от гражданской войны?..

Дни шли за днями. Облетели цветки на чар-вишне, а я и не заметила. Очнулась, когда на ветках появились зеленые плоды.

Я все так же работала под началом главного целителя. Он кричал, срывая голос, а я понимающе кивала и молча готовила ему стимулирующее зелье. И лорд Илфаер быстро успокаивался. Его бывшие помощники признали, что я хорошо влияю на начальство.

А я просто думала о том, что на третьем этаже в магической коме лежит дорогой мне человек. Любимый мужчина, ненаглядный – в полном смысле этого слова, ведь я так и не увидела его лица. Не узнала цвет глаз, форму бровей и носа...

Впрочем, не важно, какая внешность под радужно переливающимися бинтами. Хоть нижняя часть лица и тело не пострадали, в области глаз наверняка останутся страшные шрамы.

И все же боги благоволили Велдону. Одного пациента нам так и не довезли – скончался от ожогов по всему телу после неудачного «Запирателя миров».

Велдон... Как же я хочу, чтобы он очнулся и снова мог видеть!..

Увы, как ни присматривалась, а изменений в области глаз не замечала. Зато свечение магических каналов становилось сильнее. Даже если Велдон никогда не будет видеть, магия поможет ему ориентироваться в пространстве, сделает самостоятельным. Главное, чтобы он проснулся.

А он все не просыпался, и я порой приходила в отчаяние, хоть лорд Илфаер и заявил, что паниковать рано – магическая кома длится порой не один месяц.

– А вы все сидите возле этого несчастного, – с иронией произнес Рутшер.

Ох, я и не заметила, как он подкрался...

– Чем же он так зацепил?

Я пожала плечами, сделав вид, что не смутилась из-за его внезапного появления. Начну суетиться, оправдываться – и он что-то заподозрит. Впрочем, он и так догадывался, что я равнодушна к Велдону – несколько раз ловил меня после дежурства у его постели.

Вот и сегодня Рутшер будто знал, где меня искать.

На мое плечо опустилась ладонь целителя. Слегка сжав его, он предложил неожиданно:

– Джемма, пойдете домой, я провожу.

Я растерялась. Это что еще за прихоть? Или я настолько измученно выгляжу, что коллеги начинают переживать?

– Немного побуду здесь и пойду в таверну матушки Урсулы. Есть дома нечего. – Я деликатно постаралась увильнуть от «щедрого» предложения.

– Я с вами, – быстро заявил Рутшер. – Сегодня день пирогов, наберу себе на завтрак.

И что тут скажешь? Пришлось идти ужинать с бывшим куратором.

Он внезапно оказался неплохим, когда перестал за меня отвечать. Внимательный, всегда старался поддержать, даже ободрить после череды тяжелых операций.

Когда лорд Илфаер заявил, что будет ходатайствовать о повышении моего статуса и досрочном, без экзаменов, окончании университета, Рутшер единственный восхитился идеей, назвав ее правильной. Внезапно у меня нашлись недоброжелатели, которые считали, что я просто выскочка с железными нервами, бессердечная и оттого выдерживающая вздорное начальство и все операции на ногах.

Если бы они только знали, как порой мне было плохо! Видеть искалеченные тела молодых, некогда сильных мужчин – невероятно тяжело, невыносимо. Хотя нет, пусть лучше никто не знает, как я плакала по ночам вместо того, чтобы спать.

В таверну шли молча. Рутшер умел быть ненавязчивым, и я бы радовалась его дружбе, если бы не знала, что он страстно любит азартные игры. Это перечеркивало все положительные впечатления. Дед учил не доверять игрокам, и эту мудрость, в отличие от других, я все же усвоила.

Вот и сейчас за массивом чар-вишен уже желтела черепичная крыша таверны, а Рутшер косился в сторону серых палаток, временного воинского формирования. Офицеры часто устраивали вечера с картами, и целитель был там завсегдатаем.

Подозреваю, если бы не я, он не пошел бы в уютный трактир с хлебосольной хозяйкой, а повернул бы к друзьям по игре...

– Кстати, давай перейдем на «ты»? – неожиданно предложил Рутшер. – Можешь называть меня Дерекком.

От подобного не отказываются, если не боишься прослыть гордячкой. И я кивнула.

– Давайте, но не обещаю, что у меня сразу получится.

Рутшер отмахнулся от предупреждения и поинтересовался:

– Ты какие любишь пироги? Я обожаю рыбные и с вареньем из чар-вишни.

Я вдохнула пряный аромат выпечки, которым Урсула заманивала гостей, открывая в теплую погоду двери и окна.

Голодный желудок взбунтовался – нечто неприятное послышалось в знакомом запахе.

– Рыбные пироги не берите сегодня – кажется, в их начинку попала протухшая тушка...

Я не договорила – бросилась к кустам. Меня вывернуло наизнанку, и выпитый на работе укрепляющий чай быстро совершил дерзкий побег.

– Джемма!

Бестактный Рутшер коснулся моего плеча.

– Тебе плохо?

Кроме тошноты и дрожи, был еще легкий стыд, что нашелся свидетель моей минутной слабости.

– Хорошо мне! Не видите? – простонала я, не поднимая головы. – Отойдите, пожалуйста, мне дурно.

– Вообще-то, я целитель, – для чего-то напомнил Рутшер обиженно.

Не спрашивая разрешения, он положил прохладную ладонь мне на шею сзади. Освежающая волна прошла по телу, предотвращая череду спазмов в желудке.

– Тебе легче?

Целитель начал вести себя слишком фамильярно, но это почти не беспокоило – целителям прощаются нескромные прикосновения, если они по делу.

– Да...

– Ты переработала, – заявил Рутшер сердито. – Я сообщу лорду Илфаеру, что ты нуждаешься в выходном.

– Не надо!

– Ты пьешь одни чаи, забывая полноценно поесть. Неудивительно, что начинает тошнить от нормальной еды! Совсем себя загнать хочешь?

Он отчитывал, а я не слушала. Одна мысль не давала пока. Я переработала? Неубедительная версия. А что, если... Нет, не может быть...

Подчиняясь мягким уговорам, я вошла в таверну и плотно поела. Запах рыбных пирогов не мешал – Рутшер был хорошим целителем.

Товарищем он также оказался заботливым – проводил домой и предложил несколько укрепляющих заклинаний. Я отказалась, не желая открываться перед ним, и он ушел, не обидевшись.

Ранним утром я отправилась на работу, окрыленная новой идеей. Я знала, как вытащить Велдона из магической комы!

Привычно придя на полчаса раньше, бесшумным призраком скользнула в палату и активировала артефакт, создающий «купол тишины».

– Привет, Велдон. А у меня новость... Я согласна пойти с тобой в храм.

Подняв безвольную руку мужчины, приложила ее к своему животу.

– Мы обязаны сходить с тобой в храм, понимаешь?

Оглянувшись на спящих соседей Велдона, я прижалась к его губам быстрым поцелуем.

Воровать счастье по кусочкам... Сладко. Волнительно. Тревожно. И чуточку стыдно. В какой-то момент появляется привкус горечи и самообмана. И мне этого уже мало, хочу счастье законное, свое!

Что ж, у меня были все шансы его получить.

Во многих исследованиях говорится, что порой пациенты в коме все слышат. Я дала Велдону серьезный мотив очнуться. Осталось только подождать.

Перед началом рабочей смены лорд Илфаер громогласно заявил, что у меня сегодня принудительный выходной. Я должна погулять, искупаться в море, выспаться и нормально поесть...

Под завистливые взгляды других младших помощников я покинула лазарет – с главным целителем не имело смысла спорить, он непоколебим, как утес.

– Доброе утро, Джемма. – Дерек Рутшер догнал меня в саду. – Прогуляемся?

Бросив на него быстрый взгляд, я не смогла по-настоящему разозлиться на него за своеволие. Темные круги под глазами выдавали, что и ему не помешает «погулять, искупаться» и так далее. Как и всем остальным целителям Приморья.

– Только сначала позавтракаем, – со вздохом уточнила я.

Рутшер влез не в свое дело – так кажется на первый взгляд, но не стоит забывать, что изначально он был моим куратором, отвечал за мое благополучие, как молодого специалиста. Неудивительно, что он продолжил опекать.

Сидя в трактире Урсулы, мы немного разговорились. Беседовали на отвлеченные и профессиональные темы, и я слегка оттаяла, ведь появилась уверенность, что Велдон вскоре проснется. Тот, кто пытался спасти мир, не оставит без имени своего ребенка.

В трактир периодически заглядывали военные, и сегодня их было больше обычного. Неужели опять активизировались демоны? Тогда нам лучше вернуться в лазарет! Если опять случится прорыв, понадобятся все свободные руки.

Я озвучила свои мысли.

– Нет, Джемма, спокойно допивай свой чай, – твердо произнес Рутшер. – Меня не вызывали по артефакту? Значит, все в порядке.

Интуиция не успокаивалась.

– Давайте вернемся в лазарет! Я волнуюсь.

Вздыхнув, Рутшер признался:

– Я не хотел говорить, но твоего слепого сегодня переводят в другой лазарет.

Вилка выпала из моих ослабевших пальцев с похоронным звоном.

– Вы врете!

Слова вырвались прежде, чем я их осмыслила.

Рутшер не возмутился, грустно покачал головой:

– Я лично слышал разговор лорда Илфаера с матерью пациента. Она заберет сына в столицу, покажет светилам целительства. Я считаю, тебе не стоит попадаться ей на глаза.

– Стоит или нет – решать мне! – Я встала из-за стола.

– Джемма, не горячись. – Рутшер тяжело вздохнул. – Мать Велдона прибывает телепортом вместе со своей будущей невесткой.

Окружающая действительность покачнулась, ориентиры поблекли. Я медленно осела на табурет.

Невесткой... Девушка одумалась и решила выйти замуж за слепого, от которого ранее отказалась? Злая насмешка богов. Я ведь считал Велдона свободным...

Рушился мой маленький личный мир, и изменения в большом поначалу прошли мимо моего сознания. Почему-то вопили люди. О

чем-то кричал высокий военный в форме офицера. Плакали дети.

– Джемма, пойдём!

Рутшер потащил меня прочь из трактира, не дав расплатиться за завтрак.

– Что? Что случилось?

Паника куда-то бегущих людей передалась и мне.

Рутшер поначалу молча тянул в сторону дислокации военных. Туда же бежали и все люди, толкаясь, порой сбивая с ног других людей.

– Что происходит?!

Я словно очнулась от кошмара и попала в новый.

Зло сверкнув глазами, Рутшер крикнул:

– Демоны прорвались в Приморье!

Мой мир рассыпался пеплом.

Велдон... В лазарете Велдон! И остальные пациенты... Целители... Нужно помочь с эвакуацией через порталы лазарета!

– Мы должны вернуться!

– Демоны уже в лазарете, Джемма!.. Их столько, что идет эвакуация города. Быстрее!

Велдон жив. Я чувствую это.

– Наши в убежище!

– Если бы они успели укрыться там, я получил бы сигнал на амулет, – резонно заявил целитель, продолжая меня тянуть в человеческом потоке.

Своим ступором я мешала ему. Всем мешала. Кто-то задевал меня нечаянно. Кто-то толкал осознанно, вымещая злость и страх.

Не верю, не верю... Велдон не мог умереть. Не верю!..

– В месте эвакуации понадобятся целители. Дети, женщины, раненые... Мы нужны им, Джемма!

Я не видела дорогу – она затуманилась из-за слез. Я плелась, ведомая Рутшером. Живая и мертвая одновременно. Механическая кукла, у которой сбило сердце-артефакт. Еще чуть-чуть – и я засну навсегда.

– Хватит!

Рутшер остановился и вlepил мне оплеуху.

– Ты не хочешь жить? А о ребенке подумала?

Слова его как хлыст.

Ребенок Велдона... Как же я забыла?

Теперь уже я неслась вперед, опережая уставшего целителя.

Возле телепорта толпа не напирала – военные сумели наладить отpravку людей. Очередь двигалась молчаливой змеей: сначала женщины и дети, затем старики, гражданские.

Рутшер кому-то сообщил, что мы целители, и с хвоста нас отправили ближе к началу – на той стороне уже были раненые.

– Ездовые ящеры выскочили из телепорта прямо в лазарете!

Я обернулась к мужчине с окровавленным лицом.

Он говорил, хоть никто, кроме меня, его не слушал:

– Они всех убили, порвали на куски... Никто не сбежал через телепорт. Никто!

Я потеряла сознание, не совладав с новой болью. Рутшеру пришлось повозиться, чтобы я очнулась. Успокоительные заклинания сделали свое дело: вместо горя пришла апатия.

Последующие несколько дней я помню смутно. Провалы в памяти не мешали исполнять свои обязанности. Постоянно ассистировала Рутшеру, обезболивая, обеззараживая, успокаивая.

Я должна была делать хоть что-то, иначе сошла бы с ума от страшных мыслей. И в те черно-багровые дни я выкладывалась полностью, засыпая лишь от усталости.

А потом одному молодому чародею повезло: он сумел создать клятый «Запиратель миров», переломив ход войны. Новые армии демонов больше не могли вторгаться в наш мир, и наше войско быстро расправилось с остатками.

Услышав спасительную весть, окружающие ликовали, обнимались с рядом стоящими. Только мне было все равно. Герой, в один миг получивший герцогский титул и народную любовь, опоздал... Моего любимого больше не было на свете. Глупо, но некоторое время я даже ненавидела Аламейского за то, что он не совершил свой подвиг раньше...

Дерек Рутшер тоже оказался по-своему героем: он сделал в те дни невозможное, вытащив меня из черной безнадеги, напомнил, что я стану мамой. Он был моей нянькой, опорой, главным утешителем, и, когда предложил свое имя, я согласилась без раздумий. Мне было все равно, кто станет мужем, лишь бы ребенок не пострадал из-за моей неосторожности.

После скромной свадьбы Дерек предложил навестить моих родителей, чтобы помириться и сообщить о скором появлении внука.

Мне было страшно, и супруг отправился с первым визитом в одиночку. Не зря я боялась – Дерек вернулся в ярости и... с чемоданом артефактора. Инструменты – единственное мое приданое, которое передали родные, не желая больше знаться с непутевой дочерью. Злая насмешка: я отказалась от семейного дела, но инструменты – единственное, что я заслужила. Как ни странно, но ими я даже пользовалась, когда остро требовались деньги.

Некоторое время после рождения Оливера мы работали в южной провинции. Переезжали с места на место, потому что Дереку нигде не нравилось, а если по правде, то любовь к азартным играм портила репутацию быстро.

Когда в шесть лет у сына проснулась магия, супруг убедил переехать в Подгорск к другу.

Но не прошло и двух месяцев, как Дерек отправился в Приморье к родственнику, где и погиб нелепо. Мне пришлось забирать свидетельство о его смерти и возвращать долги.

А еще... я видела разрушенный лазарет, мертвый сад, сожженную демоническим огнем землю. И Велдон умер в моем сердце окончательно.

Был в печальном путешествии и светлый момент. Уже на подъезде к Подгорску я спасла испуганную девчонку из лап бандитов. Лил.

Часть 3
Столица

Глава одиннадцатая, в которой новая жизнь удивляет

Высокая каменная ограда скрывала внушительную территорию. Трехэтажный дом также поражал своими размерами. Это какой же штат прислуги нужен, чтобы поддерживать его в порядке? Страшно представить.

Карета катилась по дороге, затененной старыми лиственницами, чьи кроны переплелись, образуя крышу. Слева виднелось каплевидной формы озеро, справа – садовый лабиринт из фигурно подстриженных тисов. Подозреваю, сын будет пропадать там днями до самого отъезда в пансион...

Все, кроме Аламейского, смотрели в окна. Хлоя восторженно ахала, Лил и Оливер беспардонно делились впечатлениями, не обращая внимания на присутствующего хозяина. Нужно будет напомнить им о манерах.

– Что скажете, Джемма? – скучающим тоном поинтересовался чародей. – Это поместье вместе с титулом герцога мне пожаловал король.

– Скажу, что его величество щедро наградил героя войны, – тотчас отозвалась я.

Алистер отвлекся на вопрос Оливера:

– Ваше чародейство, а в озере можно купаться? А рыбу ловить? Пикник на берегу устроить можно?

– На все твои вопросы ответ «да». Можно посещать библиотеку, тренировочный зал, конюшню, бассейн. Под запретом полигон, там будешь заниматься лишь в моем присутствии.

– Я смогу кататься на лошади?! – Радость Оливера оглушала.

Кажется, я слишком мало времени уделяла правилам приличия. Мое упущение.

Придав выражению лица строгости, я поймала взгляд сына. Ребенок понял намек и смутился.

– Джемма, вам плохо?

Глаза Аламейского смеялись. Ему льстила реакция на его резиденцию.

И почему мне грустно? Может, потому, что это все ненадолго? Нужно поговорить с сыном, объяснить, что все перемены – временное явление.

– Нет, я в порядке, благодарю.

Слуги вышли встречать вернувшегося господина, выстроившись в четкую шеренгу едва ли не по росту у подножия лестницы из мрамора, белизну которого подчеркивали темно-зеленые кусты орбирийских роз с хищно-алыми бутонами. Еще не распустились, а уже отвратительно ароматны.

Отвлечшись от рассматривания нелюбимого растения, я уделила внимание слугам. Штат не слишком большой – человек двадцать. Приятного вишневого цвета с белыми воротниками платья у женщин, темно-красные ливреи с золотой вышивкой у мужчин. Вышколенные слуги явно рады видеть нанимателя.

– Картер, – позвал чародей высокого блондина с лучиками веселых морщинок в уголках глаз.

– Слушаю, мой лорд.

– Оставляю вам важных гостей: госпожу Рутшер, ее сына Оливера и воспитанницу Лил. Поселите в комнатах возле хозяйских апартаментов. Оливер – мой ученик, я планирую видеть его по возможности чаще. Госпожа Рутшер – ценный специалист, новый член моей команды.

Не передать, что я испытала в этот момент! Тепло и признательность – он ведь подумал о моей репутации в глазах слуг и сразу пресек слухи. Невероятно, что подобный циник может быть настолько деликатным.

– Накормить, помочь с вещами и слушаться во всем. – Чародей подумал и добавил: – В пределах разумного, естественно.

– Будет исполнено, мой лорд!

– Я во дворец. Когда вернусь, не знаю.

Затем уже нам Аламейский коротко бросил:

– Обживайтесь, отдыхайте – вскоре мне понадобятся ваши способности. Госпожа Грэхем! Вы едете со мной.

В этот момент подали двухколесную легкую повозку с откидным верхом. Вороной нетерпеливо похрапывал, готовясь соревноваться с ветром.

Быстро и как-то скомканно попрощавшись, невеселая Хлоя и ее два чемодана заняли место в экипаже.

– Джемма, я рассчитываю застать вас там, где оставил, – тихо, только для моих ушей, произнес Аламейский. – До скорой встречи.

– До встречи, Алистер. – Я не удержалась и назвала его по имени.

Не стоило сблизаться, поддерживать фамильярный стиль общения, но... мне он слишком нравился, чтобы отталкивать. Пора признать и принять это.

Когда я смирилась с неожиданной тягой души, на сердце потеплело. Я перестала отрицать свое увлечение, и даже дышать стало легче. И чего, собственно, я сопротивлялась очевидному? Я независимая женщина, Алистер – свободный мужчина. Если наш флирт станет чем-то большим, огорчаться не буду.

Небольшая экскурсия по дому прошла мимо моего восприятия – все мысли принадлежали резкому, но безгранично заботливому мужчине с синими глазами.

О нашем приезде было известно заранее – указанные комнаты подготовили, даже свежие орбирийские розы стояли в вазах.

– Уберите, пожалуйста, цветы во всех наших комнатах, – попросила я сопровождающую нас служанку.

– Все-все? – поразилась она, нерешительно подходя к напольной вазе, стоявшей возле кровати, широкой и пышной.

– Да, все уберите, – терпеливо повторила я. – В комнатах детей нужно еще и хорошо проветрить.

– Но они же красивые! – обнимая вазу с алым букетом, вздохнула служанка.

– И вызывают сильную головную боль.

Девушка громко чихнула.

– Простите, госпожа Рутшер.

– А еще у многих на эти розы аллергия.

Служанка снова чихнула, невольно подтверждая мои слова.

– Я думала, что из-за сквозняков простыла, – смутилась она. – А это розы...

– Вдобавок шипы орбирийских роз ядовиты. Если правильно не обработать царапины, останутся некрасивые шрамы. Поистине вампирские цветы.

– Это точно, – пробормотала служанка, покосившись на свою руку. – Шрамы почти как у нашего господина...

Последняя фраза не предназначалась для моих ушей, но я услышала.

– А ведь эти розы – писк сезона, леди Брикойль очень радовалась, когда из двадцати кустов прижились шесть. Почему господа их разводят, раз они опасны?

– Леди Брикойль?.. – нечаянно напряглась я.

– Мать его чародейства. – Голос служанки переполняло благоговение и легкий страх. – Она и у себя их посадила, только белые.

– Леди Брикойль – маг земли?

Озвучивая предположение, я заранее знала ответ: у землевички выжили бы все розы.

– Нет, леди – маг Огня и Воздуха, очень сильный, – с гордостью за свою госпожу ответила служанка.

Кстати, забыла ее имя.

– Простите, напомните, как вас зовут?

– Дарина я, госпожа Рутшер. – Девушка почтительно присела в книксене. – Так получилось, что у вашей камеристки выходной, и я ее заменяю.

Жаль, что только заменяет. Девушка вызывала симпатию своей открытостью и прямоотой, хоть и выглядела подчеркнута серо: мышинового цвета волосы, собранные в низкую, тугую и оттого крохотную гульку. Лицо будто припорошено бледно-серой пылью. Хм, а может, и припорошено? Точнее, припудрено?

Я прищурилась, подзревая самое нехорошее.

– Дарина, в этом доме к вам пристают?

Собирающаяся что-то произнести девушка поперхнулась воздухом.

– Простите, госпожа?.. – Ее глаза распахнулись широко-широко.

– Вы ведь припудриваете лицо, чтобы казаться невзрачней? Стараетесь выглядеть менее привлекательной? Кто вас домогается? Вы сообщили об этом лорду Аламейскому?

Я засыпала ее вопросами намеренно, сбивая с толку, чтобы она растерялась еще больше и не придумала, как оправдать своего обидчика. Знаю я таких девочек – пугливых, забитых жертв. В доме

градоначальника подсмотрела, как в очередной раз посланный мной к демонам Грэхем пристаёт к горничной. Я не вытерпела и вмешалась, а потом еще и градоначальнику пожаловалась на непотребства племянника. Девушка уволилась в итоге, а мне прямым текстом сообщили, что не желают видеть в доме. Так я и выпала из светской жизни Подгорска...

Дарина прикрыла лицо узкими ладошками и горько всхлипнула.

Ох, кажется, все серьезней, чем я думала!

– Дарина, – мягко позвала я, прикасаясь к ее плечу. – У вас не безвыходная ситуация, поверьте, все можно исправить. Главное, не молчите.

Утешая, я горячечно перебирала в памяти смутно запомнившиеся лица слуг. Кто же к ней пристаёт? Одно ясно точно: это не сам хозяин, в Алистере я уверена железно. Неужели руки распускает управляющий со смеющимися глазами? Не похож он на похотливого урода, кажется приятным мужчиной. Тогда кто?

– У вас замечательный, благородный лорд, Дарина. Расскажите ему все. Если боитесь, это могу сделать я.

Новое всхлипывание – и девушка отвела ладони. Она не плакала... она улыбалась.

– Простите, госпожа Рутшер, вы застали меня врасплох. Никто ко мне не пристаёт, поверьте! Я веснушки прячу.

Она вновь стеснительно улыбнулась, а я ощутила неловкость.

– О, простите... Я надумала себе всякого.

Вот это я просчиталась! Чую, перемоют мне теперь кости на кухне: приехала фифа из глубинки и сразу бросилась выискивать бедняжек, чтобы навязать ненужную помощь. Глупая ситуация. Но иначе я не умею, не могу пройти мимо чужой беды.

– Мне очень приятно ваше беспокойство, госпожа Рутшер. Вы первая заметили, что со мной что-то не так, и предложили помощь. – Тон голоса Дарины изменился. Сейчас со мной говорила не прислуга, а равная по положению, уверенная в себе женщина. – Вы правы в одном: наш лорд замечательный, работать на него – большая удача.

Я улыбнулась через силу.

– Рада, что ошибалась и у вас все хорошо.

– А я рада, что у нашего лорда появился новый специалист с высокими моральными устоями. – Дарина резко перевела тему: – А

правда, что на вас в пути напали? Что лорд Аламейский от вампиров отбивался? Его люди не пострадали?..

За новую тему я уцепилась охотно. Алистер не говорил, что нападение на понтон – тайна, поэтому без особых сомнений рассказала о наших приключениях.

Дарина, охая, разглаживала мои платья магией и вешала в гардеробной, находящейся рядом со спальней. Работала она быстро и качественно. И вскоре мы перешли в комнату Оливера.

Предсказуемо, он даже чемоданы не раскрыл, зато расставил коллекцию камней на прикроватном столике.

– Какая красота! – восхитилась Дарина. – Разрешите посмотреть?

Оливер, надувшись от гордости, кивнул.

Наблюдая, как девушка общается с моим ребенком, я убедилась, что она кто угодно, но не простая служанка. Слишком свободно себя вела. А может, сказывалось то, что Дарина хороший бытовой маг? Может статься, что она одна держала в порядке целый этаж и получала за это больше, чем я в школе. Хорошие бытовики на вес серебра.

– Господин Рутшер, обязательно сходите к озеру, на берегу интересные камни попадаются. Вдруг подойдут вам для коллекции?

– Мама, можно сбежать? – Глаза сына уже загорелись предвкушением.

– Можно, но только с Лил, – разрешила я и добавила поспешно: – Не купаться – слишком рано, вода еще не прогрелась.

Оливер рванул в соседнюю комнату к верной подруге по приключениям.

– Замечательный у вас ребенок, – мечтательно произнесла Дарина. – Еще и универсал. Вы наверняка очень счастливы.

Я неопределенно пожала плечами.

Как ни нравилась мне девушка, а говорить на серьезные темы я не хотела. Аламейский посвятил слуг в мою тайну, да, но это была необходимость, и наверняка у придворных, находящихся на службе у короля, нет случайных людей – все дают особые клятвы о неразглашении информации. И все же делиться своими эмоциями с посторонним человеком я не хотела.

Помогать с вещами Лил не пришлось: она сама разобрала чемоданы.

– Все мои вещи поместились в углу гардеробной, – весело сообщила она.

– Позвольте я приведу их в достойный вид после путешествия, – услужливо предложила Дарина.

– А я уже их выгладила с помощью чар! – довольно сообщила Лил.

Девчонка, которую я выкрала у бандитов на постоялом дворе два года назад, была перспективной воздушницей, но обожала бытовые чары. Порой мне казалось, что она играла в них, как маленькие девочки в куклы.

Так, многие аристократки никогда не признаются, что могут ставить заплатки, убирать и гладить с помощью магии, будто это унижает их достоинство. Манеры Лил, ее навыки и знания порой убеждали, что она из знатной семьи, но потом она как-нибудь чудила – и я убеждалась, что мне все привиделось. Лил – ребенок зажиточных мещан или успешного купца, ее выкрали ради выкупа еще малышкой, но почему-то не вернули родителям. Потрясения серьезно сказались на памяти, и Лил многое забыла, в том числе и своих родных...

– Кстати, что ты там говорила о нарядах в уголке гардеробной? На днях отправимся в город и купим тебе несколько новых платьев, – невозмутимо заметила я.

– Джемма, я не хочу. – Лил нахмурилась.

– Ты скоро станешь студенткой Столичного университета магии, – напомнила я. – Новые наряды необходимы.

– У меня прекрасные платья, которые пошила портниха из Подгорска!

Я бросила взгляд на внимательно слушающую нас Дарину и не стала спорить. Потом поговорю с упрямой девчонкой, которая вбила себе в голову, что должна экономить, чтобы не быть мне обузой.

Когда выходили из комнаты Лил, я попросила служанку:

– Будьте добры, зайдите ко мне еще на минутку.

Глаза Дарины напоминали кофейные блюдца, когда вскоре я протянула ей стеклянную баночку.

– Это подарок. Наносите каждый вечер на кожу лица перед сном – обещаю, вы быстро забудете о веснушках.

– Госпожа Рутшер, это так неожиданно! – Девушка смутилась. – Не стоит беспокоиться, мне хватает пудры.

Пудры, которая не подходит по тону и превращает симпатичную девушку в невзрачную мышку.

– Я настаиваю. Уже после первого применения веснушки поблекнут.

– Разве так быстро бывает? – удивилась Дарина искренне.

– А вы проверьте. – Я подмигнула.

Любопытство победило, и мой подарок приняли.

Надев симпатичную мне девушку самым покупаемым кремом в Подгорске, я отправилась на поиски детей.

Несколько часов вместе с Оливером и Лил я обходила огромное поместье герцога. На садовый лабиринт лишь посмотрели – управляющий предупредил, что на его прохождение могут уйти часы, если свернуть не в том месте. Отложив приключение на другой день, мы немного полюбовались на внешнюю стену из подстриженных тисов и отправились на озеро.

Белые и черные лебеди бесстрашно плавали у самого берега, не боясь людей. Похоже, их прикармливали. Пообещав Оливеру, что в следующий раз мы придем с угощением, я разрешила им с Лил немного поплавать.

Приготовившись сушить ребят магией, приятно удивилась, когда управляющий лично принес покрывало на землю и пушистые, пахнущие мятой полотенца.

– Я распорядился, чтобы вам подали обед на затененную террасу, – сообщил Картер.

– Благодарю.

Несколько минут мы наблюдали за тем, как раздетый до трусов мальчишка и предусмотрительно переодетая в купальный костюм девчонка беззаботно визжали, хохотали и брызгали друг на друга водой.

– Скажите, господин Картер, я ведь могу заменить камеристку?

– Заменить?.. Но ведь вы ее еще не видели! – поразился управляющий.

– Верю, что вы подобрали мне замечательного специалиста. Но если это возможно, то я хотела бы чаще видеть Дарину.

– Дарину?.. – Управляющий закашлялся, пряча удивление и выигрывая время на размышление.

– Вы простыли летом? Я могу вас подлечить, – любезно предложила я, с азартом ожидая, как он будет выкручиваться из сложившейся ситуации.

Через несколько секунд живое лицо Картера превратилось в невозмутимую маску – он решил, что нашел выход.

– Нет-нет, я в порядке. А Дарина... уж простите, но с таким именем прислуги нет. Видимо, вы ошиблись, госпожа Рутшер.

Я узнала, что хотела, и преспокойно согласилась:

– Да, слишком много имен. Я запуталась, извините.

Сославшись на срочные дела, Картер поспешно ушел.

Кто же ты, Дарина? Управляющий понял, о ком я говорила, но предпочел промолчать.

Фантазия у меня обычно хорошая, но сегодня я слишком устала и достойных вариантов не придумала.

Обедали мы, как и пообещал управляющий, на террасе. У герцога великолепный повар. Открывающийся с террасы вид усиливал аппетит.

Оливер и Лил поели быстро и сбежали исследовать земли Аламейского. Я их понимала – имение красиво, и чувствуется, что любимо хозяином, но желание присоединиться отсутствовало.

Ох, Гармония, а ведь все складывается слишком хорошо, чтобы не задумываться над тем, что нас ждет впереди. Не верю я в длинные светлые полосы, они бывают, да, но не у меня. Последние девять лет – это черная лента с белыми черточками. Видимо, меня полюбила Дис, раз в жизни все не так, как мечталось, неправильно и странно.

Я наливала себе вторую чашку чая с медом, когда со стороны выхода на террасу прозвучало звонкое:

– Добрый день!

Я обернулась.

Немолодая золотистая блондинка с точеной фигурой, затянутой в фиолетовое платье, смотрела на меня настороженно. Стоящая рядом красивая золотоволоска в бледно-зеленом платье выглядела восторженной. Казалось, вот-вот она сорвется с места и подбежит ко мне, чтобы обнять. Странное впечатление... Чему она радуется?

За дамами маячил высокий, очень худой блондин с маленькими усиками и крохотными очочками на длинном носу. Пепельно-русые волосы, собранные в куцую косичку, и темно-серый костюм усиливали

ассоциацию с дрессированной крысой. В руках мужчина сжимал ярко-зеленый зонтик от солнца, явно чужой аксессуар.

Прямо нашествие блондинов какое-то! Впору переживать, что я выделялась своими «овечьими кудрями и вульгарным коричнево-рыжим цветом». Нет, сама я так не считала, это мнение госпожи Грэхем, высказанное некогда в порыве злости.

– Здравствуйте. – Я вспомнила о манерах и поприветствовала знакомых, а то и вовсе родственников герцога.

– Ах, вы, должно быть, госпожа Рутшер?

Голос младшей леди напоминал щебетание певчей птицы – звонкое, мелодичное. Очень приятный голос, и девушка милая. Неужели я познакомлюсь сейчас с матерью и сестрой Аламейского? Странное дело, мне остро захотелось произвести на них приятное впечатление.

– Да, я Джемма Рутшер, работаю на герцога.

Я решила представиться просто, не упоминая сына, которого Алистер взял в ученики.

– Сабина Брикойль. Алистер – мой сын, – произнесла старшая женщина, подходя к столу. Похожий на крысу мужчина торопливо отодвинул ей стул. – А это Кирайя Вирьен, она...

– Кирайя, просто Кирайя! – перебила мать герцога девушка, сверкая белозубой улыбкой. – Я ведь могу звать вас Джеммой? Будет здорово, если мы с вами подружимся!

Столько было энергии в ее движениях, словах, взгляде, что она словно светилась изнутри. Ее добродушие подкупало. Приятная родственница у Аламейского.

– Я не против, чтобы вы называли меня по имени.

– Замечательно, я так рада! Ну а это Патрик. – Девушка небрежно указала миниатюрной сумкой в сторону крысopodobного мужчины. – Один из секретарей отца и мой соглядатай.

Расстроенной, что за ней присматривают, Кирайя не выглядела, что и понятно, если вспомнить дамский зонтик в руках сопровождающего. Полагаю, он и покупки ее безропотно таскает. Удобный соглядатай, лучше компаньонки.

– Приятно познакомиться.

На самом деле нет, не особо приятное знакомство, учитывая пристальный взгляд матери Аламейского. Смотрит, как будто я

злодейка, пробравшаяся в дом ее сына. А ведь я представлена слугам как новый член команды, так чем же госпожа Сабина недовольна? Или матери Аламейского известно чуть больше?..

Правда, какие у нас отношения с ее сыном, я не знаю и сама. Вот бы кто просветил!

– Как вам Тисовый Лабиринт, госпожа Рутшер? – поинтересовалась Сабина.

Бесшумные, словно призраки, слуги быстро сменили на столе посуду, принесли чайник со свежим чаем и блюда с десертом и легкими закусками.

– Я не успела составить мнение о тисовых насаждениях, ведь приехала всего несколько часов назад. Но да, лабиринт грандиозен, я не скоро решусь его пройти.

У Кирайи вырвался смешок, и я поняла, что сказала какую-то глупость.

– Тисовый Лабиринт – поместье, где вы сейчас находитесь, – подчеркнуто ласково сообщила мать Аламейского. – Удивительно, что вы не поинтересовались названием места, куда переехали работать. Настолько доверяете моему сыну?

Ее сладко-приторный тон напоминал медовую ловушку для мух. Сложно в нее не угодить, но я постараюсь.

– Лорд Аламейский – человек, которому можно безоговорочно вручить свою жизнь.

– Приятно, что вы настолько хорошего обо мне мнения, госпожа Рутшер!

Аламейский северным ветром влетел на террасу. Уже переодетый в другой костюм, цвета топленого молока, он бегло скользнул взглядом по лицам присутствующих.

Мое сердце забилось чуть быстрее. Я обрадовалась появлению чародея, почувствовала себя уверенней. Да и просто видеть его было приятно.

– Здравствуй, мама, Кирайя... – Аламейский кивнул родственницам, игнорируя крысopodobного секретаря. – Госпожа Рутшер, как и предупредал, вы понадобились мне очень скоро. Контрабанда артефактов, необходимо ваше экспертное заключение.

Он говорил, а я следила за реакцией его матери.

Брови леди удивленно приподнялись. Не ожидала, что я и правда приехала работать, а не охотится на сердце ее сына?

– Ваше чародейство, я готова приступить к своим обязанностям в любую минуту.

– Хорошо. Вы уже пообедали?

Рвущийся с языка вопрос «А вы?» задать не рискнула, не в том я положении. Была бы я личным целителем Аламейского, прозвучал бы он уместно, а так – слишком интимно.

– Да, можем ехать.

– Замечательно, тогда не будем терять время!

– Ты уже уходишь, дорогой? – изумилась леди Сабина. – А как же мы?

– А вы отдыхайте, пейте чай. Ягодные пирожные у Лэнии сегодня изумительно вкусны, – с неизменной кривой усмешкой посоветовал Аламейский.

Быстро поцеловал озадаченную мать в припудренную щеку, легко коснулся губами запястья Кирайи. Вид у той был недовольный. Рассчитывала побыть в компании вернувшегося из командировки родственника дольше?

Кстати, насколько близко их родство? Что оно есть, сомневаться не приходилось – леди внешне похожи. Кирайя – двоюродная кузина Аламейского?

Сбежать от матери, как того горячо желал чародей, не вышло: на террасу примчались Оливер с Лил.

Боги... Грязные, как поросята! Черные разводы на одежде, руках, лице, и даже в волосах застряли комки грязи! Лил, которой официально исполнилось шестнадцать, а на самом деле – почти восемнадцать, вообще нельзя было узнать! Она что, лицом упала в болото?..

Немая сцена.

Отстраненно я отметила реакцию окружающих: шок леди Сабины, брезгливую гримасу Кирайи, презрение на лице секретаря и... восторг Аламейского.

– Ма! Смотри, что мы поймали!

Счастливым Оливер развернул на полу сверток, роль которого исполнил некогда белый платок Лил.

На блестящие белые плиты, разбрызгивая во все стороны бурую грязь, прыгнула фиолетовая лягушка.

– Ква! – возвестило о своем недовольстве огромное, как человеческая голова, земноводное.

– Это же фиолетовая квакша, – громко прошептал секретарь. – Она кусается и плюется ядом.

Решив, что ею восхищаются, лягушка резко развернулась к поклоннику.

– Ква?!

Поистине гигантский прыжок!

Но воссоединения не произошло: по-женски тонко взвизгнув, секретарь запрыгнул на стол. Раскрыв зеленый зонт, он выставил его вперед, как щит.

– Спасите! – На пол полетели фарфоровые чашки. – Она хочет меня убить!

– Успокойтесь! – Я поспешила на помощь. – Фиолетовые квакши опасны ранней весной, когда начинают поедать сильно ядовитых после зимней спячки пауков. Сейчас у нее в меню лишь травы.

– Ква! – не согласилась лягушка и, запрыгнув на стол, проглотила одно из пирожных.

На перекус ушла пара секунд, затем в один длинный прыжок квакша оказалась рядом с паникующим секретарем.

– Спасите!..

Оливер хохотал, Лил ему вторила. Герцог не отставал от детворы.

Когда несчастный секретарь соскочил со стола и бросился к перилам, я поспешила вмешаться.

– Стойте! Я ее сейчас поймаю!

Схватив серебряную крышку-колпак от блюда, я накрыла ею лягушку. Точнее попыталась... она выскочила прямо из ловушки.

– Проклятье Дис! – в сердцах помянула темную богиню, выругавшись.

Фиолетовая квакша – ловкое и хитрое создание. Чтобы собрать с ее кожи дорогой яд, зельевары днями ползают по болоту. Мне же, похоже, придется побегать. Фарфоровые черепки, будто подтверждая вывод, жалобно захрустели под каблуками.

Весело хохоча, герцог поспешил мне на помощь. Выходило у него плохо – его крючило от смеха.

Зато его родственницы поймали паникера, удержав от прыжка с террасы.

Перестав смеяться, Оливер влился в погоню за лягушкой. И удивительно, но он оказался самым ловким из нас: поймал фиолетовое земноводное голыми руками.

– Ква... – огорчилась плененная лягушка и задргала лапками, словно плывя в сторону бледного «поклонника».

– Кажется, она влюбилась в твоего секретаря, Кирайя, – с серьезным видом заметил чародей. – Пусть поцелует, вдруг это зачарованная дева?

– Патрик, может, возьмете себе питомца? – Девушка наивно хлопнула длинными ресницами. – Квакша от вас без ума.

– Помилуйте, леди Кирайя! – возмутился секретарь, нервно приглаживая выбившиеся из прически волосы. – Какой из этой гадости питомец?

Оливер, аккуратно прижимающий лягушку к груди, возмущенно выдал:

– Квакша – умное существо, не глупее собак и кошек! И полезное очень, на основе яда делается мазь для суставов. Да, мам?

– Да, сын, – вздохнула я, обзревая погром, в котором он был отчасти виноват.

– Оливер, какую судьбу ты уготовил квакше? – любопытствовал Аламейский.

– Ничего я ей не готовил, – удивился мальчик. – Показал маме – отнесу обратно на берег озера. У нее же там родня.

Чародей с одобряющей улыбкой кивнул:

– Хорошо. А потом сразу засядешь за книги – их уже принесли в твою комнату. Я подумал, что ты устал, и решил обождать с уроками. Но вижу, что ошибался: ты полон сил и сноровисто ловишь квакш.

– Я не устал! – Оливер приосанился. – Готов изучать новые заклинания.

За время поездки он безупречно освоил четыре, что говорило об энтузиазме ребенка и таланте преподавателя.

– Хорошо, начнешь с теории, – кивнул чародей.

А я добавила:

– Но прежде поможешь слугам убраться здесь!

Оливер тяжело вздохнул.

– Да, я же виноват в погроме...

– И я, – поддакнула Лил, становясь рядом с напарником по шалостям. – Мы вместе поможем слугам.

Объяснять детям, что их шалость в чужом доме неуместна и могла травмировать человека, я не стала. Они и сами все поняли. Вдобавок леди Сабина слишком заинтересованно слушала мою беседу с сыном.

– Значит, это правда, ты взял себе ученика, – с едва заметным обвинением в голосе произнесла она.

– Пора, – кивнул Аламейский.

Усмехнувшись, леди Сабина добавила:

– И ребенок, как я понимаю, универсал?

– Да, ты права, мама.

– Я рада, что ошибалась насчет госпожи Рутшер, – заявила женщина вынужденно. – Нам пора, Кирайя. Навестим леди Гройз.

Девушка, смущенно улыбнувшись, покачала головой.

– Нет. Я планировала отправиться к королеве Розалии. Алистер, вы не против меня подвезти? Нам ведь по пути.

Я видела, что чародей недоволен навязавшейся попутчицей, но почему-то при всей своей резкости он не отказал.

Глава двенадцатая, в которой Джемма не желает играть навязанную роль

Дворец Караиз я видела не раз, пока училась в университете, который находился неподалеку: два монументальных древних строения разделяла центральная площадь и великолепный парк с фонтанами, где любили гулять и аристократы, и простые граждане, особенно студенты-маги.

Вид на величественное огромное здание с колоннами вызвал вздох облегчения. Еще немного – и мы распрощаемся с Кирайей.

Не думала, что светская болтовня симпатичной мне девушки произведет настолько тягостное впечатление! Кирайя трещала обо всем на свете, не умолкая, как сорока. И этот стрекот испортил радость от поездки по улицам столицы. А может, виновато-хмурое лицо чародея? Или крысopodobный секретарь Патрик, который, поджав губы, бросал на меня осуждающие взгляды всю дорогу. Такое ощущение, что мой сын не просто напугал его, а как минимум совершил попытку убийства с помощью ядовитой жабы...

К слову, странный выбор: трусливый мужчина в сопровождении молодой привлекательной аристократки. Впрочем, Патрик мог быть неплохим боевым магом. А что боится лягушек, так есть ли люди, лишённые страхов?

Экипаж проехал на территорию дворцового парка, миновав несколько постов. Нас тщательно проверили, несмотря на присутствие герцога, героя войны.

– Госпожа Рутшер, нас уже ждут, – заявил Аламейский, молча подставляя свой локоть в качестве опоры. – Кирайя, хорошего дня!

Чародей несся вперед. Я не отставала, тем более он бы не позволил – шел, как корабль на всех парусах. И вскоре мы оторвались от чинно вышагивавшей Кирайи и ее секретаря.

– Мы тоже во дворец?

– Управление безопасности королевства находится на нижних этажах, – просветил Аламейский.

– Разве мы направляемся не в Управление по делам магов и чародеев?

Инспектором именно этой организации числился герцог Аламейский.

– Это одно и то же, – уклончиво ответил чародей.

– Лорд Аламейский! – окрикнул моего спутника пожилой брюнет в темно-синем мундире с генеральскими знаками отличия.

Чувствовалось, что останавливаться герцогу не хотелось, но пришлось.

– Лорд Аламейский, вы уже видели его величество? Слухи не врут?

– Простите, Джемма, это не займет много времени, – тихо обронил чародей, выпуская мою руку из захвата.

Генерал прошелся по мне пытливым взглядом, будто я могла оказаться шпионом Орбирии, и создал щит от прослушивания.

Я демонстративно отвернулась и принялась рассматривать королевский парк. За ограду я еще ни разу не попадала, было на что посмотреть. Гигантские кусты алых и белых роз, столетние липайры и вдалеке – дубы.

Я недолго наслаждалась видами – со мной поравнялась недавняя попутчица со своим сопровождающим.

– Старый маразматик, помешанный на безопасности, опять взял Алистера в оборот, – усмехнулась Кирайя. – Не стойте здесь, как неприкаянная душа.

Она легко увлекла меня за собой, беззаботно размахивая сумочкой.

Я обернулась. Патрик, сунув зонт под мышку, следовал за нами, выдерживая расстояние шагов в шесть. Но не он меня интересовал.

Неужели что-то случилось, раз Аламейского остановили посреди парка? Чародей выглядел встревоженным – не просто так его поймал генерал.

– Джемма, я так рада нашему знакомству! Вы чудесная и очень мне нравитесь.

Восторженное вступление насторожило, пожалуй, даже испугало. Прекрасным ароматом приманивает плотоядный цветок, чтобы сожрать увлеченную мушку.

– Благодарю за добрые слова, – сдержанно отозвалась я.

Будто колеблясь, Кирайя некоторое время молчала с загадочной улыбкой, затем решительно заявила:

– Знаете, Джемма, а я не против вашей кандидатуры.

Я никак не ответила на странную реплику.

– Я современная женщина, понимаю, что мужчина не может обойтись в нашем обществе без любовницы. Я рада, что ею будете вы. Мой жених сделал правильный выбор.

Словно невидимая рука обхватила и крепко стиснула мое горло.

Я буду любовницей?.. Ее жених?..

Догадка, будто дубинка горного великана, ошарашила, сбила с ног. Пусть фигурально, но я едва переставляла ослабевшие ноги. И не хотела верить в услышанное. И не верила!

– Наша с Алистером свадьба запланирована на конец осени, – преспокойно рассказывала Кирайя. – Подождите хотя бы до зимнего равноденствия, и сможете выезжать с ним в свет, я возражать не буду. Надеюсь, к тому моменту я уже буду в положении и смогу уехать в загородное поместье. Хоть прекрасно понимаю, что Алистеру нужен наследник, я безумно хочу девочку! А вы кого хотели, Джемма? Сына или дочь? Вы хорошо справляетесь с мальчишкой, я так не сумею.

Кирайя говорила и говорила. Дружелюбно, открыто, с неприкрытым сочувствием и безграничной доверчивостью. Словно мы знакомы много лет, словно мы лучшие подруги, а то и родственницы...

Мне же не хватало воздуха.

Она говорила что-то еще. Я не слушала, поглощенная своими ощущениями. Нечто прекрасное, безумно хрупкое рушилось прямо сейчас, рассыпалось после откровения аристократки с милой улыбкой. Моя надежда на счастье оказалась стеклянной безделушкой.

Я пережила войну с демонами. Работала в лазаретах едва ли не до самого рождения Оливера. Я дважды попадала в зоны, где происходил прорыв. И выживала, когда гибли боевые маги. Два года я держалась на плаву с маленьким чародеем на руках, зная, что за моей спиной никто не стоит, никто не поможет подняться, если споткнусь. Я выплатила долги покойного мужа, делала артефакты без лицензии, когда не хватало денег. Рискуя жизнью, вырвала Лил из лап бандитов...

Пережив все это, неужели я поддамся минутному огорчению из-за обмана понравившегося мужчины?

Нет! И не подумаю.

Облегчение накатило освежающей волной.

Улыбнувшись, я перебила болтливую леди:

– Вы ошибаетесь, Кирайя. Я не любовница герцога и не собираюсь ею становиться.

– Но как же?.. – Она выглядела растерянной. – Вы так смотрели на Алистера, а он на вас...

– Вам показалось, – твердо произнесла я. – Лорд Аламейский – наставник моего сына, взамен я буду помогать в его работе.

Хорошенькое лицо блондинки некрасиво искривилось.

– Жаль... Простите, что перепутала. Я так обрадовалась, что мне не придется одной выдерживать аппетиты будущего мужа...

От подобного заявления у меня глаз задергался.

Это она к чему сказала? Или герцог любит нечто эдакое, что страшит среднестатистическую женщину, или же у Кирайи есть интимные проблемы, предположительно, пережитое насилие, раз ее пугают супружеские отношения.

Первый вариант маловероятен – я помнила слова старшей дочери госпожи Грэхем о том, что в постель Аламейского очередь, да и сама почти убедилась, что он щедрый на нежность любовник. Значит, дело в Кирайе.

Кажется, у его чародейства будут серьезные проблемы в семейной спальне...

Ну и поделом обманщику!

– Простите, что неправильно все поняла, – смущенно произнесла Кирайя. – Хорошего дня, Джемма. Патрик, мы спешим!

Леди хотела оставить меня одну на дорожке, свернув в ближайшую аллею, но не вышло. Нас догнали чародей с генералом.

Последний схватил блондинку за руку и строго спросил:

– Кирайя, почему ты здесь? У тебя выходной, который ты обещала провести вместе с матерью!

– Ах, оставьте меня, отец! – Кирайя капризно надула губы и передернула плечами. – Если вызывает королева, выходных нет.

– Ее величество не стала бы дергать тебя без веской причины. Что опять ты натворила, дочь?

Так он отец Кирайи? И его она назвала старым маразматиком? Очень почтительно, дочерняя любовь во всей красе...

– Ничего, отец!

Невеста Аламейского вырвалась из захвата и поспешила прочь. Ее отец и секретарь устремились за ней.

Что это было? Отчаянно прогоняя раздражение и горечь разочарования, я проводила девушку взглядом, пока она не скрылась среди кустов белых и алых роз.

– Кирайя тебя чем-то расстроила?

Я заранее не продумала тактику поведения после услышанных откровений и прямо сейчас решила ничего не менять. Аламейский заслуживает хорошего, приветливого отношения. И ничего больше.

– А должна была? Не переживайте, ваше чародейство, у вас приятная невеста, она умеет находить друзей.

На скулах герцога заиграли желваки.

– Понятно, – сухо обронил он одно слово.

И преспокойно продолжил наш путь.

Ничего ему не понятно! Разве он представляет, как мне сейчас больно и противно?..

Он не говорил, что несвободен. Не предупреждал, что у него есть невеста. Разве я бы посмотрела в его сторону, зная, что вскоре он поведет в храм Гармонии другую? Нет, нет и еще раз нет!

Хватит. Один раз я узнала, что такое воровать чужое счастье, красть любовь чужого жениха. Больше не хочу! В отличие от Алистера, Велдон не скрывал, что у него есть невеста, это я себе надумала всякого. За что и расплатилась сполна.

А герцог... Он не предупредил, что связан словом, данным другой. Вывод один: как и думала Кирайя, он искал себе любовницу. И моя кандидатура ему подошла. Вдова с ребенком, которому он станет наставником. Куда я денусь, правильно?

От подобных размышлений на душе стало гадко. И это плохо. Я ни в чем не виновата, это чародей молчал. Вот пусть теперь и думает, что хочет! Я свой выбор уже сделала. И он не в его пользу. Между нами деловые отношения, никаких лишних чувств.

Мы вошли во дворец через один из непримечательных входов, который охранялся не хуже, чем парадный. Пройдя несколько проверок, в том числе и сканирование артефактом из церигия, я получила временный допуск – овалный медальон из серебра. Бегло осмотрев его, бросила в ридикюль – и удостоилась неодобрительного взгляда герцога.

Чего это он? Возмущен моей небрежностью? Или мне показалось? Похоже, я уже вижу то, чего на самом деле нет, подсознательно ожидая хоть каких-то объяснений.

Но нет, Аламейский, пока шли по дорожкам парка, вел себя так, словно ничего постыдного не произошло. Приложив усилия, я смогла соответствовать, хоть ужасно хотелось высказаться, глядя ему в глаза.

Да, я поняла, что не откажу себе в удовольствии и выскажусь, но позже. Сейчас это пока невозможно: постоянно встречались подчиненные и знакомые герцога. Здоровались, поздравляли с возвращением и удачным выполнением задания, о чем-то еще говорили, поглядывая на меня с откровенным интересом. Герцог делал вид, что не замечает, – попирая правила этикета, ни с кем меня не знакомил, никому не представлял.

Остановившись возле усиленной магией стальной двери, Аламейский коротко объяснил:

– Здесь происходит сортировка добытых артефактов, предположительно древних. Сегодня на границе нам удалось перехватить партию. Мы давно подозревали, что в Орбирию уходит значительная часть оставшихся в стране древних артефактов. Для нас это катастрофа, ведь нынешние маги подобные делать не умеют.

– И кто в этом виноват? – вырвался у меня язвительный вопрос.

Чародей недовольно поморщился.

– Я прекрасно помню причину, по которой исчезли умельцы, искусно работающие с церигием.

Официальная версия – да, известна. А правда – нет, ведь он не имеет ни малейшего отношения к верхушке гильдии артефакторов.

– Сейчас важно разобраться с контрабандистами, понять, как часто и давно они обворовывают королевство в пользу вампиров.

– Почему сразу контрабандисты виноваты? В стране могут действовать шпионы орбирийцев, – резонно заметила я.

– Такое ощущение, что ты защищаешь контрабандистов. Есть среди них знакомые? – пошутил герцог.

Я пожала плечами. Где только у меня знакомых нет...

– Вернемся к насущным проблемам. Специалисты просматривают свежий «улов» и отбирают подлинники, отсеивая современные подделки. Сегодня их слишком много, и нужно спешить. Я очень рассчитываю на твои способности.

– Постараюсь не подвести, ваше чародейство.

Официальное обращение герцогу не понравилось – сейчас мы были наедине, можно обратиться по имени, но я не захотела. Лучше держать дистанцию... Для меня точно лучше.

Входя в длинный кабинет, заставленный черными столами, шкафами с книгами и инструментами, я почти не испытывала волнения. Подумаешь, королевские артефакторы, в моем роду были создатели древних амулетов!

Именно мой предок инициировал отказ создавать артефакты особой силы, после того как король Гейрих Седьмой уморил непосильными заказами треть гильдии. Когда правящая династия сменилась и к власти пришел более вменяемый монарх, мастера все равно решили не рисковать и не возвращаться к старым техникам.

Сейчас же знания потеряны, как и особые способности, которые за ненадобностью никто не развивал много поколений. Вот так из-за жадности и жестокости одного человека исчез целый пласт знаний...

Я бегло прошлась по лицам присутствующих. Знакомых, вхожих в дом деда, не вижу. Хорошо, ни настоящих мастеров, ни их родственников здесь нет, узнавание мне не грозит.

Я расслабилась и улыбнулась собравшимся мужчинам.

Странно, тут ни одной женщины, а ведь среди выпускниц, как рассказывал дед, встречаются поистине талантливые изобретательницы. Хоть у большинства направленность узкая, мирная, но мастерицы не помешали бы на сортировке. Так почему здесь только мужчины? Предубеждение? Недосмотр? Надеюсь, второе.

На нестройные, но горячие приветствия Аламейский ответил нетерпеливым взмахом руки.

– Это госпожа Рутшер. Прошу оказывать ей всяческую помощь, пока она будет проверять контрабандные артефакты.

На лицах сидящих за столами магов отразилось недоумение и снисхождение.

Меня осмотрели от бежевых туфель и темно-синего платья до немагических шпилек в небрежном пучке на затылке – и нашли несерьезной. Еще бы, от первоклассного артефактора должно фонить мощной магией, излучаемой его изобретениями, которые нужно носить на себе. Живая витрина со своими работами, ага.

– Здравствуйте, – улыбнулась я скромно. – Какой стол я могу занять?

Если бы не Аламейский, стоящий за спиной, сомневаюсь, что услышала бы ответ – подавляющее большинство торопливо склонилось над своими объектами исследования. Какие же все озабоченные, деловитые!..

Я подавила улыбку. Чужаков нигде не любят, особенно когда тех приводят в качестве специалистов со стороны.

Ближайший маг нехотя указал на соседний стол. Стул мне придвинул сам Аламейский, молчаливой тенью находящийся рядом.

Первый ящик с грохотом поставили на черный, впитывающий зловредные чары стол.

Итак, что тут у нас? Кончики пальцев зудели от предвкушения.

А не подразнить ли мне гусей?

Я придвинула ящик ближе, всей кожей ощущая стусившееся напряжение в комнате. За мной следило столько самодовольных мужиков, точнее мудрых мужей, ждущих, когда я совершу ошибку... Даже жаль их разочаровывать!

Усмехнувшись, поинтересовалась лениво:

– Перчатки из кожи вайвры и щипцы мне не предложат? Нужно было нести свои?

Кто-то разочарованно выдохнул.

Гады азартно ждали, что я полезу голыми руками, показывая, какой я «специалист». Тогда меня бы выгнали, руководствуясь первым пунктом инструкции по безопасности.

Грустно, но были случаи, когда молодые мастерицы не получали работу из-за того, что постеснялись попросить необходимые приспособления.

Мне принесли перчатки из шкуры болотной нечисти, которую из-за амагичности можно уничтожить лишь сталью.

Вооружившись щипцами, я открыла крышку и... пропала. Я задыхнулась от восторга: сверху лежал древний кинжал из церигия, которым можно было разрезать едва ли не любую защиту на объекте. Наемные убийцы и воры продали бы душу Дис за такую штуковину!

Осмотрев кинжал и отметив, что он полон сил и еще долго послужит своему хозяину, я положила его справа от ящика.

Следующий артефакт почти умер – его использовали без передышки, фактически ломая его энергоструктуру и сокращая время работы. Кольцо юности. Это кто же считал себя настолько старым, чтобы круглосуточно не снимать украшение?..

Вздыхнув, я отложила его справа, но чуть дальше, чем кинжал.

Третий предмет меня не порадовал. Подделка. Грубая, неумелая, зато на основе выдохшегося подлинника.

Работы древнего мастера отличаются тем, что, помимо силы и долгого срока эксплуатации, они безопасны. Сейчас же некоторые современные артефакты могли даже взорваться, если владелец не рассчитал мощность.

Я увлеклась и не заметила, как в ящике ничего не осталось. Собрать удалось четыре неровные кучки: справа – рабочие и выдохшиеся подлинники, слева – откровенные реплики плохого качества и подделки на основе остатков древних артефактов. Кто же этот умник, который решил обогатиться таким хитрым способом? Найти бы его и надавать по шее!

Уже открыла рот, чтобы позвать герцога и отчитаться по своему первому делу, как поняла, что это не требуется.

Он стоял за моей спиной и играл выбившимся из моей прически локоном... Я застыла в шоке, глядя на безобразие, отражающееся, как в зеркале, на черной столешнице.

Тонкие пальцы вертели волнистую прядь, а я ничего не чувствовала – так аккуратно он меня трогал.

Зато все это видели другие.

Щеки обожгло жаром стыда. Давненько я не ощущала подобной растерянности...

Ладно, ваше чародейство, я вам еще припомню эту неловкость! А пока буду делать вид, что ничего не заметила.

Угостившись заклинанием успокоения, я кашлянула, привлекая внимание беззаботного герцога.

– Я готова рассказать, что находится в первом ящике.

Послышался пренебрежительный смешок – кому-то из специалистов весело.

Я и сама себе тихонько развлекалась, ожидая дальнейшей реакции.

За подобную показуху мне досталось бы от деда, который считал неприемлемым выставлять особые умения артефакторов. Настоящему мастеру самохвальство ни к чему, громче всего о себе кричат бездарности. Но при этом не стоит скромничать – что-то в этом есть от гордыни. Слава опасна, если она может навредить, в другое время нет смысла от нее отказываться, особенно когда она способствует осуществлению мечты.

Я очень хотела, чтобы у моего сына все было хорошо, даже если ради этого придется открыться с той стороны, которую отрицала многие годы. Я целитель, но если это поможет, для Аламейского буду специалистом по артефактам.

– Прошу, госпожа Рутшер, вам слово.

У слов герцога поистине волшебный эффект – помещение будто куполом тишины накрыло.

– Перстень в виде змеи, кусающей себя за хвост, пустышка, закачанная силой. Максимум шесть применений, и он превратится в громоздкое украшение из церигия.

Мое заявление никто не оспорил, и я отложила первый предмет в сторону.

Как и думала, мне подсунули ящик с классифицированными артефактами, что логично. А иначе как понять в кратчайшие сроки, что я говорю правду?

– Еще одно кольцо – подлинник. Одаривает носителя юностью. Не временный флер свежести, а настоящая защита красоты от увядания, вот только он почти пуст.

Скепсиса на лицах больше нет, легкое удивление.

Краем глаза я заметила, что прислонившийся к стене Аламейский тонко улыбается, наслаждаясь растерянностью своих специалистов.

Глядя на меня сквозь магический монокль, самый солидный по возрасту артефактор с седыми усами многозначительно поинтересовался:

– Насчет срока действия вы уверены? Это же подлинник!

Я кивнула:

– Едва ли он протянет год, а это для зрелой, озабоченной своей внешностью женщины суший пустяк.

– Точные сроки назвать можете? Забавненько. – Седоусый маг протянул последнее слово с ехидцей. Все еще не верил, не убедила. –

Продолжайте, госпожа, прошу вас.

Я воспользовалась предоставленной любезностью.

– Веер, чей станок и пластины изготовлены из церигия и перламутра, все еще мощный подлинник, но особой ценности для государства не представляет.

Отложить изящную дамскую штучку я не успела – раздался поистине истеричный вопль:

– Позвольте! Как это не представляет? – Щуплый блондин с невзрачным лицом вскочил со своего места, нервно сжимая в руках артефакторские щипцы. – Это же замаскированное оружие! Я три дня расшифровывал надпись на ручке, чтобы определить это! Он мгновенно выводит противника из строя!

Три дня? Понятно, почему мое заявление его задело. Моя скорость обесценила его усилия.

Артефакт же горячо нашептывал, что создан для забавы и никогда не причинял неприятностей.

– Настаиваю на том, что вещица пригодна лишь для девичьих шалостей. Во времена, когда ценились тонкие нежные натуры, в обморок красиво и правдоподобно упасть получалось не у всех. Кто-то и заказал мастеру этот веер.

Рассказывая, с артефактом в руках я подошла к не верящему в мои выводы магу.

– Веер действует только на хрупких девушек, позволяя им падать в обморок на несколько секунд в любой миг, когда они пожелают. Здорового мужчину вырубить он не может. Вы же позволите продемонстрировать?

Не дожидаясь ответа, я шлепнула блондина сложенным веером по плечу.

Закатив глаза, он осел на свой стул.

– Ой...

В полной тишине Аламейский неприлично громко захохотал.

Растерявшись, я повернулась к нему.

– Я не могла ошибиться!

В азарте стукнула веером смеющегося герцога и... И ничего не произошло, как и обещал артефакт!

– Вот видите! На мужчин не действует...

Я прикусила язык, уже произнеся то, что не следовало говорить. Зажмурилась, ощущая себя полной душой.

Блондинистый артефактор, точнее мастерица артефактов, расстроено простонала, выпрямляясь на стуле. Как я и говорила, обморок длился несколько секунд.

– Айвен, вы женщина? – удивился седоусый артефактор, первым поняв, что означал обморок коллеги. – Забавненько...

– Я все объясню, господин Гробкин!

– Уж постарайтесь, Айвен, – недовольно дернул седым усом старший артефактор.

Девушка, которую я нечаянно, одним мановением руки выдала, побледнела еще больше и исподлобья взглянула на герцога.

– Я уволена?

Чародей удивленно вскинул брови.

– Отчего же? Вы отлично работаете, зря господин Гробкин отказывался принимать мастериц.

Седоусый поджал губы, но промолчал.

– К тому же, госпожа Айвен, я имел удовольствие наблюдать ваш спектакль почти полгода и все гадал, когда же вы выкажете себя, даже поспорил с начальником безопасности. И выиграл.

Аламейский бросил на меня довольный взгляд.

– Госпожа Рутшер, умеете вы производить эффект.

Это порицание или комплимент?

Вздохнув, я попросила мастерицу Айвен:

– Простите, что нечаянно выдала вас. Не желала этого.

– Я не принимаю ваших извинений – они ни к чему. Наоборот, признательна, что пришлось сбросить маску. – Все еще бледная, девушка слабо улыбнулась и сняла тонкое кольцо.

Черты ее лица смягчились, губы стали полнее, изящно округлились щеки и укоротился острый нос. Вроде бы незначительные изменения, а сразу стало ясно, что в мужском летнем костюме – молоденькая магичка. Смущенная и в то же время с вызовом глядящая на коллег.

– Господин Гробкин, у вас есть нарекания к работе мастера Айвена? – строго поинтересовался герцог.

Зачарованный преображением, старший артефактор покачал головой:

– Нет, Айвен – исполнительный, талантливый сотрудник.

– Хорошо, теперь будете принимать на работу и мастериц, раз ваше убеждение, что женщины работают хуже, не подтвердилось.

Седоусый встрепенулся, да поздно было: Аламейский уже потерял интерес к набору сотрудников.

И я скромно поинтересовалась:

– Можно продолжать? Или экзамен перенесем на другое время и я начну просматривать другие ящики?

– Впечатляющая демонстрация, достаточно, – кивнул Аламейский. – Просто уточните, почему разделили артефакты на четыре группы, и приступайте к неклассифицированным предметам.

Я кивнула и коротко объяснила принцип своего разделения. Затем началась настоящая работа: я просматривала артефакты, до которых не дошли специалисты герцога. Вносить данные в списки и нумеровать предметы мне помогали без смешков и въедливых уточнений. Если не приняли, то хотя бы поверили в мои возможности.

Глава тринадцатая, в которой раскрывается особый секрет герцога

Когда я завершила работать с последним ящиком, слуга в темно-зеленой ливрее сообщил, что король желает видеть его светлость. Чародей бросил на меня быстрый довольный взгляд и неожиданно повелел идти с ним.

Я увижу короля? Нет, скорее всего, я подожду под дверью, пока они будут разговаривать.

Лифт, затем потайной переход, который, как объяснил зачем-то чародей, сократил путь в два раза, и вот мы неподалеку от рабочего кабинета короля. Это я тоже узнала от Аламейского.

Неужели он нервничает? Иначе с чего вдруг на него накатила словоохотливость? Поневоле я и сама задержалась, а когда его окликнули, чуть не подпрыгнула.

– Ваша светлость! Вам срочное послание. Просили передать: здесь именно то, что вы давно ищете.

Запыхавшийся слуга вручил небольшую коробку.

Тонкие пальцы боевого чародея дрогнули, когда коснулись грубой бумаги. Похоже, это в самом деле невероятная вещь, раз он обо всем забыл.

«А вот и наша цель...»

Шепот древнего артефакта – как порыв ледяного ветра.

– Нет!

Крикнув, я попыталась выбить коробку из рук Аламейского. Он увернулся, накрывая себя и опасный предмет непробиваемым щитом.

Бахнуло.

Дворец содрогнулся. Под мерцающим куполом бушевало алое пламя. И в нем горел чародей.

– Алистер!..

Я пыталась проломить щит, чтобы помочь. Тщетные усилия.

Оперативно появившиеся боевые маги в форме оттеснили меня в сторону.

Щит развеялся, как и огонь. От одежды герцога остались обгоревшие, дымящиеся лохмотья. Покрытый копотью и местами

волдырями, он твердо стоял на ногах. И даже отдавал приказания.

Только я ничего не слышала... Суета по поиску слуги, который передал злосчастный пакет, проходила мимо моего восприятия. Я смотрела на обгоревшего местами мужчину и чувствовала, как заполошно бьется в груди мое сердце.

Он чуть не умер... Алистер мог умереть! Горящие азартом чернильно-синие глаза едва не закрылись навсегда. Энергичный, резкий, ироничный мужчина мог погибнуть. Малейшая ошибка с его стороны – и он лежал бы на полу бездыханный...

– Целителя герцогу!

Я отмерла и бросилась к пострадавшему.

– Джемма, я в порядке, всего лишь парочка волдырей, – пытался отмахнуться он. – Мне нужно поймать курьера.

Я вцепилась в кусок рукава, свисающий с запястья, Алистер поморщился.

– Справятся без вас! Если к ранам пристанет одежда, будет больно ее отрывать.

– Ал, целительница права, – поддержал меня смуглый, смутно знакомый блондин в голубом строгом костюме. – Или думаешь, без тебя не найдем курьера? Лечись!

– Как скажешь, Эл, – сквозь зубы произнес бледный чародей.

Хорошо, что к словам блондина он прислушался и последовал в ближайшие свободные покои. Туда с невероятной скоростью доставили все необходимое для лечения.

Когда мы остались одни, я поняла, почему блондин показался знакомым. Это был король Элгеус. Да-да. Я не узнала собственного монарха.

В другое время испугалась бы, но сейчас не до того.

Обезболив, помогла Алистеру раздеться. Полностью.

– Герцог копченый в собственном соку, – пытался хохмить пациент, когда я осторожно убирала клочки роскошной некогда рубашки и накладывала мазь от волдырей.

Несколько минут – и чудо-средство в сочетании с заклинаниями уберет последствия встречи с разрушительным артефактом. Повезло, невероятно повезло!

– Повернитесь спиной, мне нужно обработать и там раны.

– Может, я сначала отмоюсь от сажи? – попытался сбежать Алистер. – Ненавижу запах горелых волос.

Но я была неумолима.

– Нет, сначала мазь, потом водные процедуры и еще одно средство – и все пройдет.

– Так уж и все, – проворчал он, поворачиваясь тылом. – Даже самая лучшая мазь не лечит разбитые сердца.

Хотелось спросить, к чему он это сказал. Это ведь не намек на наши неудачные отношения? Ну и глупости лезут в голову... Какие там отношения...

– Как во дворец пронесли опасный артефакт? Разве посыльных не проверяют на входе?

– Проверяют. Похоже, артефакт был из церигия, их вычислить сложнее. Мне интересней, как ты поняла, что это такое? И почему оно не сработало в руках стражников и слуг?

Набирая новую порцию мази указательным пальцем, я пожала плечами. Потом, сообразив, что герцог меня сейчас не видит, ответила коротко:

– Я услышала шепот артефакта.

– И что он нашептал?

– «Наша цель».

– Вот и ответ, почему он не загорелся в руках слуг. Был настроен на меня.

– Ваше чародейство, ведь это третья попытка, о которой я знаю. Стрелок на крыше в провинциальном городишке, нападение наемников на понтон, теперь и редчайший артефакт. Кто желает вам смерти?

Задавая вопрос, я машинально продолжала водить пальцем по мужской спине, хоть надобность в этом отпала – все свежие ранки затянулись. Похоже, мне нравилась широкая спина Алистера...

В очередной раз натолкнувшись кончиком пальца на шрам, оставленный демоном, я вдруг прозрела.

Шрамы – не просто шрамы. Линии не хаотичны.

Это же кривые буквы древнего языка!..

– Я гарант бесперебойного действия «Запирателя миров», он завязан на мою кровь. Пока я жив, демоны не могут проникнуть в наш мир. Есть те, кого подобный расклад не устраивает.

– Орбирийцы, – прошептала я отстраненно, продолжая пялиться на старые шрамы чародея.

Услышанное про «Запиратель» не шокировало, оно незначительно в сравнении с моим открытием.

– Да, все указывает на то, что именно вампирам невыгоден расцвет королевства.

Осторожно ведя по бугристым шрамам, изувечившим кожу на лопатках и вдоль позвоночника, я составляла из корявых букв слова древнего языка и переводила на современный.

– «До смерти... раб».

Мой шепот мужчина услышал – спина закаменела.

– Поразительно, сколько у тебя талантов, даже древний язык знаешь, – отстраненно произнес Алистер и обернулся.

Я молчала, не зная, что сказать. Да и какие слова уместны, когда случайно открываешь чужую тайну? Клятвы тут излишни – молчание подразумевает элементарная порядочность.

– Эти шрамы я получил, когда попал в плен к военачальнику демонов. Ему показалось забавным сделать раба из человеческого мага. Не сумев выбить из меня клятву верной службы, он оставил зримое клеймо.

Аламейский рассказывал без эмоций, и мое сердце болело как никогда.

– Сомневаюсь, что тогда мне удалось бы уничтожить высшего демона в одиночку. Когда решил, что все потеряно, другой пленник напал на нашего общего мучителя, и я не упустил момент. Покончив с военачальником, я попробовал одним махом завершить войну: провел ритуал закрытия мира от вторжения. Готовился умереть – и почему-то выжил. Вдобавок у меня открылся еще один дар, сделавший универсалом.

Ого! Значит, универсалом он не родился, стал после серьезного потрясения? Существовала теория, что подобное возможно, когда чародей на грани выгорания – открывается второе «магическое дыхание»...

Пока вспоминала исследования теоретиков, Алистер продолжал рассказ:

– Оставшиеся в нашем мире демоны были уничтожены, кроме одного. Демона, который помог мне.

Меня осенило:

– Так Хельц – демон?! Он же опасен!

– Он пришел в наш мир не убивать людей, а найти украденное дитя повелителя демонов. И угодил в ловушку, не подозревая, что в числе похитителей был и военачальник. Хельц не может вернуться домой, пока не найдет ребенка.

– Малыш жив?

– Хельц, как телохранитель, чувствует это. Повелитель демонов до сих пор уверен, что дитя похитили человеческие маги и спрятали на территории Церестана.

– Но ведь это не так? Очередные происки вампиров?

– Хельц уверен, что второй по силе род пытался свергнуть повелителя, ослабив войной с нашим миром. А ребенок спрятан на территории вампиров, которым выгодна война в королевстве.

Я все еще помнила смутные времена, нехорошие слухи, которые ходили о наследном принце Элгеусе. Если бы Алистеру не удалось создать «Запиратель миров» и война с демонами продолжилась, могли начаться народные волнения по всей стране. А там и до захвата власти соседями рукой подать.

Алистер коснулся рубца, пересекающего скулу, и тихо признался:

– Мне плевать на шрамы на лице, но я не хочу носить позорное слово на спине. Раньше у меня была только эта цель, и, чтобы получить древний артефакт исцеления и свести метку, я был готов на все. Даже жениться на своей троюродной кузине, чтобы получить главный артефакт ее рода.

Я слушала, затаив дыхание. Откровения Алистера волновали, многое объясняя и пробуждая смутную тревогу. Один из самых сильных чародеев Церестана носит на себе слово «раб», оставленное врагом, которого он победил... Я могу понять, почему это так важно. Память о самом черном дне жизни причиняет боль.

– Сейчас у меня появилась новая цель, и я на распутье. Впервые не знаю, как поступить.

Мне бы поинтересоваться, что это за цель, но я не решилась, спросила совсем о другом:

– Будущий тесть настолько недоверчив, что отдаст артефакт лишь после свадьбы?

– Сразу после заключения договора особняк семьи Вирьен ограбили, похитив также и обещанный мне артефакт.

– Странно...

– Не то слово. Поэтому, если я найду его раньше будущего тестя, свадьбы с Кирайей не будет.

– Неожиданно, – вновь ограничилась одним словом я.

Чародей взглянул косо, как будто сомневался, что я серьезна.

– Изначально помолвка заключалась, чтобы кузина выглядела привлекательней на брачном рынке. Кирайя уже разрывала ее много лет назад, я в своем праве. Да и нет между нами чувства, это родители в итоге решили, что мы подходим друг другу.

Я усмехнулась, вспомнив «щедрое» предложение невесты.

– Вы уверены? Кирайя, как мне кажется, по-настоящему жаждет стать герцогиней Аламейской, иначе не пыталась бы повлиять на меня сегодня.

Чародей вопросительно изогнул рассеченную шрамом бровь.

– Кирайя заявила, что не против пустить меня в вашу супружескую спальню. Главное, соблюдать хотя бы минимум правил приличия.

Теперь я и сама видела, что ее дружелюбие и обещания – хитрая манипуляция, попытка оттолкнуть, вызвать гнев на Алистера.

Чародей покачал головой, будто не веря.

– Кирайя – еще та выдумщица, школу придворного коварства закончила на отлично... Я никогда не оскорбил бы тебя подобным предложением. Веришь, Джемма?

Мужские ладони мягко обхватили мое лицо. Чернильно-синие глаза, казалось, смотрели прямо в душу.

– Да, верю...

Я удивилась, услышав свои же слова. Хриплые, полные надежды. А ведь хотела промолчать... Но как это сделать, когда теплые пальцы нежно поглаживают уголки губ?

Лицо чародея так близко... Горячее дыхание уже обжигало скулу. Он не спешил, давая возможность сбежать. Только куда деться от самой себя?

Еще немного, совсем чуть-чуть – и губы Алистера коснутся моих. Сердце едва не выпрыгивало из груди в предвкушении поцелуя.

– Я же говорил, что с Алом все в порядке?

Хотелось застонать от разочарования и стукнуть вошедших. Но нападение на короля – государственная измена. И я почтительно склонила голову.

– Ваше величество...

Элгеус появился в компании своего камергера, целителя и портного с большим выбором летних костюмов. Первым нас покинул целитель.

– Исцеление почти завершено, мне нечего здесь делать, – с интересом меня рассматривая, сообщил он. – Примите мое искреннее восхищение оперативностью, госпожа Рутшер.

– Благодарю, – улыбнулась я, напряженно вспоминая, пересекались мы с ним когда-нибудь или нет.

Возможно, когда учились в университете?.. В одном из госпиталей? Не по себе, когда чье-то лицо кажется смутно знакомым, а вспомнить человека не можешь.

Следующим ушел портной – герцог, не глядя, ткнул в первый же наряд со стойки на колесиках. Камергер подровнял обгоревшие волосы герцога и, поклонившись, также нас оставил.

– Я быстро, – сообщил Алистер перед уходом в ванную комнату.

– Не спеши, Ал, мы не собираемся скучать в твое отсутствие, – многозначительно пообещал король.

Чародей еще задержался на пороге, будто ожидая, что я попрошу остаться. Я трусила, но не до такой же степени. И вскоре оказалась с его величеством один на один.

Он не спешил завязывать разговор, молча меня рассматривал. Не чуя за собой чересчур страшной вины, я все же боялась. Самый могущественный человек королевства сейчас решал мою судьбу – почему-то именно такая дикая мысль не отпускала. И вправду, разве рядовая целительница должна интересовать его величество?

– Алистер – мой друг, единственный человек, на которого я всецело полагаюсь и могу доверить благополучие семьи, страны и свою жизнь.

Слова короля изумляют необычностью. Серьезное признание. Страшное.

– Ему досталось в жизни больше, чем любому другому в моем окружении. Ранняя смерть отца, два отчима, с которыми Алистер не сумел найти общий язык, свершение подвига на благо Церестана,

прилипчивые родственники со стороны матери. – Его величество замолчал, давая мне возможность переварить услышанное.

И я ею воспользовалась, горячечно размышляя, к чему он ведет. А прилипчивые родственники, случайно, не семейство Кирайи?

– До недавнего времени Алистер был несчастлив в одержимости некой идеей, пока не встретил вас. Мне нравятся изменения, которые с ним происходят. Надеюсь, что Алистер наконец-то обретет счастье и этому никто не помешает.

И такой красноречивый взгляд в мою сторону, что я ошалела.

– Ваше величество, в жизни не все зависит от людей, есть и внешние факторы. Одно точно: я не планирую обижать герцога Аламейского.

Изумление стерло мрачно-серьезное выражение с лица короля.

– Не планируете обижать?.. – Он засмеялся. – Хорошо, теперь я спокоен.

Кажется, я поняла его слова превратно? И меня не подозревали во всех грехах? О, а что, если он завуалированно одобрял наши отношения?

В этот момент вернулся напряженный Алистер и занимательная беседа прервалась. Отметив мыльную пену на виске чародея, я ощутила, как сердце наполняет тепло. Он спешил привести себя в порядок и толком гарь не смыл, опасаясь неизвестно чего.

– Ал, я принес то, что ты просил. – Король забрал из оставленных камердинером вещей небольшой футляр, обитый черным бархатом. – Я не стану пытаться, почему их два. Меня волнует иное: почему у госпожи Рутшер статус магички, а не чародейки? Стихия Земли, целительство и поразительные способности в сфере артефакторики.

Я смущенно отозвалась:

– Простите, последнее проснулось уже после квалифицирующих тестов, да и дипломов у меня нет.

Дался мне статус чародейки! Одни проблемы с ним в моей ситуации.

– Меня не интересует прошлое, я спрашиваю о настоящем. Твой недосмотр, Ал.

– Исправлюсь, – кивнул герцог серьезно. – Чтобы получить диплом целителя, Джемме достаточно пройти комиссию.

Я же чуть не взвыла: не нужны мне проверки дара! Они совсем лишние в эти напряженные дни. Гораздо важнее занятия с Оливером.

К счастью, король кивнул и переключился на события сегодняшнего дня. После обсуждения неудачного покушения было принято решение устроить ревизию хранилища древних артефактов. И, разумеется, главным экспертом назначалась я. Королевские специалисты, сортируя, могли пропустить опасные предметы, настроенные на уничтожение герцога Аламейского.

Покинули дворец мы, наверное, только через час и к поместью подъехали в сумерках.

– Ты ведь не откажешься со мной поужинать? – поинтересовался Алистер в момент, когда я с его помощью выходила из экипажа.

Теплая рука надежно удерживала мою. Мужчина стоял так близко, что я отчетливо ощущала запах его терпкого парфюма. Будоражащий, призывный аромат... В этот момент я ощутила себя охмелевшей пчелой, учуявшей цветок, полный нектара и пыльцы. Герцог, конечно, скорее кактус с длинными иголками, но такой притягательный!

Не передать, скольких усилий мне стоило не отскочить подальше и ровно ответить:

– Разумеется, я составлю вам компанию, ваше чародейство.

Только сомневаюсь, что мы будем одни: сейчас не слишком поздно и Оливер с Лил выбегут нам навстречу и будут крутиться поблизости весь вечер. Что еще нужно для женщины, решившей подальше держаться от искушения?

– Я все еще не прощен, – будто в пустоту произнес Алистер подчеркнуто печально.

Я сделала вид, что не услышала.

Он же не выпускал мою руку даже под крышей особняка. Невыносимый мужчина, он совсем не собирался облегчать мне задачу держаться от него подальше!

– Добрый вечер! – встретил нас Картер и по-военному коротко отчитался: – Мой лорд, в ваше отсутствие в поместье ничего не произошло. Госпожа Рутшер, Оливер и Лил поужинали и уже спят.

Мои чаянья не оправдались: дети умаялись за день и ужин все же предстоял наедине.

К счастью, предвкушающее настроение герцогу испортили. Служанка, вытиравшая пыль в холле и замершая при появлении

хозяйина, внезапно звонко чихнула. Один раз, второй...

– Простите, мой лорд! – Покрасневшая девушка не плакала только потому, что мешал чих.

Я быстро окинула помещение взглядом. М-да, сразу четыре напольные вазы с алыми розами.

Аламейский же недовольно позвал управляющего:

– Картер, почему у вас люди не лечатся, а продолжают работать?!

– Простите, мой лорд, – лепетала девушка, – я не заразная...

А управляющий не мог понять, откуда возникла проблема.

– Мой лорд, но она не больна...

– Ваше чародейство, простите. – Я влезла в диалог. – Как целитель утверждаю: это аллергия на орбирийские розы. Ведь это первый год, когда они начали у вас цвести?

Насколько я помнила, колючие кустарники выглядели пышно, но молодо.

– Да, госпожа Рутшер, первый сезон, – ответил Картер. – Но ведь мы уже не раз ставили розы в доме.

– У растений может быть безопасный период цветения, когда пыльца еще не созрела, чтобы вызывать непереносимость. Или же требуется некоторое время, чтобы она накопилась в организме.

Пока никто не занимался серьезно изучением влияния орбирийских цветов на здоровье церестанцев. Какие-то наблюдения мои, какими-то поделились коллеги – Подгорск хоть и провинциальный город, а за модой следят и там, стараясь не отставать от столичных веяний. Неудивительно, что орбирийские розы появились в садах местных модников почти сразу, как и в Караизе.

Выслушав меня, а затем поинтересовавшись у Картера, сколько слуг чихает, Алистер легко принял решение:

– В вазы розы больше не ставить.

– Но ваша мать... она ведь обидится, – не сдержался управляющий.

– В дом орбирийские цветы больше не заносить, – с нажимом повторил герцог.

Картер поклонился.

– Разумеется, мой лорд.

На этом случай с розами был завершен. Точнее, я так думала.

Когда настало время чая с десертом, Алистер как бы невзначай осведомился:

– Джемма, о чем тебя спрашивал король?

– А что в футляре? – в свою очередь поинтересовалась я, отводя от лица непослушный локон, норовивший попасть в рот вместе с кусочком шоколадного пирожного. Порой вьющиеся, неукротимые волосы – сущий кошмар.

– Прости, что ты сказала? – Алистер как будто очнулся, отводя взгляд.

Он что, снова рассматривал мои волосы?

Открытие немного смутило. Я еще не поняла, как вести себя с ним после сегодняшних треволнений. Точнее, поняла одну очень важную вещь, когда Алистер горел под щитом. Он мне дорог. Невероятно дорог. И я не знаю, что с этим делать. Нас тянет друг к другу. И если я стараюсь удержаться в рамках рабочих отношений, то Алистер идет к определенной цели, форсируя события при каждом удобном случае, завоеывая территорию по кусочку.

Вдова-магичка может быть любовницей холостого чародея, но когда у него появляется жена... это не по мне. А еще есть Оливер, и я не хочу, чтобы его попрекали моей распущенностью. Сыновья не должны краснеть из-за своих матерей.

Боги, как же все сложно! За что мне эта дилемма? Не иначе, происки Дис, которая любит искушать людей, толкая их на неблагодетельные поступки.

– Джемма? – окликнул Алистер, хмурясь.

– Простите, задумалась. А интересовалась я содержимым футляра.

Герцог резко придвинул свой стул и оказался совсем рядом. До неприличия близко.

Достав плоский футляр из кармана брюк, помедлил немного и тихо произнес:

– Каждому юному универсалу полагается особый артефакт, который поможет наставнику отследить его состояние. И самое главное, по нему можно определить местонахождение подопечного. Мне ведь не придется тебе объяснять, что подобный артефакт необходим Оливеру?

Не только слухи ходили, даже в газетах писали, что одаренных детей иногда воровали и продавали в Орбирию. Взять ту же Лил – ее не вернули родителям после получения выкупа, планируя заработать еще денег.

– Нет, меня не нужно уговаривать, я все понимаю.

– Тогда и это ты поймешь правильно.

Щелкнул замочек футляра. Алистер достал браслет – тонкий золотой ободок с подвеской в виде символа «Щит».

– Я хочу, чтобы ты также носила артефакт.

– Зачем? – Пожелание чародея удивило. – Я ведь не универсал!

– Зато твои способности необычны и сейчас очень нужны стране.

Жаль, нельзя признаться, что есть и другие ученики старой школы артефакторов, лучше, чем я, недоучка. Оставалось принять браслет без споров и возражений.

– Хорошо, я согласна.

Чародей хмыкнул:

– Что-то вы, госпожа Рутшер, подозрительно покладисты этим вечером.

– Устала.

И это в какой-то степени правда.

– Тогда не буду мешать твоему отдыху, Джемма. – Чародей посерьезнел. – Если меня не вызовут во дворец, завтра утром съездим в пансион. У тебя ведь нет других планов?

Я встрепенулась. Он еще спрашивает?.. Это ведь пансион! То, ради чего мы здесь.

– Очень надеюсь, что поездка не сорвется.

– Я тоже. – Алистер протянул открытую ладонь. – Джемма, позволишь надеть его?

Охватило волнение, будто мне восемнадцать и предстоит вручить любимому человеку не только руку, но и сердце. Но вместо кольца – браслет, пускай и особенный.

Изящный ободок, обхватив мое запястье, золотисто засверкал. Алистер произнес слово-активатор на древнем языке – и браслет стал невидимым.

– Спасибо, ваше чародейство.

– Спасибо, что согласилась без уговоров. Завтра надену на Оливера такой же перед поездкой.

Всего лишь простой разговор, артефакт, выделенный из-за особенности работы, но близость к чародею лишала все это обыденности. Легкое дыхание мужчины шевелило прядь моих волос у щеки. Прикосновение твердой ладони, все еще лежащей на моей руке, будоражило кровь. Больше я не чувствовала себя умудренной жизнью женщиной, рядом с Алистером я становилась взволнованной девчонкой. Пугливой и... доверчивой.

И мне очень хотелось верить в чудо. Верить, что все проблемы решатся сами собой.

Я так хотела обмануться...

Алистер резко вышел из-за стола.

– Спокойной ночи, Джемма!

– Спокойной, ваше чародейство.

Он отпускал меня, даже не пытаясь разрушить между нами последнюю стену.

Я оценила и в то же время огорчилась. Не знаю, чего хочу, я в смятении. Впервые я не желаю принимать решения самостоятельно, но и перекинуть ответственность на плечи благородного мужчины нечестно.

Выходя из столовой, обернулась.

Алистер не сводил взгляда с ночного сада за окном. И вся его поза говорила о невероятном напряжении – ему так же нелегко, как и мне.

Глава четырнадцатая, в которой Джемма встречается с прошлым лицом к лицу

Настенные часы показывали половину десятого утра.

Я проспала.

Впервые за многие годы я не проснулась ни сама, ни по сигналу будильника, который и вовсе забыла активировать. И дело здесь не в банальной усталости. Я спокойно спала, понимая, что с моим одаренным ребенком ничего не случится, за ним присмотрят. Это сейчас у Оливера стихийные всплески магии редко, а раньше он едва не через день случайно обрушивал стены, устраивал небольшие землетрясения и провалы под ногами, так что повод спать вполглаза был.

Потянулась, наслаждаясь ощущениями, которые дарила удобная кровать и шелковое постельное белье.

– Госпожа Рутшер, доброе утро! Простите, это, кажется, я вас разбудила, – повинилась служанка с большим букетом полевых колокольчиков в руках. – Ваш сын попросил поставить цветочки в вазу, я думала, что сумею аккуратно зайти в спальню.

– Ничего страшного, давно пора вставать. Дети наверняка заскучали без меня.

Служанка с благоговейным восторгом сообщила:

– Его чародейство с раннего утра с ними. Дети катались на лошадях, потом завтракали, сейчас ушли на озеро.

Острое желание увидеть сына своими глазами, убедиться, что с ним все хорошо, я подавила. И все же постаралась поскорее привести себя в порядок и спуститься на первый этаж.

Узнав от улыбчивой поварихи Лэнии, что дети и в самом деле поели, притом с отменным аппетитом, я решила никуда не спешить и тоже позавтракать. По моим наблюдениям, Алистер умел обращаться с детьми и спасти его не требовалось.

– Мам! Мама, смотри, что мы поймали!

Радостный возглас сына заставил меня дернуться – еще не забылось, как он принес ядовитую квакшу.

В этот раз обошлось: Оливер прибежал хвастаться своим уловом – радужно переливающейся рыбиной. Длинной она была, как мое предплечье, даже не представляю, как маленький мальчик вытащил ее.

От души похвалив, предложила отдать улов Лэнии.

– А можно?! – Сын даже пританцовывал от восторга. – Нам ее приготовят?

– Разумеется, господин Рутшер, – старательно сдерживая добрую улыбку, пообещал Картер. – Моя жена обожает готовить рыбу.

На писк Оливера и Лил, которая тоже поймала пару рыбешек поменьше, прибежал едва ли не весь штат слуг.

Нужно было видеть, с какой гордостью детвора передавала Лэнии свою добычу и как радовалась, когда она пообещала запечь ее по особенному, старинному рецепту.

Почувствовав на себе взгляд, я обернулась.

Аламейский стоял в тени высокого цветка, прислонившись к стене. Пока я смотрела на Оливера, следил за мной. Выражение лица у чародея было таким, что у меня защемило сердце. Капелька грусти и безграничная нежность.

Герцог даже не представляет, что сделал для меня сегодня. Он не только научил Оливера удить рыбу, он дал почувствовать то, что необходимо всякому мальчишке, с даром и без. Отцовскую заботу и внимание.

Встретившись с Алистером взглядом, я прошептала одними губами: «Спасибо». Эмоции переполняли. Отследить реакцию не успела – Оливер подскочил ко мне и радостно воскликнул:

– Мам, а мы сейчас поедem в пансион?

Я взглянула на чародея – он кивнул.

– Да, иди собирайся. Лил, ты тоже, если хочешь посмотреть столицу.

Предложение застало девушку врасплох. Смущенно улыбнувшись, она покачала головой:

– Я бы хотела остаться и научиться готовить чудо-рыбу.

Опять готовка... Пристрастие к кулинарии у будущей студентки магической академии мне не нравилось – для бытового факультета у Лил слишком силен воздушный дар. Губить его грешно, и я не допущу, чтобы она совершила ошибку при выборе будущей профессии...

Ох, что я творю? Внезапное озарение охладило мое негодование. Я ведь собралась давить на Лил! Идти против ее желаний и склонностей... Мое убеждение, что она не права, сейчас так напоминает заверения деда, что он лучше меня знает, где я должна учиться... Кошмар! Когда-то я восстала против авторитета родных, сейчас же поступаю точно как они!

– Как пожелаешь, Лил. Тщательно запоминай все секреты Лэнии, потом поделишься со мной.

Моя простенькая шутка повеселила повариху. Замечательная женщина, они с Картером гармоничная пара, видно, что счастливы.

– Хорошо провести время, – желала Лил и поспешила за королевой кастрюль и сковородок на кухню.

Дождавшись, пока слуги покинут столовую, Аламейский подошел к нам с Оливером.

– За полчаса успеете собраться?

К поездке я уже была готова – темно-фиолетовое платье подходило как для прогулки, так и для знакомства с главным целителем пансиона. День обещал быть жарким, поэтому я планировала захватить шляпку и проследить, чтобы Оливер выбрал легкий костюм.

– Да, ваше чародейство, нам вполне хватит времени.

– Хорошо, тогда передам, чтобы подготовили экипаж. Но прежде нужно кое-что сделать. – Алистер, позер, достал просто из воздуха уже знакомый футляр. – Оливер, все ученики-универсалы носят вот такой вот специальный браслет.

– Это чтобы нас можно было отследить? – догадался сын и без всяких колебаний протянул наставнику руку.

Медленно выдохнула. Я бы не стала возмущаться, если бы Алистер надел артефакт без меня. Но он предпочел это сделать в моем присутствии – поразительная щепетильность, невероятный мужчина.

Через полтора часа мы оказались в сердце Церестана – столице.

Древний, величественный Караиз... Сколько же я здесь не была? Много, вспоминать страшно, сколько лет я добровольно провела вдалеке от любимого города.

Щемящее чувство в груди возникло на въездных воротах и до сих пор не отпустило. Припорошенные временем воспоминания обрели краски и причиняли легкую боль. Элегантные дома из светло-серого

камня, обзорные башни до небес, россыпь фонарей, украшенных вычурным кружевом ковки, бесконечный парк с десятками фонтанов... Пахнущие стариной и тайнами книги в главной библиотеке, выставки, городской виварий и ботанический сад...

Экипаж неспешно проезжал мимо моей любимой чайной лавки, и я прикипела взглядом к ее витринам. В этот момент открылась дверь, выпуская статную пару в темной, но элегантно одежде. Худощавый мужчина что-то сказал – женщина с волнистыми волосами, которые дерзко выбивались из-под соломенной шляпки, прикрыла ладошкой рот. Смеясь, она посмотрела на дорогу.

Я резко отвернулась. Широкие поля моего головного убора отлично маскировали, и я не боялась узнавания. Да если это и случится, меня не станут окликать.

– Джемма, вам плохо? – Рассказывающий что-то Оливеру чародей нахмурился.

– Нет. С чего вы взяли?

– Вы побледнели.

Было бы странным, если бы я осталась равнодушной, встретив родителей, которых не видела почти десять лет.

– Все хорошо, правда... О, мы сможем проехать по кварталу художников?

Я постаралась перевести тему разговора, и Алистер не стал настаивать, требуя откровенности.

– Сможем, но только на обратном пути.

Чем ближе к пансиону, тем сильнее я нервничала. Я верила Алистеру, но бывают обстоятельства, когда один человек не в силах изменить ситуацию. Как бы ни заверял чародей, что в пансионе все хорошо, а Оливер мог и не найти там свое место. А еще я переживала, сумею ли найти общий язык с главным целителем. Я-то готова работать под началом любого тирана, но, если он посчитает, что не подхожу, удержаться будет сложно.

Территорию пансиона окружала высокая мрачно-серая стена. Магическая защита по периметру была такая, что не хотелось ее долго рассматривать – болели глаза. Ни проникнуть без разрешения, ни покинуть – хуже тюрьмы.

На въезде охрана дотошно проверила нас, хоть чувствовалось, что Аламейского здесь прекрасно знают. Почему же продолжают

проверять его личность?

– Протокол безопасности суров, – ответил он на мой невысказанный вопрос.

Порой пронизательность чародея смущала: неужели у меня все на лице написано? Или же... слишком хорошо меня чувствовал – и вот это уже пугало.

Территория пансиона оказалась огромной, и часть ее мы преодолели в экипаже.

Зеленые луга, небольшая речушка с чистыми берегами и парк, в котором обитало много любопытных белок. Одна из них, рыжая с черной полосой вдоль спины, бесстрашно спикировала в открытый экипаж, вызвав бурю эмоций у Оливера. А уж когда чародей достал из кармана орешки!.. Кажется, после совместной кормежки проказливого зверька мой сын был окончательно покорен своим наставником.

Я же немного приревновала. Фактически я одна растила Оливера – Рутшер начал проявлять интерес к нему, лишь когда проснулась магия. То есть ему очень нравилась идея быть отцом будущего чародея. И Оливер всегда это чувствовал и держался с ним настороже, не веря в искренность слов.

Сейчас кроме ревности, что сын нуждается во мне меньше, чем раньше, я испытывала непередаваемое облегчение. Кто-то еще взял на себя ответственность за маленького чародея-универсала.

Мои страхи оказались всего лишь страхами. Территория пансиона исправляла впечатление от мрачной ограды. Мне нравилось все, особенно восхитило двухэтажное здание лазарета, увитое диким виноградом и окруженное фигурным кустарником.

– Сейчас твоя мама побеседует с главным целителем, получит новую должность, и мы пойдем смотреть спальные комнаты и виварий, – заявил герцог, когда мы подошли к лазарету ближе.

Дверь оказалась заперта. Алистер нахмурился.

– Странно, целителя нет на месте. Придется немного подождать.

– Хорошо, – легко согласился Оливер, с любопытством озираясь по сторонам. – Ох, какое озеро! А там можно купаться?

– В нем обязательно купаться до зимних холодов. В пансионе стараются заранее закалять боевых чародеев. Но сразу успокою твою напрягшуюся маму: делается это под строгим наблюдением целителя.

И ничего я не напрягалась! Преувеличивает.

Ветер донес лошадиное ржание.

– Ой, здесь и конюшня есть? – пришел в восторг Оливер.

– А как же без нее? Что это за чародей, если он в седле напоминает мешок? – усмехнулся Алистер.

– А кто живет в виварии? Безопасная нечисть?

– Безопасной нечисти не существует, – тоном ментора возразил чародей.

Оливер нетерпеливо пританцовывал на месте.

Столько впечатлений, ему тяжело устоять на одном месте. И я решила на еще один шаг к самостоятельности своего ребенка.

– Ваше чародейство, продолжайте экскурсию. Не ждите меня, сама встречусь с целителем.

– Нет. Я передал ему личное дело из школы Подгорска, но не объяснил, почему ты работала под именем супруга.

– Это легко объяснить – у меня нет диплома. – Я пожалала плечами. – Все равно, чтобы меня приняли, придется пройти квалификационные тесты.

– Я хочу передать тебя из рук в руки.

Мне стало смешно. Герцог – как насадка, еще хуже, чем я.

– Ваше чародейство, я уже взрослая девочка.

– Я вижу. – Алистер окинул меня внимательным взглядом. – Ты не представляешь, с кем придется работать. Хочу убедиться, что он не съест тебя сразу при встрече.

Я всерьез забеспокоилась. Уж не собирается ли он продавливать главного целителя, чтобы тот не только взял меня на работу, но и мягче относился?.. Слава герцогской протее, а то и кого похуже мне совсем не нужна!

К счастью, боги были на моей стороне и уберегли от конфуза. Правда, при этом изрядно потрепали нервы.

– Добрый день! Алистер, проводишь экскурсию для нового ученика?

Увлеченно споря с герцогом, я пропустила появление человека, которого точно здесь не ожидала встретить. Короля. Он пришел не один – с мальчишкой, своей уменьшенной копией. Наследный принц Маркиан?.. Что они здесь делают без охраны?

– Добрый день... – Я запнулась и не присела в реверансе из-за Алистера, придерживавшего меня за плечо.

Да и король отрицательно качнул головой. Этикет не нужен?..

– Элгеус, составишь нам компанию? – совсем не удивившись появлению монарха, предложил герцог.

– С удовольствием. Вы уже смотрели на виварий и полигон? Марк рад, что на курсе будет еще один универсал.

Король лучился добродушием. Принц не отставал от него, с интересом рассматривая Оливера, который, в свою очередь, не сводил с него глаз.

– До вивария и полигона еще не дошли. Мы ждем главного целителя, – признался Алистер.

И я в очередной раз предложила, уже настойчивей:

– Продолжайте экскурсию, я сама встречусь с целителем.

Им следовало уйти по многим причинам. Чтобы король, пускай сейчас просто как родитель маленького универсала, ждал свою подданную? А как отреагирует будущий начальник, увидев у двери соискательницу вакансии, ее ребенка, знаменитого герцога, наследного принца и короля? Я бы на его месте в обморок хлопнулась... И последнее. Оливер. Пора вытолкнуть его из-за материнской юбки в большой мир, где я не всегда буду рядом.

Секунду поколебавшись, Алистер кивнул:

– Хорошо. Удачного собеседования, Джемма.

– Благодарю, ваше чародейство.

Отстраненно заметила, как король вскинул бровь и вопросительно посмотрел на Алистера.

Жар прилил к щекам, стоило сложить воедино воспоминания о нашей вчерашней беседе и сегодняшние взгляды. Его величество недоумекает из-за нашего стиля общения. Что-то с этим придется делать, но не сейчас точно. Сейчас важнее настроиться на собеседование.

Стоило мужчинам уйти, как объявился долгожданный целитель. Сухощавый, высокий, стремительный. Без зеленой мантии, в летнем костюме бежевого цвета, но я сразу его узнала. Прошедшее время ни капли не сказалось на нем. Вот уж кого я точно не думала здесь встретить...

Меня охватила слабость.

Я словно неуспокоенную душу увидела... И фактически так оно и было. Я своими ушами слышала, что главный целитель Приморского

лазарета погиб вместе с сотрудниками и пациентами во время прорыва демонов. Рутшер, когда ездил в Приморск после войны, уточнял, выжил ли тогда хоть кто-нибудь, и привез грустные новости.

Целитель, нагруженный стопкой книг, даже не повернулся в мою сторону, прошел мимо. Прикоснувшись ладонью к магическому замку, без ключа открыл дверь.

– Лорд Илфаер... – От волнения мой голос охрип, колени ослабели.

Сил хватило, чтобы сделать шаг назад и опуститься на скамейку у стены.

Не поворачиваясь в мою сторону, бывший главный целитель Приморского лазарета небрежно бросил:

– Дерек Рутшер, не трать мое время, ты неходишь!

Резкая честность – характерная черта Илфаера, это он, ошибки нет. Вышла неразбериха с документами, и еще до собеседования я могла не получить работу. И это позволило сбросить оцепенение.

– Я Рутшер, да, но совсем другая Рутшер.

Целитель застыл. Миг... Другой... Он медленно-медленно обернулся.

– Фэйриль...

Книги посыпались на землю.

Я никогда не видела, чтобы негибемый, жесткий целитель терял присутствие духа и выглядел настолько растерянно.

– Джемма... Это ты?

Он перескочил через груды книг и порывисто сгреб меня в объятия.

– Живая...

В жизни не подумала бы, что буду обниматься с самым требовательным куратором в моей недолгой практике.

– Ты жива... Но как?! – Он выпустил меня из крепких ручищ и заглянул в глаза.

Потрясение серьезно сказалось на самочувствии – голова шла кругом. Я вернулась на скамейку, и лорд Илфаер присел рядом.

– Вы тоже живы, и я задаю тот же вопрос.

Целитель помрачнел.

– В день прорыва уцелела часть сотрудников и идущих на выздоровление пациентов.

Мое сердце забилося быстрее.

– А лежачие больные? Вы успели переправить их в столицу?

Надежда – как хрустальный мотылек, и она легко разбилась, стоило прозвучать ответу:

– Нет. Целители могли погибнуть, если бы не готовящийся пройти сквозь арку перехода боевой чародей. Он и встретил тварей, уничтожил половину сразу. Но один защитник не сумел тогда уберечь всех.

Ему было тяжело говорить, мне еще тяжелей слушать.

– Лорд Илфаер, давайте не будем.

– Да, страшный день... Ты-то как спаслась? Рутшер оплакивал тебя вместе со всеми... А ты носишь его фамилию!

Последнее прозвучало как обвинение.

– Когда он оплакивал меня со всеми? – Моему удивлению не было границ.

– Когда забирал свои документы, сразу после окончания войны. Я еще долго оставался в Приморске и имел честь с ним повстречаться, – тон голоса заверял в обратном, Дерек он недолюбливал.

Чудесно!.. Почему покойный супруг не сообщил мне о том, что наши коллеги живы? Я бы поняла, если бы Велдон не умер и муж, опасаясь, что я к нему сбегу, это утаил бы. Но Велдон, находясь в магической коме, погиб с остальными лежачими больными. Забытье порой благо...

– Странно, что Дерек не сказал мне, что вы выжили тогда. Не хотел волновать лишний раз, ведь к окончанию войны с демонами я уже примирилась с гибелью знакомых?

Мне и самой было чуточку смешно от предположения, что Дерек мог беспокоиться о моем душевном состоянии.

– Рутшер и деликатность? Ты ничего не перепутала, Фэйриль?

Старое прозвище вызвало странные ощущения: ностальгию по тому, как давно меня называли так, сожаление и решение забыть прошлое и жить настоящим.

– Я уже не беззаботная Пчелка, а Джемма Рутшер, уважаемая дама и мать семейства.

– Спроси у супруга-прохиндея, уважаемая, почему он утаил важную информацию, – ворчливо предложил целитель. – Не могу поверить, что ты вышла за этого жулика!

Почему жулик и прохиндей? Просто не всегда удачливый картежник.

– Уже не спрошу, Дерек погиб два года назад.

– Неужто попался на крапленых картах и его таки прирезали?

Разговор мне не нравился, но лучше ответить сразу и забыть неприятную тему.

– Нет, он утонул.

Лорд Илфаер довольно осклабился:

– Дис знает, кого нужно убрать в первую очередь!

Я поморщилась – за прошедшие годы целитель не изменился: все такой же резкий в суждениях циник.

– Дерек был не таким уж плохим, чтобы радоваться его смерти, – сухо заметила я.

– Я и не думал радоваться, что ты! – напоказ возмутился лорд Илфаер. – Я счастлив, что ты свободна. Ты и представить себе не можешь, какие тут учителя! Много холостых чародеев.

Он что, заделался сводником? Я пораженно уставилась на бывшего и будущего начальника.

А тот подмигнул.

– Не теряйся, Фэйриль, лови момент. Впрочем, зря я это тебе советую, да? Рекомендовал-то тебя сам герцог Аламейский. Хороший мужик, хватай не раздумывая.

Я открыла рот, чтобы прояснить ситуацию, но не успела – у целителя сработал амулет вызова.

– Так, это моя жена, и она надолго. Ты свободна до осени, мы сработаемся точно.

– Спасибо!

– Хоть в кои-то веки мне повезло с помощницей, – пробормотал целитель и активировал переговорный амулет.

Я же, толком не попрощавшись, поспешила отыскать своих спутников.

Самое странное собеседование в моей жизни. Легкое и одновременно в эмоциональном плане тяжелое. Соприкосновение с прошлым – порой еще то испытание. Вспомнить, кем ты была, понять, кем стала и как много воздушных замков разрушено по пути от одной точки к другой.

Где находится виварий, мне подсказал бытовой маг, занимающийся ремонтом беседки неподалеку от лазарета. Но чудных зверушек я не увидела – чародеи уже выходили из вивария, когда я подошла.

Оливер и принц Маркиан уже общались, как давние знакомые.

Герцог явно хотел узнать подробности собеседования, но не стал настаивать при короле, ограничившись моим позитивным ответом.

– Когда можно будет рассказать сыну о том, с кем сегодня был на экскурсии?

– Не спешите, Джемма, – тихо произнес его величество. – Пусть ребята нормально пообщаются до осени, моему сыну нужен друг.

– Если не скажем мы, это сделает кто-то другой.

– На территории школы, закрытой на лето, нет, – спокойно возразил король. – Маркиан тоже идет на первый курс, им будет полезно посещать школу два-три раза в неделю, пока здесь нет других учащихся.

– Все хорошо, – успокоил Алистер, – универсалы должны общаться, невзирая на титулы, ведь когда-нибудь им придется отражать опасность плечом к плечу.

Объяснения совсем не успокоили.

– После обучения Оливер получит титул, – напомнил король Элгеус.

Все так, но как же сложно менять свою жизнь. Еще тяжелей даются перемены в судьбе ребенка. Ох, какая же я курица-наседка...

– Наша дружба с Алистером началась с того, что в первый день обучения он разбил мне нос.

– А Элгеус вывихнул мне руку, – прибавил жути герцог.

Они захохотали. Мне же смеяться совсем не хотелось. Мужчины... у них странное понятие о забавном.

Еще несколько часов пролетело незаметно. Король Элгеус в близком общении оказался приятнейшим человеком: обаятельным, веселым и временами едким, как и его друг.

День удался, но, сидя в экипаже, который несся по улицам города, я радовалась его окончанию.

Немного портили настроение воспоминания, как утром возле любимой кофейни я увидела дорогих мне людей. Сейчас бы я окликнула родителей, попросила бы Алистера остановить карету. А

тогда испугалась, что я подойду, а они... Они отвернутся. Как отвернулись восемь лет назад, когда Рутшер пришел к ним с сообщением, что я вышла замуж и жду ребенка.

И все же надежда, что гордыня деда больше не помешает нашему общению, оставалась. Как только события моей жизни перестанут нестись испуганным зайцем, я обязательно съезжу домой. Давно пора сделать это. Я бы своего ребенка простила за своеволие...

Задумавшись, не сразу осознала, кого увидела на тротуаре под ярким магическим фонарем.

– Грэхем...

– Где? – Чародей заозирался по сторонам.

Я махнула рукой.

– Он стоял под тем фонарем...

Договорить не успела.

– Хельц, присмотри за ними! – крикнул герцог и на полном ходу выпрыгнул-вылетел из экипажа.

Мы медленно остановились. Хельц покинул место кучера и подошел к двери. Глаза его светились ярко-желтым, выдавая нечеловеческую сущность. Демон... Лишь сейчас я приняла знание, кто все эти дни правил каретами герцога.

Тот, кто убивал, как дышал.

Тот, кто повелевал безумными тварями, насылая их на людей...

Нет, именно Хельц и не занимался последним, но он оставался демоном.

Паника отступила, стоило вспомнить, что он жил в доме Алистера, служил ему верой и правдой, сопровождал нас в пути от Подгорска до столицы и никогда не вредил, хотя возможностей было предостаточно.

Глядя в светящиеся глаза, я тихо произнесла:

– Спасибо, что охраняете нас.

Своеобразную руку дружбы демон проигнорировал.

– Я выполняю просьбу Алистера.

Вот же гад... Ладно, не очень-то и хотелось.

Герцог вернулся ни с чем.

– Если это действительно был Грэхем, то он ушел, увидев тебя.

– Это точно был он, мне не привиделось!

Уж кого-кого, а приставучего негодяя до конца жизни не забуду.

– Если я не смогу сопровождать, разрешаю выезжать в город лишь с Хельцем, – внезапно заявил Аламейский строго.

Я устала и потому не стала протестовать, да и ходить по модным лавкам все же лучше с мужчиной.

– Думаете, Грэхем опасен для меня или Оливера?

– Он в розыске, Джемма. И судя по тому, что нарыли мои люди в Подгорске после нашего отъезда, он тобою одержим.

Заявление герцога не испугало. Одержимость – слишком сильное заявление. Я бы так не сказала. Грэхема просто задел мой отказ, не более. Но зачем возражать, спорить, когда мужчина искренне желает позаботиться о тебе?

– Постараюсь выполнять ваши пожелания неукоснительно.

– Джемма, ты не была бы так спокойна, если бы знала, что мои люди нашли в его особняке.

Удивил. Заинтриговал всерьез.

Покосившись на Оливера, увлеченно разглядывающего улицы ночной столицы, чародей скупно объяснил:

– Одна из комнат оклеена твоими магснимками. Еще Грэхем хранил твои вещи: ленты, платки, тетради... Как ты могла не заметить их пропажу?

Я же онемела. Целая комната имени меня. Как целитель, я понимала, что это значит. Хорошо, что чародей не стал развивать тему – противно и, пора признаться, страшно.

Пока ехали в Тисовый Лабиринт, Оливер успел задремать. Но перед этим он ошарашил меня сонным признанием:

– Мам, это самый лучший день в моей жизни.

Он засопел, а я долго думала над его словами. Кажется, перемены меня больше не пугают.

По приезде герцог забрал своего подопечного из экипажа, не разрешив разбудить, и на руках понес в дом.

Лил и несколько слуг повстречали нас у подножия лестницы, ведущей в дом.

Заметив, что Оливер спит, она пожелала мне доброй ночи и подошла к Хельцу.

Я преодолела ступеней шесть, как раздался хриплый смех, напоминающий треск стекла. Смеялся Хельц. И сквозь усталость пробилось осознание, что произошло.

Я обернулась.

Моя воспитанница болтает с демоном... Демон вдобавок не спешит прощаться с ней, а что-то рассказывает, поглаживая холку нетерпеливо всхрапывающей, прядущей ушами лошади.

Кошмар, сбывшийся в реальности.

Огромные желтые глаза, белая кожа и волосы, заостренные, как у хищника, зубы – все выдавало в Хельце существо из иного мира. И как я когда-то могла спутать его с полукровкой?

Обманчиво мирный мерзляк в не по погоде теплой одежде нежно, скрывая острые зубы, улыбался человеческой девчонке, тонкой и хрупкой, как веточка.

Хочу ли я, чтобы эти двое общались? Нет. Ничего хорошего из этого не выйдет, для Лил точно.

Я медленно спустилась по лестнице.

Воркующая парочка меня не заметила.

Кашлянув, холодно велела:

– Лил, иди к себе, пора спать!

– Конечно, Джемма, – улыбнувшись демону, покорно согласилась вертихвостка.

Ее горящий восторгом взгляд обеспокоил. Молодая кровь кипит? Постараюсь поговорить по душам уже утром.

Дождавшись, пока Лил будет далеко, тихо предупредила:

– Я против твоего общения с девочкой.

Хельц невинно улыбнулся, если так можно сказать об острозубом оскале.

– Почему?

– Она человек, несовершеннолетняя.

– Несовершеннолетняя по тем документом, что ты для нее сделала, когда решила стать опекуном.

– Лил рассказала? Глупышка моя доверчивая...

Когда оформляла документы, я перестраховалась и занизила возраст спасенной. И вопросов, почему беру на воспитание почти взрослую девицу, не возникло. А ведь могли и отказать, отправив Лил в специальный пансион для одаренных сирот.

– Я не собираюсь ей вредить, – спокойно произнес Хельц.

Он не сводил с меня желтых глаз, и я уже с трудом выдерживала взгляд.

– Хорошо, что не собираешься вредить, иначе я сделаю с тобой такое...

– Какое? – Демон заинтригованно подался вперед.

Я не отскочила назад только чудом. Страх за Лил придавал смелости.

– Во время войны с демонами я личинки агри из кишок доставала. Если понадобится, могу и запихнуть.

Ни один мускул не дрогнул на лице Хельца. Нет, левый глаз все же дернулся... Проняло?

Нет, демон расхохотался.

– А ты забавная! Алистеру повезло. Я ни за что не наврежу Лил, даю слово.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Доля секунды – Хельц уже сидел на козлах. Нечеловеческая скорость...

Мороз прошелся по спине от осознания, кому я угрожала.

У нашей странной беседы оказались свидетели: Картер и его жена. Видимо, направлялись в свой коттедж на территории поместья и застали прелюбопытную сцену. И лица у них были... Сложно дать определение. Восхищенный ужас и неверие?

– Верьте Хельцу, он никогда не врет, – внезапно заявил управляющий.

– И вас очень уважает, – добавила его жена.

Неожиданно. Я не сумела скрыть удивления:

– С чего вдруг?

– А вы единственная, кто попал.

Повариха заговорила загадками.

– Куда я попала?

– Да в Хельца же, туфлей.

– Милая! – одернул ее супруг.

Но кто же остановит женщину, когда она решила посплетничать?

– Однажды Хельц будил герцога ранним утром, и графиня Вион возмущенно бросила в него браслетом.

– Лэния, не стоит, – попросил Картер.

– Почему? Госпожа Рутшер должна быть в курсе!

Управляющий бросил на меня виноватый взгляд и прикрыл лицо ладонью.

– Поймав браслет, Хельц пошутил, что не уважает косоглазых криворучек. В ответ графиня Вион рассказала подругам о его возмутительном поведении, еще и мстительно приукрасила, что попавшей Хельц принесет утром чай в спальню. С того времени и повелось...

Я была в ужасе. И все же спокойно уточнила:

– Что именно повелось?

– Любовницы соревнуются в меткости, и Хельц их мишень. Но никто не попадал до вас.

Прикрыв глаза, я задумалась, что сказать в ответ, ведь не поверят, если признаюсь, что не состою в любовницах Аламейского. Так зачем тогда пытаться?

– Спасибо за байку, интересная.

Улыбнувшись, я прошла мимо замершей пары.

Я еще слышала, как Картер выговаривал супруге за сплетни и несдержанность.

Не важно. Это все забудется, когда я уеду из этого дома. Или же... Или же я и впрямь стану любовницей герцога, то есть заслужу все, что уже начали говорить за спиной.

Огорчило ли меня последнее предположение? Нет.

Испорченная я ощутила сладкое предвкушение.

Глава пятнадцатая, в которой происходят неожиданные метаморфозы

– А бальный зал мы украсим с одной стороны белыми орбирийскими розами, с другой...

– Красными! – с восторгом подхватила невеста и захлопала в ладоши.

Мать Алистера, словно певчая птица, почти час щебетала на пару с будущей невесткой. Я делала вид, что слушаю внимательно, с вежливым интересом, который скрашивало очередное сладкое чудо от Лэнии и много крепкого чая. Алистер просматривал газеты, доставленные еще в предрассветный час, прямо из типографии.

Тема беседы на двоих – день рождения чародея через несколько дней.

Если леди до конца не определились со стилем украшения дома, то я напряженно размышляла, что подарить начальнику, у которого все есть. Разумеется, это не совсем верно, у него было только то, что можно купить за деньги.

А значит, нужно думать в другом направлении: искать нечто, что он не сможет подарить себе сам. И это сложнее, чем провести сращивание костей в одиночку буйному пациенту, которого еще нужно поймать...

– Алистер, королева Розалия обещала одолжить своего кулинара в помощь твоей Лэнии. Установим большие фонтаны с игристым вином, маленькие – с горячим шоколадом для фруктов, статуи изо льда...

– И обязательно должны быть крабы и моллюски, доставленные прямо из Приморья! – вставила словечко Кирайя.

Леди Брикойль благосклонно кивнула.

– Неплохо бы к торту приготовить пирожные в виде глаз и зубов монстров, – предложила еще одну идею невеста.

Секретарь ее чуть чаем не поперхнулся. Мать Аламейского прищурилась.

– Что? – занервничала Кирайя. – Так мы напомним, кому обязаны тем, что война с демонами завершилась.

– Не слишком изящное решение, милая, – мягко попеняла леди. – Выбивается из общего замысла.

Кирайя поджала губы и тотчас, совладав с собой, ослепительно улыбнулась:

– Как скажете, я преклоняюсь перед вашим опытом и мудростью.

Она откровенно лебезила, но понять, как к этому относится мать Аламейского, было сложно – та владела собой лучше, чем молодая родственница.

– А в конце приема мы пригласим всех гостей в бальный зал – полюбоваться огненной феерией, – воодушевленно рассказывала леди Брикойль. – Я уже нашла и оплатила огненного мага.

Алистер оторвался от очередной газеты и твердо произнес:

– Нет.

– Что «нет»? – забеспокоилась леди Брикойль. – Ты против, чтобы я оплатила услуги мага? Или не хочешь вообще представления?

– Мама, послушай... – Чародей устало прикрыл глаза, собираясь с силами.

В самом начале, как только леди дружно завели разговор о празднике, он заявил, что против пышного торжества. Лучше отметить некруглую дату в компании друзей и родственников. Леди Брикойль его будто и не слышала. Невеста – тоже. Время от времени бросая на меня уничижительные взгляды, она записывала идеи потенциальной свекрови в розовый блокнот.

– Что, Алистер? – поторопила с ответом леди Брикойль.

– Мама, в сотый раз повторяю: я не хочу устраивать прием для всей аристократии Караиза.

– А мы и не будем, – покладисто согласилась женщина. – Пригласим лишь верхушку.

– Будет его величество, ваши друзья, – с улыбкой добавила Кирайя. – День рождения – отличный повод, чтобы собрать всех близких и сообщить о нашей скорой свадьбе.

Тон голоса сладкий, а адресованный мне взгляд полон превосходства. Он больше меня не цеплял. Не после пережитого за последние дни.

Условия в пансионе, новый друг сына, одобрение его величества, обретение старого знакомого и интересная работа в отделе артефактов настроили меня на позитивный лад. А еще я вновь верила в герцога.

Не любил он Кирайю, зато нежно ухаживал за мной, давая твердо понять, что найдет способ разорвать помолвку. И я решила ждать, положиться на него всецело.

– Так против чего ты, мой дорогой? Все делается ради тебя, ради твоего блага и удовольствия.

Встав из-за стола и бросив газету, герцог буквально по словам произнес короткую речь:

– Я не желаю праздника, когда страна на грани войны с вампирами. Я против огненных фокусов в моем доме от мага, которому не доверяю. И я уже сказал, что роз из Орбирии здесь больше не будет.

– Но почему? Чем провинились прекрасные цветы! – воскликнула леди Брикойль.

Кирайю же неожиданно заинтересовала политика:

– Разве назревает война? У наших королевств прекрасные отношения.

Алистер криво усмехнулся:

– Да-да, и поэтому посол вампиров сегодня дает прощальный прием и возвращается на родину. О попытках нелегально пересечь границу вампирами подробно рассказывать не буду, просто знайте: они участились.

Патрик, секретарь Кирайи, все это время сидевший тихо, как мышь под веником, шумно выдохнул и протер очки белоснежным платком.

– Кстати, о после вампиров, – оживилась леди Брикойль. – Ты ведь получил приглашение на сегодняшний прием?

– Я пойду на него в голубом платье с серебряным кружевом, – сообщила Кирайя с предвкушением. – Алистер, надеюсь, вы тоже будете в голубом или хотя бы в белом.

Чародей, чувствовалось, находился на грани закипания, и, пользуясь тем, что сидела рядом с ним, я незаметно ласково провела костяшками пальцев по его ноге у самого колена.

Он вздрогнул, но затем его плечи расслабились.

– Итак, дамы, подбиваю итог нашего завтрака: празднику быть, но на моих условиях, оплачиваю его я. Мама, жду от тебя расписание, меню на твое усмотрение. Огненного выступления не будет, список

гостей согласовывать со мной. На прием посла вампиров я не иду, занят.

Кирайя заметно расстроилась. Леди Брикойль, наоборот, выглядела довольной, как кошка, которая загнала мышку в уголок. Похоже, она все-таки получила то, что хотела.

– Дорогой, раз ты не пойдешь, отдай приглашение нам с Кирайей.

Алистер был категоричен.

– Нет, вы не пойдете в дом врага короны.

– Глупости, дорогой. Норд ан Вордер – щедрый меценат, талантливый селекционер роз и знаменитый коллекционер древних артефактов, он не желает зла королевству.

Вроде умная женщина, а верить сыну не хочет.

– Сожалею, мама, у меня нет приглашения, – вздохнул чародей.

– Как нет? Тебе должны были его прислать!

– Я его порвал и выкинул.

– Как выкинул?.. – Леди Брикойль была на грани обморока.

– Легким движением руки, прямо в корзину, – с иронией разъяснил Алистер.

– Но ведь это самый модный прием сезона! – Леди побелела так, что я готовилась ее откачивать. – Я хотела попросить у посла новый сорт роз – черные в голубое пятнышко.

– Никаких пятнышек у вампиров ты просить не будешь, от врагов мы не принимаем подарков.

– Глупости! Какие же они враги?

Последнее замечание возмущенной матери чародей проигнорировал. Предложив мне руку, вывел из-за стола.

– Хорошего дня, мама, Кирайя. Нам с госпожой Рутшер пора на службу.

В напряженной тишине мы покинули столовую, но направились не в сторону выхода, а в кабинет Алистера. Я шла, ничего не спрашивая, терпеливо ожидая объяснений.

Захлопнув дверь, он сдержанно произнес:

– Джемма, прости, но мне это необходимо. Или я что-нибудь взорву.

Крепко прижав меня к груди, Алистер запустил пальцы в мою аккуратную прическу. В тишине кабинета звон шпилек о паркет прозвучал тревожно.

Зачем мать сознательно его выводит из себя? Почему не приструнит Кирайю, а, наоборот, поощряет ее капризы и запросы? Почему вообще не прекратит этот балаган?

Пальцы Алистера осторожно, с непередаваемой нежностью гладили мои волосы. Казалось, еще немного и он замурлычет, как большой сытый кот. Впервые вижу человека, который настолько любит прикасаться к волнистым волосам. Милый фетиш для боевого чародея.

– Спасибо, Джемма.

Алистер чуть отстранился, не разрывая объятий.

– Не за что. – Я подняла голову и утонула в синеве его глаз. Щемящее чувство в груди нарастало, сбивая дыхание, выключая разум. Я хотела – нет, жаждала! – ощутить губы Алистера. Я ведь знаю, какими пьянящими они могут быть, помню их вкус.

Руки Алистера скользнули по моему телу, он наклонился близко-близко. И шепнул прямо в губы:

– Я умираю от желания поцеловать тебя.

Так почему же не целуешь?.. Сил спросить не хватило – я смогла лишь прерывисто выдохнуть.

– Помнишь день после трагедии на понтоне? – поинтересовался герцог, чуть отстраняясь. – Я поклялся, что не буду тебя целовать. Только если попросишь.

Ох... Об этой глупости я совсем забыла, но раз он держит слово, я с радостью сделаю первый шаг и попрошу.

– Впервые в жизни я солгал, – договорил Алистер и накрыл мои губы поцелуем.

И это был конец. Конец хладнокровию Аламейского.

Я забыла, как дышать. Забыла все на свете, кроме мужчины, захватившего в хмельной плен мое сердце и душу.

Плевать на то, где мы... Я хочу этого мужчину здесь и сейчас.

Алистер, пробудивший во мне безумие, не отставал. Его руки лихорадочно скользили по моему телу в поисках пуговиц.

– Давай, Кирайя, ты сможешь... – Тонкий голос ворвался в наше умопомрачение.

Герцог – поистине боевой чародей с невероятной реакцией. Резкий взмах руки – и нас скрыл радужный купол-щит.

Все так же прижимаясь друг к другу и тяжело дыша, мы следили за действиями Кирайи. Поначалу трусливо вздрагивая даже от боя

настенных часов и шуршания упавших бумаг, она принялась методично обыскивать чужой кабинет.

Губы Алистера коснулись моей макушки, руки скользнули по телу, медленно лаская.

Так приятно, запретно... Стоять под щитом, обниматься и при этом наблюдать за осмелевшей Кирайей, которая что-то искала, было восхитительно волнительно, с капелькой безумия.

В первую очередь девушка проверила корзину, куда мы бросали ненужные листы. Затем перешла к столам, начав почему-то с моего. Беспорядок не разводила, все возвращала на место, как будто делала подобное сотни раз. Не удивлюсь, если она частая гостья в кабинете своего отца, когда того там нет, настолько методично и ловко она действовала.

После осмотра стопок бумаг на герцогском столе она подошла к подносу с корреспонденцией. Сейчас Кирайя стояла так близко к нам, что можно было вытянуть руку и отвесить ей подзатыльник. За проникновение в чужой кабинет и его обыск, а не потому, что она мне не нравилась.

Минута тихого шуршания и счастливый писк:

– Нашла!

Расстояние позволило прочитать имя отправителя на продолговатом желтом конверте с гербом Орбирии. Алистер обманул мать – он даже не просмотрел свое приглашение на прием в посольство.

Еще раз поцеловав меня в макушку, чародей собрался выйти из-под щита. Он уже сделал шаг и поднял руку...

– Положи на место, Кирайя.

Появление нового действующего лица изменило планы Алистера. Он замер, решив остаться невидимым.

Вопреки моим ожиданиям, Кирайя привычно не рывкнула на приставленного отцом помощника.

– Почему? Алистер все равно не пойдет. Он и не заметит его пропажу!

Она тараторила быстро, глотая слова. И тон голоса неожиданно просительный, жалобный. Это точно коварная, цинична Кирайя, помыкающая секретарем и обзывающая отца за его спиной?

– Ты не пойдешь на прием, – строго произнес секретарь.

– Я уже девчонкам сказала, что пойду туда с женихом. – Тонкий голосок дрогнул.

– Меньше болтай – не будешь попадать в неловкие ситуации.

– Пожалуйста, я так хочу побывать на балу! – Кирайя даже руки молитвенно сложила, заглядывая в глаза невозмутимого секретаря.

– Нет. Пойдем, пока леди Брикойль не отправилась следом за мной.

Кажется, Кирайя некрасиво шмыгнула носом?

Покорно положив приглашение обратно на поднос с корреспонденцией, несчастная поплелась за секретарем.

Потрясающая, шокирующая покорность!

– Не думала, что Патрик умеет ставить ее на место, – призналась я, когда за парочкой закрылась дверь. – Из него вышел неплохой воспитатель.

Алистер комментировать ситуацию не стал. Ласково гладил меня, будто боясь выпустить из своих рук.

– А все же, почему ты не захотел пойти на прощальный прием? Только потому, что считаешь вампира врагом? Так себе причина. О, ты не допускаешь возможных благоприятных ситуаций для новых покушений!

Я была горда собой, что вспомнила истинную причину, почему человек, на котором завязано сложное могущественное заклинание, должен беречь себя.

– Нет, мы не идем к послу, потому что идем на подпольный аукцион, где должен всплыть украденный артефакт отца Кирайи, – усмехнувшись, объяснил Алистер. – И там будет двойной маскарад.

– Ого, как это?

– Вечером узнаешь. И спасибо. – Алистер жарко поцеловал меня.

– За что? – задыхаясь от счастья, спросила я.

– Ты перестала мне «выкать».

* * *

Я едва дождалась вечера. Повезло, что нашлось занятие на работе: наши бдительные пограничники снова поймали контрабандистов, переправлявших древние артефакты из церигия в Орбирию.

В этот раз из десяти предметов не было ни одного безобидного, только боевые.

Я как раз завершила осмотр последнего, как в кабинет заглянул Алистер.

– Госпожа Рутшер, собирайтесь, нам пора, – сообщил он.

К тому, что меня опекает герцог Аламейский, приводит в кабинет артефакторов и забирает вечером, привыкли быстро. Не было ни масленных взглядов, ни смешков за спиной – герцога боялись и уважали. Даже игра моими волосами не вызвала волну сплетен. Возможно, тогда никто даже не заметил, что чародей вертит в руках мой локон. Впрочем, сомневаюсь...

Оказавшись в закрытой карете, я тотчас была обнята и зацелована до одурения, иначе и не назовешь состояние, когда умные мысли куда-то убегают, оставляя взамен голые эмоции.

– Куда мы?

Я немного заволновалась, когда закрытая карета проехала знакомый поворот. Что мы едем не туда, заметила случайно, когда смогла вывернуться из рук ненасытного герцога.

– Куда? – повторил Алистер отстраненно. – А я забыл сообщить? Будем готовиться к аукциону.

Ответ удивил.

– А почему тогда не в Тисовый Лабиринт? Подозреваю, мое простое платье не очень подходит для посещения подобных мероприятий.

Алистер угукнул и принялся целовать мою руку. Каждый пальчик, слегка прикусывая кожу. А уж когда дошел до внутренней стороны ладони и запястья... Молнии удовольствия от, казалось бы, безобидной ласки лишили остатков самообладания. Волна возбуждения накрыла с головой. И я застонала.

Я совсем не возражала, когда Алистер перетащил к себе на колени и обсыпал шею жадными поцелуями. Вцепилась в его плечи, остро жалея, что не могу ответить тем же. Единственное, что сумела сейчас, – это с упоением запустить пальцы в жесткие волосы и раствориться в его ласках.

– Приехали, – на грани сознания прозвучал ехидный голос Хельца, резко остужая жар желания.

Мы где-то посреди столицы, в карете, которая давно остановилась. Язвительный демон понял, чем мы едва не занялись...

А и ладно! Мне все равно. Ни капельки не стыдно. Всепоглощающее чувство к Алистеру вытеснило сомнения. Да, я влюблена в чародея, и его объятия – самое правильное место в мире.

Несколько минут мы сидели обнявшись. Приходили в себя. Слушать сердце любимого человека, молча принимать его тепло и взамен отдавать свое – несравнимое, утонченное удовольствие, которое может успешно потягаться с поцелуями.

Когда вышли из кареты, Алистер с неприкрытой гордостью произнес:

– Джемма, позволь показать тебе штаб моей команды. На полноценную экскурсию нет времени, но я обязательно тебе покажу дом в следующий раз.

– Буду рада. Чем сейчас займемся в вашем штабе?

– Сборами, – не стал подробно объяснять чародей и повел меня к входной двери, прямо-таки пышущей защитными чарами.

Старинный дом с небольшим садом явно находился неподалеку от дворца – ехали мы недолго, это точно, иначе от поцелуев успели бы перейти к чему-то иному.

Жаркая мысль, провокационная и совсем не пугает. Почему-то я уверена, что скоро все решится, образуется. Боги, как же я верила Алистеру!.. Всем сердцем и душой.

– Надеюсь, тебе понравится платье, которое я выбрал. Фасон достаточно откровенный – ситуация требует.

Пока поднимались на второй этаж, Алистер немного рассказал об истории дома. В голове отложилось лишь информация о семнадцати запасных выходах из него.

Открыв дверь в одну из комнат, Алистер громко позвал:

– Ари, ты здесь?

Я выглянула из-за его плеча.

Длинная комната, заставленная стойками с самой разнообразной одеждой – мужской и женской, для простых горожан и высшей аристократии. Еще здесь стояли шкафы со шляпами, платками, париками на специальных подставках и вещи, которые мне было сложно опознать. У полностью зеркальной стены находились столы,

как в будуарах знатных аристократок, то есть полностью заставленные косметическими средствами.

– Ари? – нахмурившись, позвал чародей снова.

– Иду! – весело пропели справа.

По коридору торопливо шла огненно-рыжая женщина. Нет. Скорее это было виденье – нереальное, прекрасное. Женщина из грез, вот как можно назвать ее. Идеально правильные черты лица, огненно-красные волосы собраны в толстую косу, безукоризненно стройная фигура затянута в симпатичное желтое платье.

– Добрый вечер, Джемма.

Засмотревшись на рыженькую, я не сразу заметила, что она не одна – рядом шагал Бенджи, носатый боевик из Алистеровой команды, который помог мне с буйным мужем роженицы с понтона.

– Добрый вечер, Бенджи. Рада вас снова встретить.

– Я тоже, – улыбнулся мужчина.

Алистер не дал продолжить обмен любезностями, представил рыжеволосую:

– Джемма, рад познакомиться тебя с Ари, костюмером и гримером моей команды. Ари, вот эта удивительная девушка – моя будущая жена.

Жена?.. Как гром посреди зимы в лютый мороз. Я онемела, ощущая, как пол уходит из-под ног.

Рука герцога обняла за талию, поддерживая. Выяснить, почему он так сказал, именно сейчас, при живой-то невесте, даже не спросив, хочу ли я замуж, не стала.

С усилием выдавила подходящие к случаю слова:

– Я рада знакомству.

– А уж я как рада! – расплылась в широкой улыбке рыжая. – О вашем хладнокровии во время трагедии на понтоне я наслышана от мужа.

Она бросила любящий взгляд на Бенджи.

Обычно не исхожу с желчью из зависти чужой внешности – я вполне довольна своей. Но, глядя на Ари, все же испытала смутное беспокойство. Богиня красоты во плоти должна нравиться любому мужчине. Признаюсь, мне стало легче дышать от понимания, что эта роскошная женщина безопасна – влюблена и окольцована.

Следующие полчаса ушли на примерку. Естественно, в комнате мы были с Ари одни, мужчины куда-то ушли.

– Его чародейство настоял, что наряд для вечера должен быть сногшибательным, – немного смущенно, будто оправдываясь, сообщила рыжая, наблюдая, как я пытаюсь подтянуть платье вверх.

– Точно все попадают, когда из декольте у меня вывалится грудь, – мрачно пошутила я.

Платье было невероятным! Красивым, но при этом невероятно откровенным, на грани провокации и пошлости.

Лавандового цвета, с вышивкой серебром, без рукавов, с низким декольте и пышной юбкой, платье определенно было сногшибательным, как и заказывал Алистер.

И, на удивление, оно идеально мне подошло. Немного попрыгав, убедилась, что сползать оно не намерено, держалось как приклеенное.

– Декольте здесь специально такое, чтобы подчеркнуть украшение.

Ари продемонстрировала белый бархатный футляр квадратной формы.

– Посмотреть можно?

Кончики пальцев зудели – в коробке находился артефакт из церигия, древний, поразительно мощный, и он меня звал.

– Да, разумеется.

Щелкнула крышка, освобождая радужное сияние.

У меня дух захватило от восторга. Украшение невообразимо прекрасно! Платиновое ожерелье с крупными бриллиантами и вставками из церигия насчитывало девять нитей. Широкое, оно слегка прикроет то, что обнажило декольте. И да, находясь на ткани, оно смотрелось бы не так эффектно, как на обнаженной коже.

– Сказка, выполненная из камней и металла, – охарактеризовала я артефакт.

Произведение ювелирного искусства, во вторую очередь мощный, полный сил артефакт, который обещал несопоставимые вещи: безграничную симпатию противоположного пола и защиту от возможных приставаний.

– Позвольте, я сделаю вам прическу и немного подкрашу глаза. Герцог просил лишь подчеркнуть из-за маски, у вас и без косметики яркая красота.

– Благодарю за комплимент, – улыбнулась я и закрыла глаза, всецело доверяясь рукам мастера.

Еще полчаса, может, чуть больше, и все было готово. Ари подчеркнула разрез и глубину моих глаз, сделав их выражение загадочнее. Волосы собрала в высокую прическу, оставив длинные пряди по бокам.

– Открытая шея придает образу манящую незащищенность, да и вообще лучше всего гармонирует с объемным, вытянутым украшением, – заметила Ари.

В дверь постучали.

– Джемма, Ари, к вам можно? – вкрадчиво поинтересовался Бенджи.

В зеркале я увидела вопросительный взгляд гримера и кивнула.

– Ого! – присвистнул боевик. – А что будет, когда вы наденете артефакт?

Ари ткнула супруга в бок кулачком и нарочито сурово предупредила:

– Лучше не восторгайся при лорде, он ревнив, а нашим детям нужен отец, даже такой балбес, как ты.

Боевик поднял вверх руки и со смехом произнес:

– А я что? А я ничего! Я же просто люблюсь, как картиной!

Быстро чмокнув жену в щеку, он тем не менее отошел подальше.

– Чую, сорвется операция из-за госпожи Рутшер – вместо торгов за артефакт его чародейство будет отбиваться от поклонников спутницы, – прозвучало веселое от двери. – Добрый вечер, Джемма.

Я обернулась и заулыбалась.

Янош Ройнер тоже оказался в штабе. Целитель из команды Алистера мне понравился, я была рада его увидеть.

– Добрый вечер, Янош.

Еще несколько минут пролетело незаметно. Ари разлила чай и предложила пироги своей экономки.

Я успела перекусить на работе в столовой для сотрудников, но не стала отказываться и не пожалела – сладкая выпечка таяла во рту.

Напарники по приключениям в пути из Подгорска успевали не только есть, но и делиться информацией, чему я была очень рада, ведь Алистер на это времени не нашел из-за поцелуев.

Мы отправлялись на незаконный, тайный аукцион, где аристократы продавали и покупали опасные артефакты. Состоялось их уже три, но выследить не получалось – торги устраивали в разных местах, и, естественно, герцога Аламейского на них не приглашали.

Лишь сегодня удалось узнать адрес и конфисковать чужое приглашение. Никакого произвола властей не было – аристократ, участник таких аукционов, попался на незаконном поступке и сам предложил сделку.

– Пора, – сообщил Алистер с порога и застыл, не сводя с меня глаз.

Он тоже переоделся в другую одежду. Чернильно-фиолетовый камзол и такие же штаны, как всегда, подчеркнули прекрасную форму боевого чародея. А вот у белопенной рубашки оказались кружевные манжеты, пышный шейный платок скалывал гигантский сапфир – выглядело непривычно, Алистер предпочитал в одежде строгую элегантность.

Все мысли улетели прочь, когда он коснулся моей руки и приподнял ее для пламенного поцелуя.

– Ты удивительна, Джемма, – восхищенно произнес чародей в сгустившейся тишине.

Краем глаза я увидела напряженное, острое ожидание на лицах окружающих. Не поняла, они от нас чего-то ждут?.. Или же им просто интересно наблюдать за руководителем, ухаживающим за женщиной?

– Спасибо, Алистер.

Осторожно, без спешки чародей надел мне ожерелье.

– Активируешь, когда будем уже на месте, – предупредил тихо.

Это было понятно и так: с вещью, которая призвана вызвать интерес мужчин, нужно обращаться предельно аккуратно.

– Что ж, нам пора.

– Минуту! – Ари скрылась между стоек с одеждами и оттуда прокричала: – Маски, вы забыли их выбрать!

Вскоре нежно-фиолетовая, усыпанная блестками полумаска закрыла верхнюю часть моего лица. Простая белая полностью спрятала шрамы герцога. Затем он активировал артефакт в виде перстня, и его волосы посветлели. Вместо брюнета рядом стоял пепельный блондин.

– Пожелайте нам удачи. Если верить информатору, на аукционе будет артефакт исцеления, выкраденный из дома моего несостоявшегося тестя.

Ого... Вот какая главная цель операции! Не просто прекратить незаконные торги, а найти необходимое Алистеру. Понятно теперь, почему представил меня как будущую жену! Он уверен, что скоро сможет разорвать помолвку и свести шрамы.

– Удачи вам, Джемма, ваше чародейство, – от души, искренне пожелала Ари.

Прежде чем покинуть гостеприимную обитель гримера, я поблагодарила за ее работу и в конце поинтересовалась с улыбкой:

– Вижу, что мой крем от веснушек вам подошел, Дарина.

Рыжая вспыхнула румянцем удовольствия.

– Вы меня узнали, значит, я выиграла! – Ари победоносно посмотрела на мужа.

Тот слегка скривился и закатил глаза.

Аламейский вскинул бровь.

– Что за спор?

Мне бы тоже хотелось это узнать.

– Так получилось, что, когда по вашему приказу ходила к госпоже Рутшер, чтобы незаметно снять мерки для будущих платьев, я попалась. Торопилась и нанесла не совсем тот грим, что нужен. Госпожа Рутшер догадалась, что я маскирую внешность. Муж начал подкалывать, что я потеряла сноровку. Я же уверена, что госпожа Рутшер просто очень наблюдательна.

– И сегодня я предложил Ари предстать перед госпожой Рутшер в своем настоящем виде, – продолжил объяснения Бенджи. – Я был уверен, что узнать «мышь Дарину» в ярком «огоньке Ари» невозможно.

– И ты проиграл, дорогой, – торжествовала Ари. – Отпуск мы проводим у моей мамы!

Ее муж наигранно застонал.

Повеселившись с азартными супругами, мы покинули особняк.

Глава шестнадцатая, в которой ночь насыщенные дня

Карета остановилась у кованой ограды.

– А здесь точно состоится незаконный аукцион? – с сомнением спросила я, глядя на темные окна старинного особняка.

Следы недавнего ремонта присутствовали, и все же чувствовалось некое запустение в саду: разросшиеся кусты, сухая листва на дорожках, паутинка, растянутая наглым пауком прямо на кованой лозе ворот.

– Точно здесь. По словам информатора, барон Жустер ушел в загул и в поисках особого артефакта придумал аукционы, на которых можно обменять или продать запрещенные предметы.

– Серьезно он ушел в загул, – хмыкнула я.

– Три месяца назад экипаж с его женой и маленькой дочерью перевернулся на мосту.

– Боги... – Я вспомнила трагедию, о которой писали все газеты. Мы еще с Айной тогда ревели, а Снулая Рыба обозвала нас дурами.

– В прессе не писали, но тел не нашли, что и подкосило барона окончательно.

– Это ужасно! – Я прикусила губу.

Мое сочувствие к барону усилилось. Я знаю, каково это, когда нет могилы, к которой можно сходить. Рутшер утонул, Велдон погиб во время нападения демонов. Если с первым я хотела бы нормально проститься, то второго – оплакать.

– Барон словно обезумел, нарушает законы в поисках артефакта, который поможет вернуться в прошлое и изменить его ход.

– Но ведь это невозможно! – Я от души возмутилась, услышав подобную чушь. – Его обманули, не существует таких артефактов. Можно забыться, приглушить боль, но нельзя изменить случившееся.

Я не жестока, просто реалистка, которая прожила свою боль, научилась ее принимать. Велдон – моя незаживающая рана, но я ни за что не отдам воспоминания о нем. Наша короткая шальная любовь нашла продолжение в Оливере.

– Барон Жустер живет надеждой.

– Надежда в его случае только мешает – он застрял в прошлом.

– А ты цинична, – заметил Алистер. – Иная посчитала бы горе барона романтичным.

Замечание в цель: среди аристократок сейчас в моде любовные романы с героем, пережившим личную трагедию и оттого ставшего магом-отступником, разбойником или пиратом. В общем, тем, кто решил причинять боль другим, мстить целому миру. Но героиня-умничка своей любовью возвращает страдальца на путь света. Дичь, а не книги, но юным барышням почему-то нравилось.

– Целители против саморазрушения и причинения намеренной боли, поэтому да, я цинична. Мертвым – память, живым – жизнь.

– Хорошее правило. Только следуешь ли ему сама?

Хочется верить, что да. Говорить о себе не хотелось, и я трусливо проигнорировала вопрос.

– Барон Жустер мог окунуться в работу с головой, а дальше свою роль сыграло бы время – пусть звучит банально, но оно действительно лечит.

– Работа – вот твой рецепт от боли?

Алистер нежно обхватил мое лицо ладонями, заставляя посмотреть ему в глаза.

– Я рад, что выдернул тебя из Подгорска. Еще немного – и ты загнала бы себя, как лошадь.

– Может, я просто люблю свою работу?

Чародей покачал головой.

– Нет, ты от чего-то бежишь, Джемма. Дурные воспоминания?

Скорее, печальные.

В этот миг я осознала, что должна рассказать Алистеру о своей первой любви. О настоящем отце Оливера, его трагичной смерти. Не хочу, чтобы между нами стояли тайны.

Но время для подобных откровений еще не настало.

Не дождавшись ответа, Алистер продолжил:

– У тебя есть сын, Джемма, твой главный маяк в жизни. У барона Жустера никого не осталось, и он начал творить безумства. Ладно, отложим на потом беседу по душам... Джемма, слушай меня беспрекословно, не отходи ни на шаг.

– Да, мой лорд, – вздохнула я, сердясь, что он тратит время на прописные истины.

– Я не шучу. Это незаконный аукцион, Джемма. Я обвешал тебя щитами, но предосторожность не помешает.

– Кстати, а почему бы просто не окружить особняк? Устроить облаву?

– А если мы не найдем ничего противозаконного? – спросил Алистер и с иронией добавил: – Безобидные клубы по интересам не запрещены.

– То есть ты до конца не уверен, что именно здесь состоится аукцион?

– Информатор может ошибаться. Шума в прессе и обвинений в произволе властей Элгеус не хочет. К тому же я надеюсь выкупить нужный мне артефакт до того, как он исчезнет.

Прежде чем открыть ворота, Алистер активировал ожерелье.

– Это «Роковой соблазн», легендарный артефакт не менее легендарной авантюристки.

– Я знаю, – улыбнулась чародею. – Никто не может устоять перед очарованием хозяйки этого ожерелья, ее просьбы исполняются мгновенно. С таким артефактом нас точно пропустят.

– На то и расчет.

Размахивая приглашением (черной карточкой с красной закорючкой), Алистер повел меня к особняку.

Два быстрых и два с длинными паузами удара кнокером по двери – и мы замерли, ожидая, когда нас впустят. Секунды бежали, никто не спешил приглашать в дом.

Не поняла... Нас рассекретили? Алистер не похож на хозяина приглашения? В чем причина?

Если не пускают на аукцион, приглашенный, по логике, должен возмущаться. Но как именно, если Алистер не в курсе, насколько близко знаком владелец пропуска с Жустером?

Пауза затянулась. Нужно было что-то делать. И я решила проявить инициативу.

– Ты ошибся адресом, милый! – капризным тоном заявила я. – Никого нет в этом старом, грязном доме с пауками!

Алистер подыграл мне, с наигранной грубостью произнес:

– Пантерка моя, если я ошибся, то не видать тебе новых артефактов красоты.

Пантерка?.. Чудом не расхохоталась.

– О нет! Мой выдохся, нужен настоящий, из церигия.

– Следи за языком, пантерка, – мастерски играя раздражение, прошипел чародей. – Даже в чистом поле некоторые вещи нельзя произносить вслух.

Экспромт – ругающуюся пару – мы не планировали. Мы вообще не обсуждали тактику, как себя вести, если барон не пожелает открыть дверь. Но импровизировать получалось слаженно.

– Милый, меня достали твои наставления!

– Пантерка, веди себя тише!

Обращение Алистера смешило даже в непростой ситуации. «Пантерка»... хорошо, что не банальная «рыбка» или «кошечка».

Решив, что достаточно изображала избалованную дамочку, чтобы наблюдатели убедились, что мы безобидные гости, я использовала наш козырь.

Надув губы, стукнула по двери кулаком:

– Я хочу артефакт, впустите нас! Пожалуйста, впустите...

Колье едва ощутимо потеплело, согревая кожу. Глазом моргнуть не успела, как дверь открылась.

Все-таки за нами наблюдали. Поверили, что пришел тот аристократ, которого ждали? Или же повлиял артефакт на моей шее? Вопросы без ответа.

– Там темно, милый, держи меня крепче, я боюсь упасть!

– Со мной тебе нечего бояться, пантерка моя ненаглядная.

Мне нравилось играть капризную красотку, бодрило задание. Кажется, я еще та авантюристка.

В темноте шли недолго – на стене справа вспыхнули тусклые магические лампы, будто указывая путь. Несколько поворотов, затем лестница вниз – и нашим глазам открылся подземный зал, заполненный шикарно одетыми людьми в масках.

Приглушенные голоса участников и звонкий – распорядителя, стоящего на сбитом из грубых досок помосте. Перед ним на длинном столе лежали бархатные футляры всевозможных расцветок и форм. Бледно-розовая дымка над ними указывала, что драгоценные предметы прикрывал щит.

– Леди и лорды! – Шатен в белой полумаске поднял вверх коробочку с массивным медальоном. – Представляю вашему

вниманию новый артефакт из церигия, позволяющий считывать ложь. Вы сразу поймете, когда вам врут.

Пара десятков шикарно одетых людей в масках вяло торговались.

И так несколько лотов. Я и сама заскучала. Мое ожерелье вызывало больше интереса у окружающих, нежели артефакты в руках распорядителя.

Аукцион вне закона? Ну-ну, детская игра какая-то, все эти предметы можно продавать и обменивать открыто.

К тому же вычислить покупателя, нового владельца достаточно легко – большинство расплачивалось наличностью, но были и те, кто предлагал на обмен равноценную диковинку или чек на определенную сумму.

– Артефакт бесплодия, который невозможно вычислить, – объявил распорядитель, демонстрирую ажурное колечко с фиолетовым камнем. – Лишите ненавистную соперницу радости материнства, дамы!

Гости заволновались, я тоже. Мерзкий артефакт, противоестественный! Он не должен вообще существовать – натура целителя взбунтовалась и требовала избавить мир от гадости. Рано я заявила, что здесь скучно.

– Следующий лот – браслет силы. Реакции ускоряются в двадцать раз.

Настал черед оживиться мужчинам.

Следующая гадость была всем гадостям гадость – парные брачные кольца. Меньшего размера тянуло энергию из своей носительницы и отдавало обладателю второго кольца. «Умри ты раньше» – так назывался набор для черного вдовца, который сознательно решил губить молоденьких женщин, выкачивая из них жизненную силу. Мерзость, а не артефакт!

Объявление следующего лота Алистер встретил внешне равнодушно.

– Артефакт исцеления. К сожалению, в нем осталось заряда на последнее волшебство.

– Это он, – тихо произнес Алистер, не отрывая взгляда со сцены. – У генерала Вирьена был именно такой, поэтому он был в своем праве, когда сказал, что потратит последнее волшебство лишь на зятя.

Вообще-то это мог быть и другой предмет – не только род Кирайи хранил артефакты с последним заклинанием как реликвию. Я знала и другие семьи.

На помост к распорядителю подбежал худощавый мужчина в маске алого цвета. Что-то шепнул ему на ухо и... забрал футляр!

– Лот снимается с торгов, владелец передумал, – сообщил распорядитель и достал следующий артефакт.

Гости ограничились недовольными шепотками.

Алистер целеустремленно, как гончая, учуявшая добычу, молча потащил меня следом за владельцем нужного артефакта.

Мужчина в алой маске направился не в тот коридор, откуда появились мы.

Мы отставали буквально на десять шагов. Когда мужчина скрылся за массивной дверью, Алистер внезапно остановился.

– Тихо. Не шевелись.

Не один вопрос рвался с моих губ, но я пересилила любопытство и смолчала, боясь отвлечь.

Достав из кармана камзола небольшой мешочек, чародей высыпал его содержимое на пол. Плиты ярко засветились! Красные символы покрывали пол, стены и дверь. Чудом мы не успели пройти дальше и не зацепили ловушку. Что произойдет, если наступить на один из древних символов смерти, я постаралась не думать.

Поднеся к губам переговорный амулет, Алистер ровно произнес:

– Это ловушка. Не экономьте порошок шел-ола. Начинаем второй этап операции.

Захват торгашей прошел молниеносно. Ускользнуть удалось лишь мужчине с артефактом исцеления.

Дальше о скуке можно было лишь мечтать. Барон Жустер, скрывавшийся под маской распорядителя, выпил сильнодействующий яд – мне пришлось повозиться, чтобы его откачать.

– Я не выполнил условия, лучше умереть, – прошептал спасенный горестно.

– Что за условия? Мое уничтожение? – резко произнес Алистер. – Кто заказчик? Кто посоветовал использовать артефакт исцеления в качестве приманки?

Барон растянул окровавленные губы в едкой ухмылке:

– Вам до него не дотянуться.

– Кто он?

Я еще ни разу не видела у Алистера настолько страшных глаз. И голос... Даже мне захотелось удрать из импровизированной допросной. Увы, не могла – следила за жизненными реакциями барона.

– Норд ан Вордер. Он сказал, что вы не устоите перед соблазном.

Ого, Алистера заказал посол вампиров! Щедрый меценат, талантливый селекционер роз и знаменитый коллекционер древних артефактов, как восхищенно охарактеризовала его леди Брикойль, пожелал убить ее сына. Вот это злая ирония...

Алистер не удивился, услышав имя заказчика. Догадывался.

– А чем он соблазнил тебя?

Лицо барона Жустера горестно сморщилось, одинокая слеза покатила по бледной щеке.

– У вампира моя жена и дочь. Он обещал отпустить их, если я справлюсь с заданием. У меня не получилось, позвольте и мне умереть.

– Идиот, – зло припечатал Алистер. – Нужно было сразу идти ко мне!

– Как? За мной постоянно следили.

– За три месяца ты организовал неуловимые торги, отыскал бы способ встретиться.

Алистер отошел в сторону, чтобы поговорить с кем-то по амулету. Я в очередной раз обезболила барона, прибавив чары успокоения.

Как ни прислушивалась к разговору Аламейского, сумела выцепить одну фразу: «Плевать на скандал, Норда ан Вордера нужно брать».

Я передала барона другому целителю, и мы смогли покинуть особняк.

Время перевалило далеко за полночь. Ощутимо похолодало – дул ветер с севера.

Алистер заметил, как я поежилась, и тотчас набросил мне на плечи свой камзол. Потеплело вмиг на душе от внимательности мужчины.

– Я надеюсь, ты найдешь нужный артефакт.

Уголок рта дернулся, но Алистер промолчал.

– И буду молиться, чтобы вы успели спасти семью барона.

– Спасибо. – Он с неторопливой нежностью провел кончиками пальцев по моей щеке и обнял.

После пережитого все еще лихорадило, и руки Алистера дарили необходимую защиту и уверенность, что все будет хорошо.

Наши объятия были до грусти короткими, но бесконечно теплыми. Желанными до боли...

Целомудренно поцеловав в нос, Алистер попросил:

– Будь аккуратней.

– Ты тоже не геройствуй, – отозвалась я тотчас.

Чародей передал меня в руки Хельца, велел везти в управление.

Конфискованные артефакты уже направлялись туда в четырех служебных каретах с медвежьими гербами. Их было не так уж много, просто каждый упаковывался в особый кофр с защитой. Классифицировать предстояло быстро – среди артефактов могли быть опасные, дремлющие ловушки вампиров.

Я была не прочь отправиться на работу сейчас – все равно не усну после такой эмоциональной встряски.

Уже в дворцовом саду накатило ошеломляющее понимание. Мы с Алистером могли погибнуть! Ох, если бы зацепили хоть крайнюю руну ловушки, Оливер остался бы без мамы...

Стало страшно за сына до одури. Нет, надо быть внимательнее в следующий раз. Алистер молодец, ему не занимать опыта и наблюдательности, да и интуиция невероятная, напоминает драконье чутье на опасность. И все-таки даже ему, универсальному чародею, не помешает бдительность еще одного человека.

Через несколько часов после рассвета, закончив осмотр тарелки из церигия, которая позволяла есть горы еды и не толстеть, я потянулась за очередным футляром.

– А нет уже, – нервно дернув седым усом, сообщил старший артефактор. – Это был последний.

– И времени уже восемь утра, – отозвалась мастерица Айвен, устало откидываясь на спинку стула. – Пора на работу.

– С которой мы не уходили, – хмыкнул ее сосед.

Господин Гробкин недовольно посмотрел на них через свой магический монокль.

– Забавненько, хотите еще работать после бессонной ночи? А ну, подорвали зады! Все по домам, отсыпаться!

Приказ старшего артефактора восприняли с энтузиазмом – мастера и одна мастерица принялись быстро убирать рабочие места. Дотошный господин Гробкин только довольно улыбался, наблюдая за их торопливостью.

Если в день знакомства он мне не понравился своими застывшими взглядами на артефакторов-женщин, то теперь вызывал уважение. Перестраховщик, немного самодур, но в целом нормальный, опытный специалист в своем деле. Дед нашел бы с ним общий язык, а может, они даже знакомы...

– Скажите, лорд Аламейский еще не вернулся? – поинтересовалась я у боевого мага, на всякий случай дежурившего в комнате артефакторов.

– Нет, госпожа Рутшер. Мне велено сопроводить вас к карете, когда закончите с классификацией.

Вздыхнув, я тоже принялась собираться.

Уже в извилистом коридоре дворца нас с боевиком догнала Айвен и, взяв под руку, весело призналась:

– Это был самый сумасшедший, тяжелый и в то же время прекрасный рабочий день! Точнее ночь.

– Почему?

– Я впервые почувствовала себя частью команды, а не наглой самозванкой.

– Рада за тебя, – улыбнулась через силу.

Закончив с конфискованными артефактами, я могла думать лишь об Алистере. Сумел ли он спасти семью барона Жустера? А задержать посла? Отыскать мужчину в алой маске, унесшего артефакт исцеления? Столько вопросов! И никто не спешил меня просвещать.

– Господин Гробкин сегодня поразил в самое сердце, когда лично сходил тебе за чаем.

Я коснулась ожерелья, которое забыла снять, и покраснела.

– Неудобно получилось...

С напитком случайно вышло. Я всего лишь обмолвилась, что хочу пить и была бы признательна за чашку чая.

Ближе всех находился главный артефактор, на него и пришлось все влияние артефакта. Удивительно, что никто не опознал на моей шее «Роковой соблазн». Впрочем, могли оставить замечания при себе.

– Неудобно? Брось, немного галантности нашему сухарю не помешает. – Айвен тихо рассмеялась и беззлобно подколола: – И чего я не прихожу на работу принарядившись? Буду исправляться.

– Давай, мне нравится идея, – поддержала ее на полном серьезе.

Айвен даже сейчас оставалась «своим парнем», что неправильно. Артефакторам не помешает увидеть, что коллега у них не только умная, но и очаровательная девушка. Может, шутки станут не такими циничными и атмосфера в отделе потеплеет.

Преподавательница гармонии на лекциях заверяла, что чисто мужские, как и чисто женские рабочие коллективы, менее сплоченные и дружные. Первые напоминают поле боя, вторые – змеиные гнезда сплетниц.

Мастерица дошла со мной до кареты и поспешила домой, с трудом подавляя зевки. От предложения подвезти она отказалась, с опаской покосившись на Хельца, восседавшего на козлах.

Демон помог мне подняться в карету и погнал лошадей так, как будто за нами гнались его сородичи. И это ранним утром, когда движение на дорогах оживленное!

Прошло несколько минут, и я мысленно поблагодарила Хельца за скорость – спать хотелось нещадно. Напряжение, скопившееся за ночь, оставило меня без сил.

Спать... Боги, как же я хотела спать!

Смутно запомнила, как мы приехали в поместье, и, щедро разрешив Оливеру с Лил делать все, что заблагорассудится, лишь бы меня не трогали, я вырубилась.

* * *

Пробуждение напоминало призыв некромантом духа. Теперь я понимаю, почему они приходят – настойчивый бубнеж кого хочешь достанет.

– Джемма, эй... Джемма...

Женский шепот вторгся в приятный сон с участием Алистера, вызвав волну досады.

Коротенькое заклинание бодрости, которое постоянно выручало в годы студенчества и войны, вспомнилось с первого раза. Я открыла

глаза и увидела взволнованное лицо Ари.

– Я реквизит не вернула, поэтому ты здесь?

Гример-костюмер команды герцога досадливо поморщилась.

– Меня не интересуют такие мелочи. Что слышно о наших мужчинах? Бенджи все еще не вышел на связь, а в городе было такое...

Ее голос сорвался.

Я подскочила на кровати.

– Что?.. Что случилось в городе?

Ари нервно сглотнула.

– Посольство Орбирии сгорело. Но сначала были сильные взрывы. Люди паникуют, по городу разъезжает королевская гвардия наравне со стражами.

Ого... Элгеус опасается беспорядков?

– Мне жаль, но я ничего не знаю. Я спала.

Ари выглядела разочарованной.

– Хорошо, я попытаю еще Картера.

– И мне расскажи, что узнаешь.

– Обязательно, – отозвалась Ари уже в дверях и ушла.

Я же торопливо привела себя в порядок.

Спустившись на первый этаж, убедилась, что Ари не преувеличила. Слуги ходили удрученные. Слово «война» услышала дважды, и мое настроение потускнело.

Отказавшись от обеда, я вышла на террасу, где дышалось свободней.

– Госпожа Рутшер. – Демон появился сзади бесшумно, немного напугав.

– Да, Хельц?

Когда я обернулась, он протянул светящийся зеленым амулет связи.

– Герцог желает с вами побеседовать.

– Алистер? – Я стиснула артефакт в руке, радуясь уже тому, что чародей жив. – Как ты?

– Джемма, поместье не покидай, в городе волнения.

Его голос звучал устало.

– Что происходит, Алистер? Ты в порядке? – Заметив вышедшую на террасу Ари, я добавила: – Ты и команда в порядке?

– У нас нет потерь, скоро будем дома. Подробности потом.

Артефакт перестал сиять – чародей деактивировал заклинание.

– Никто не пострадал, скоро вернутся домой.

После моих слов Ари бросилась обниматься.

– Они живы, слава богам! – Она горячечно делилась страхами. – Там такие клубы дыма были... Оглушающие взрывы, огонь до небес. Потом здание посольства вообще ушло под землю... Маги еле-еле остановили разрастающуюся пропасть.

Боги, какие страшные подробности! И она не сказала сразу, щадя меня? А ведь бояться вдвоем легче.

Я крепко стиснула Ари, молчаливо благодаря за великодушие.

– Ладно, я домой, ждуть Бенджи.

В одиночестве я оставалась недолго – на террасу вышел Картер.

– Госпожа Рутшер, меня отправили поинтересоваться, будете ли вы обедать. Если ответ отрицательный, на кухню мне лучше не возвращаться.

Приятная забота, неожиданная.

– Передайте Лэнии, что я голодна, как стая волков.

Я не успела допить чай, как на террасу, размахивая свернутой в трубку газетой, вылетела леди Брикойль. Бедная, наверное, переживает, как там сын.

Приготовившись успокаивать, совсем не ожидала ее следующего поступка.

Она запустила в меня газетой, как копьем.

– Что это?! – светская львица практически рычала.

Я разгладила резко пахнущие типографской краской листы «Голоса Церестана».

Первая полоса бросалась в глаза благодаря огромному заголовку: «Пока невеста подбирает фасон свадебного платья, помощница герцога уже определилась».

Дальше взгляд скользнул на цветной магснимок. Алистер держал в объятиях роскошную красотку... точнее меня, в бесстыдно откровенном платье. Что он собирался делать, склонившись так низко, догадался бы и ребенок. А он поцеловал меня в нос... Теперь даже обидно. Столько страсти, жара во взгляде – а ничего крамольного и не было.

– Я спрашиваю у тебя, что это такое?

Глаза у леди Брикойль не бешеные, но около того. Кажется, меня сейчас покусает.

– А это газета, – улыбнулась я, спокойно выдерживая убийственный взгляд в ответ. Хотя эта моложавая блондинка – мать Алистера, бояться я ее не собиралась, как и тушеваться.

– Как ты посмела целоваться с моим сыном? С моим помолвленным сыном!

Я вскинула брови.

– И где вы видите поцелуй? Я знаю одно замечательное зелье, которое возвращает былую зоркость...

Леди усмехнулась и, царственно опустившись на ближайший стул, предложила:

– Давай поговорим, как мать с матерью. У тебя ведь тоже сын, и ты волнуешься о его благополучии.

Заняв соседний стул, я кивнула:

– Я не против разговора.

– Не порти репутацию Алистера!

Искренне удивилась:

– И как же я ее порчу?

– Был бы он холост, я бы так не переживала о том, что о нем станут говорить в светском обществе!

Врет и не краснеет. Переживала бы еще больше, но только о том, что я потащу его в храм Гармонии. Порчу репутацию ловеласа... Предлог наорать на меня надуманный – репутацию повесы, в чью кровать очередь на год, уже ничем не испортишь.

– Пойми, Джемма, он второй по влиянию после короля, на него смотрит аристократия, народ... Герцогу нужна правильная жена.

Я молчала, позволяя леди Брикойль выговориться.

– Алистеру подойдет юная девочка, спокойная, с хорошей репутацией и вереницей благородных предков за спиной.

А это уже похоже на правду. Я пришлась не ко двору, в отличие от племянницы.

– Кирайя далеко не юная девочка. Сколько лет уже длится помолвка и когда она была заключена?

По моим подсчетам, леди Вирьен исполнилось лет двадцать шесть – двадцать семь. Для магички не возраст, но аристократке давно пора замуж.

– Не важно, сколько Кирайе лет, – отмахнулась леди. – Главное, что ты не пара моему сыну. Кто ты, Джемма? Магичка без диплома, вдова с ребенком, у которого дар универсала, но это не плюс, скорее минус. Как у обыкновенных магов родился столь одаренный ребенок? Твой муж – точно его отец?

Женская интуиция порой поражает.

Не дождавшись ответа, мать Алистера продолжила перечислять мои недостатки:

– Ты всего лишь целительница, которая ничего не сможет дать моему сыну. Ни связей, ни родословной. В твоём прошлом не покопается только ленивый, да и то потому, что ему все пикантные подробности перескажут другие. И что они найдут в прошлом целительницы, побывавшей на войне? Думаешь, я не имею представления, что творили девчонки, когда осознавали, что могут умереть в любой момент? Скажи, сколько у тебя было любовников?

– А у вас?

Леди открыла рот. Закрыла. Нахмурилась.

– Вы ведь тоже вдова? – невинно поинтересовалась я. – Трижды, если не ошибаюсь? Черная вдова, получается? Ваши мужья хоть своей смертью умирали?

Да, я потеряла осторожность, но слова женщины и последние события сделали меня чересчур смелой. Мне не хватило мудрости и выдержки быть дипломатичной.

Лицо леди Брикойль побагровело.

– Да как ты смеешь?!

Она вскочила со стула, потрясая руками, на которых танцевали оранжевые язычки пламени.

Прости, Алистер, но, если твоя мама набросится на меня, бегать ей в туалет с диареей.

Столкновения магии огня с профилактической чисткой кишечника не состоялось.

– Джемма! – снизу, из сада, закричала Лил. – Оливер упал с лошади! Прямо в розы!

Глава семнадцатая, в которой есть шипы роз и давних обещаний

Даже если в руках целителя побывали жизни тысячи пациентов, когда приходится спасать своих родных, они дрожат. И руки, и целитель.

Я быстро приструнила испуг. Сейчас Оливеру нужна не льющая слезы мать, а уверенная в своих силах целительница.

К моменту, когда я спустилась в холл, там уже был Хельц с бесчувственным Оливером на руках, обеспокоенная Лил и суетящиеся слуги.

– На будущее совет: упавших двигать с места нельзя! – сообщила Хельцу резко.

– У него только раны от шипов и перелом руки, – невозмутимо отозвался демон.

Я обернулась на перепуганных зевак и раздала поручения:

– Мне нужна горячая вода и чистая ткань для перевязки!

Лэния и ее помощницы поспешили на кухню, Картер – на второй этаж.

– Лил, мою сумку!

Девушка метнулась за зельями и артефактами.

Хельц опустил Оливера на диван.

– Аккуратнее, шипы, – напомнила я.

Демон отступил в сторону, чтобы не мешать.

Диагностирующее заклинание – и я выдохнула. Хельц не ошибся: черепно-мозговой травмы и серьезных ушибов нет – розы смягчили падение. Зато есть перелом левой руки, закрытый. Плохо, что к нему добавились царапины и глубокие проколы ядовитых шипов.

Обезболив Оливера, вспорола рубашку ножом, который молчаливо протянул Хельц. Несколько заклинаний, чтобы подстегнуть регенерацию, и шина из плоской деревянной ложки, чтобы зафиксировать кость, и я занялась царапинами.

Сняв оставшуюся одежду, убедилась, что ребенок расцарапал руки и спину. Вытащив колочки и кое-где их обломки, вымыла из

ранок яд. Особая мазь должна сыграть роль противоядия, обезболить и снять припухлость.

Досталось Оливеру. Перелом волновал не так сильно, заживет за несколько дней. А вот шипы с малоизученным ядом пугали. Самый глубокий прокол пришелся под левую лопатку, прямо в родимое пятнышко, напоминающее распахнувшую крылья хищную птицу с массивным клювом. Место успело опухнуть, и «птичка» выглядела перекормленным каплуном.

Щедро смазав мазью, прикрыла куском стерильной ткани. Уже собралась привести сына в чувство, как сзади прозвучало отчаянное:

– Мальчик опухает из-за роз? Ты говорила, они ядовиты.

Белая, словно молоко, с которого сняли сливки, леди Брикойль не сводила с Оливера потрясенного взгляда.

Никогда не видела травмированных детей? Странно, ведь маленькие чародеи притягивают неприятности! Впрочем, раз Алистер учился в пансионе, то леди Брикойль не доводилось залечивать разбитые носы и коленки.

– У многих людей аромат орбирийских роз вызывает симптомы простуды, у кого-то непрестанно болит голова. Но главная опасность – колочки. Царапины превращаются в шрамы, а если проколов много, человек умирает.

– Я не знала. – Губы у леди дрожали.

– Кстати, вы никогда не задумывались, что моду на свои розы орбирийцы привили не из добрых побуждений? Аромат затуманивает разум среднестатистического церестанца, к нему легко втереться в доверие.

– Похоже на теорию заговора, – пробормотала леди задумчиво и сменила тему: – А ты отличная целительница, ни разу не задумалась, что делать.

Похвала?... Такое ощущение, что она пытается ко мне подлизаться. Только зачем?

Прогнав глупые мысли, проверила еще раз все места, исколотые розами. Краснота и припухлость уходили. Можно выдохнуть и приводить Оливера в чувство.

– С мальчиком все будет хорошо? – Леди Брикойль все еще не ушла.

– Да, если сейчас разбудить, будет дальше бегать. – Ответ мой прозвучал суховато, но подбирать слова совсем не хотелось.

– Подожди, не буди! Нужно это убрать, чтобы не испугался.

Когда утонченная блондинка, не боясь испачкать дорогое платье, принялась собирать окровавленные куски ткани и бинтов, я не поверила своим глазам. Оливер привык к виду ран, не испугался бы, но забота леди Брикойль о его душевном состоянии тронула.

А леди, видать, гложет чувство вины. Ее розы нанесли увечья, теперь она переживает. Интересно, как долго продлится это состояние? И как скоро мне выставят счет за испорченные розы?

Я разбудила Оливера приблизительно через час уже в спальне, куда его перенес следовавший за мной тенью Хельц.

Очнувшись, мальчик принялся торопливо оправдываться, заверять, что это досадная случайность.

– Мам, это слепень лошадь укусил, она и взбрыкнула! Я хороший наездник!

– Ты сломал руку, Оливер.

– Мама, я больше никогда-никогда не буду падать... – Горячие заверения сын прервал неожиданным вопросом: – А чем это воняет?

Беспокойство возросло до небес. Вспомнились беспорядки в Караизе и пожар в посольстве вампиров. А если на особняк герцога Аламейского напали в отместку?..

Я бросилась к открытому окну, выходящему в сад.

Горели розы. Взлелеянные цветы леди Брикойль пылали веселым оранжевым пламенем. Сама она уже направлялась в дом. И ни разу не обернулась.

После ее обвинений и оскорбительных слов в адрес моей репутации сожжение роз казалось нелогичным. Скорее, я ждала недовольства, что Оливер, упав, сломал драгоценный кустарник. Но она сумела меня поразить.

Дверь в спальню осталась приоткрыта, но мать Алистера все равно постучала.

– Я могу войти?

Оливер торопливо приподнялся на здоровой руке.

– Пожалуйста, входите!

Глаза у женщины были красными – успела надышаться ядовитым дымом? Или... плакала?

– Кажется, вы отравились тоже, – предположила я, выбрав самый правдоподобный вариант. – Голова кружится?

– Глупости, я далеко не неженка, – отмахнулась леди и подошла к кровати. – Как ты себя чувствуешь, малыш?

Нужно было видеть возмущение на лице Оливера.

– Я давно уже не малыш!

По-доброму улыбнувшись, леди Брикойль согласно кивнула:

– Простите, молодой человек. Как рука? Болит?

Покачав головой, Оливер сделал вполне взрослое признание:

– Ничего не болит, кроме гордости, – я же случайно упал.

Леди Брикойль кивнула.

– Даже опытный наездник порой оказывается на земле, не стоит этого стесняться. Не надо бояться упасть, если ты потом поднимешься. Отдыхай, Оливер.

Леди Брикойль ушла, и я спросила у затаившейся возле окна Лил:

– И что это было?

– Чувствует вину, что возвращала хищные розы, которые навредили ребенку?

Зевнув, Оливер упрямо повторил:

– Я не ребенок.

Смешной... Для матери всегда ребенок даже тот, у кого пробиваются усы.

Алистер вернулся поздно ночью. Я ждала его и не сумела скрыть радость, хоть рядом находился Картер. Я бросилась к мужчине, толком не осознавая, как это неприлично. Сейчас объятья чародея – самый надежный щит ото всех опасностей в мире. Лишь оказавшись в кольце мужских рук, я испытала невероятное облегчение. Алистер жив и невредим. Он рядом!

– Я так переживала... Я и подумать не могла, что это ловушка.

Тело Алистера напряглось.

– Моя ошибка. Слишком увлекся погоней за артефактом.

– Но ведь все обошлось?

– Моя команда не пострадала, среди простых горожан есть раненые, посол ушел с помощью телепорта. Орбирия официально заявляет, что не имеет отношения к инциденту – якобы у Норда ан Вордера личные счеты со мной. И он снят с должности посла.

– То есть отношения между странами прежние? Войны не будет?

- Напряжение усилилось.
- А родные Жустера? Вы нашли их?
- Да, они в порядке и уже воссоединились с ним.
- Что ждет барона?

Если классифицируют как предательство родины, он потеряет все: титул, деньги, свободу.

– Будет работать на благо страны, – ответил Алистер, запуская пальцы в мою прическу. – Он по-своему гений: за три месяца обзавелся связями в криминальном мире, нашел подход ко всем аристократам, чья мораль с душком. Такими кадрами разбрасываться нельзя.

– Какой ты хозяйственный, – пошутила я.

– Такова политика Элгеуса, – не стал принимать похвалу Алистер. – Некоторых особ, которые ему служат, я бы давно ликвидировал.

– И суровый, – улыбнулась я, прижимаясь щекой к твердой груди чародея. Я готова стоять с ним так целую вечность, но не дадут же...

Покашляв, Картер напомнил о своем присутствии:

– Милорд, вам письмо. Принесли почти сразу после возвращения госпожи Рутшер.

– Хорошо, посмотрю утром.

– Курьер настаивал, что это срочно. Он даже пытался дать мне взятку, чтобы я не забыл вручить вам сразу, как вернетесь.

Алистер оживился.

– И много предлагал?

Управляющий назвал сумму – чародей присвистнул.

– В следующий раз бери, Картер, не стесняйся. Где письмо? Наверняка там нечто смертельное.

Мрачная ирония Алистера порой пугала, но была частью его личности, которую я всецело принимала.

Он не разрешил Картеру принести конверт – мы перешли в кабинет.

Оно одиноко лежало на краю письменного стола. Алистер вскрыл его после тщательной проверки. Ощущение повторения: грубая бумага скрывала уже знакомый желтый конверт с гербом Орбирии.

Прочитав послание, Алистер показал его мне.

– Приглашение на бал по случаю возвращения Норда ан Вордера домой, – восхищенно объяснил он. – Мерзавец знал, что я попытаюсь его арестовать, и играет со мной.

Приглашение – всего лишь кусок бумаги, но опаснее ядовитой змеи.

– Что будешь делать? – осторожно поинтересовалась я, надеясь, что Алистер не решится на риск.

– Разумеется, я приму вызов.

– Ты отправишься в Орбирию?!

Я предполагала, но не верила, что он способен на безумие. А это безумие, чистое безумие идти туда, куда активно заманивают!

– Я обыграю Норда ан Вордера, – пообещал Алистер азартно. – Я появляюсь на приеме, еще и уведу артефакт, который он использует как приманку.

– И как ты это сделаешь?

– Повторю предыдущий прием – он вряд ли будет ожидать.

– Опять выдашь себя за кого-то другого? – Я не верила своим ушам.

– Грим Ари и немного иллюзий – и я войду в особняк ан Вордера незаметно.

– Я с тобой.

Довольное выражение покинуло лицо Алистера.

– Нет.

– Как ты найдешь артефакт исцеления в чужом особняке, где хранится самая большая коллекция церигия в Орбирии?

– Ты останешься в Церестане, Джемма. Я не стану рисковать тобой и тащить в Орбирию.

– А как же артефакт? – Я решила надавить на больное. – Без меня ты его не найдешь и не сведешь шрамы! Ради поиска артефакта исцеления ты меня и нанял!

Алистер не поддался на провокацию, оставаясь невозмутимым.

– Я не знал, как забрать тебя в Караиз, и придумал повод. А артефакт... Теперь он мне нужен лишь для отмены клятвы.

Сердце екнуло, предрекая, что мне не понравятся подробности.

В полумраке кабинета Алистер выглядел настолько уставшим и потерянным, что сочувствие пересилило страх. Его мучает недосказанность. Пора освободить его от нелегкой ноши.

И я задала вопрос, ответ на который мне вряд ли придется по вкусу:

– Что за клятва?

Подойдя к окну, Алистер немного помолчал и рассказал о собственной неосторожности. О том, как в горячке, поддавшись сильным эмоциям, легко загнать себя в ловушку.

– Я был одержим желанием убрать рабское клеймо. И дал клятву, что, как только получу артефакт исцеления от семейства Вирьен и сотру шрам со спины, сразу женюсь на Кирайе.

Я сглотнула горький ком в горле. Вот это новость... Алистер или женится на Кирайе, или останется холостым.

– Есть три способа избавиться от довлеющей клятвы: Кирайя выйдет замуж за кого-то другого; найти необходимый артефакт и убрать клеймо, тем самым аннулировать клятву; доказать, что Вирьены мошенничали. Я все больше убеждаюсь, что выкраденный грабителями предмет – всего лишь современная реплика или настолько разряженный древний артефакт, что его силы не хватит на демоническую метку. Но даже если я ошибаюсь, все равно не стану пользоваться артефактом Вирьенов, чтобы не выполнять условия клятвы.

– Корявая клятва, – прокомментировала я отстраненно.

– Согласен, я был неадекватен, а генерал никогда не умел их составлять. Зато у меня остались лазейки, как не жениться.

– Как и у них – не отдавать тебе артефакт, но заставить ходить в женихах.

Алистер промолчал.

Страшная ситуация. И на первый способ, разрыв договора со стороны невесты, можно не рассчитывать. Мошенничество можно доказать, если Алистер найдет пропавший артефакт, – родовые, то есть те, которые мастер делал для определенной семьи, обязательно подписывались.

– Позволь помочь тебе, – мягко попросила, опуская ладонь на каменное плечо.

– Нет, Джемма, я пойду к ан Вордеру один. – Алистер обернулся и притянул меня к себе.

– Ты разве не сможешь защитить меня от кучки вампиров? – Я понимала, что он не поведется на подначивание, ну а вдруг? – Возьми

меня с собой, или я...

Не договорила, гадая, чем можно пригрозить.

– Или ты?.. – проявил нетерпение чародей, круговыми движениями гладя мою спину.

– Или я уволюсь!

– Это шантаж, – криво усмехнулся Алистер. – Но мне нравится, что ты осмелела.

– Да, и я не отступлюсь, пытаюсь уберечь то, что мне дорого. Спокойной ночи, Алистер.

Он заломил рассеченную шрамом бровь и тихо ответил:

– И тебе спокойной ночи, Джемма.

Подозреваю, что, как и я, он спал плохо.

* * *

Летняя ночь дышала сладковатым ароматом орбирийских роз. Открытые окна в особняке Норда ан Вордера позволяли чарующим звукам музыки вырываться в сад. Бесконечный поток экипажей с орбирийцами в элегантных одеждах не иссыхал.

Открытый экипаж остановился возле особняка бывшего посла вампиров в Церестане. Впереди еще четыре кареты, из которых не вышли гости.

Прием грандиозный, приглашенных сотни. И чего Алистер упирался? В людском море легко затеряться.

И да, я все еще не верила, что у меня получилось.

Из-за упрямства одного вредного чародея я сорвала горло, до хрипа доказывая, что он должен взять меня с собой. Смысл ехать на прием, рисковать жизнью, чтобы вернуться с пустыми руками? Только я могла найти артефакт исцеления за несколько минут, не мечась по всему дому.

Алистер понимал все прекрасно, но рычал на меня раненым зверем.

Я в ответ решительно собирала вещи. Вскоре весь дом был на моей стороне, даже Хельц порекомендовал уступить, дать то, что я просила. Правда, в конце припечатал: «Хватит лютовать и на людей бросаться, уединитесь и проясните уже отношения... горизонтально».

Охальник, ему абы демоническим языком чесать!

Как ни странно, вскоре меня поддержал король – он вручил Алистеру два мощных телепортационных амулета в виде рубиновых браслетов, которые в случае опасности должны перенести нас в приграничный гарнизон Церестана из любой точки Орбирии.

Это все и решило. Алистер сдался, уверившись, что возможность быстрого отступления у нас есть.

Его план заключался в том, что на прием мы должны явиться под видом четы Филтон, церестанского посла и его супруги.

Ари легко подобрала грим и пеструю одежду для начальника, сделав его похожим на настоящего Филтона. Но сейчас напряжение заострило черты лица Алистера, придавая временному облику флер опасности, и даже бордовый камзол не спасал ситуацию. Экстравагантный Филтон больше не казался добряком.

Мне же пришлось покрасить волосы в медный и ждать, пока будет готово специальное белье под алое с зеленым платьем. Супруга посла любила одежду сочных цветов и обладала поистине пышными верхними и нижними формами при тонкой благодаря корсету талии. Эдакие ярко выраженные песочные часы.

К превеликому сожалению, иллюзии использовать нельзя. И в жару мне пришлось надеть корсет, прицепить внушительную ложную грудь и грандиозный зад... Изначально у нас с леди Филтон была одинакова только форма лица. После трехчасовой работы Ари я могла обмануть знакомых леди, что уж говорить о вампирах, которые видели ее нечасто.

Хельцу также пришлось измениться: Ари загримировала его под смуглого брюнета и передела в желтую ливрею. Демон кривил тонкие губы, но молча терпел.

– Готова? Скоро черед нашей кареты. – Договаривал фразу Алистер уже отстраненно.

Я проследила за его взглядом. Из особняка вышел встречать новоприбывших дам щуплый блондин с синей татуировкой на виске.

– Хельц, мы уезжаем, – напряженно сообщил Алистер. – Если привлечем внимание, гони так, как будто наш общий враг ожил и рвется нам отомстить.

Демон понятливо кивнул – его ложные черные волосы качнулись, напоминая крылья всполошенных воронов.

– Мы не пойдём на приём? Почему?!

Я не беспрекословно подчиняющийся Хельц, мне необходимы ответы.

– В этом больше нет необходимости. Блондин с тату поможет разорвать мою клятву.

– Как? – Я ничего не поняла.

– Одно время он был частым гостем в доме Вирьенов.

У меня голова пошла кругом от скупого объяснения. Как это поможет разорвать клятву?.. Как?

– Алистер! Почему мы отступили?! – Моему негодованию не было удержу.

– Интуиция, – обронил он, зорко оглядываясь по сторонам.

Мне стало горько. Все ясно, он боится подвергнуть меня опасности. Хотелось плакать от обиды.

Наш экипаж выехал из очереди и бодро покатил обратно в город по мощенной желтым камнем дороге. Ворота поместья чуть не закрылись перед нами – демон успел проскочить.

Оказавшись за оградой, лошади понеслись так, как будто на хвостах висели демонические твари.

– Быстрее, Хельц! – вскричал Алистер, поднимаясь во весь рост.

Нас ждали. Откуда-то сверху прилетели черные болты, сгоревшие в алом щите чародея. Не дожидаясь второй волны, Алистер послал арбалетчикам ответ – рой багряно-черных искр.

Наше поспешное отступление привлекло внимание! Нужно было действовать по плану, чуть подкорректировав его.

Впереди на дорогу упало толстое дерево.

Хельц развернул лошадей вправо, объезжая преграду и уводя из-под удара второго рухнувшего дерева.

Одной рукой вцепившись за стенку экипажа, второй я придерживала Алистера за ногу, чтобы не выпал.

Лошади будто плыли по воздуху, выбивая копытами пламя. Яростное гудение огня под колесами, оранжевые искры в гривах скакунов... Да это же не кони! Демоническая упряжка! Твари, замаскированные под обычных животных!.. Не знаю, откуда они у Алистера, да и плевать, лишь бы вывезли нас!

Страх усилился, но к нему примешалась надежда вырваться из окружения.

Из темноты на освещенную фонарями дорогу выскочили пешие, вылетели конные маги в черном.

Руки Алистера сплетали воздушные вихри, сносящие всадников вместе с лошадьми. С его ладоней летели огненные шары и ледяные копья. Черный некромантский туман сжигал вампиров, за секунды превращая в прах. Универсал в действии – Алистер не повторялся в заклинаниях, не позволяя противнику сориентироваться и выставить подходящую защиту.

И все же вампиров было больше, а резерв даже у чародея не бездонный.

– Аламейский! Сдавайся – и мы отпустим твою женщину! – Усиленный магией голос прогремел над нашими головами.

Ультиматум подкрепила череда черных болтов, вязнувших и сгорающих в щите. До одури стало страшно. Разум спасовал, остались только эмоции.

– Не вздумай! – Я с отчаянием скомкала край камзола Алистера. – Я тебя не брошу! Я люблю тебя!

Загримированное, но невероятно родное лицо чародея озарило безбрежное счастье.

– Хельц, ты прыгнешь с нами? – перекрикивая гудение щита, спросил Алистер.

Прыгнешь?.. Ох, а ведь у нас есть артефакты переноса от короля! Как я могла забыть?

– Уходите сами. – Хельц размял шею. – Я давно не веселился.

Он ухмыльнулся, обнажая белоснежные клыки, повернулся к нам спиной и...

...и нелепую желтую ливрею разорвали черные крылья.

– Пора! – Алистер обхватил меня за талию, загоразвивая собой видение кожистых крыльев.

Лишь в этот миг я в полной мере осознала, кто такой Хельц. Не просто рядовой демон. Из высших, лишь у них были крылья. Тех, кто вел за собой остальных демонов.

Мгновение на осознание – и мир скрыла вспышка света.

Нас закружило. Завертело, как в смерче.

Горячо... Как же жарко!

Я ощутила слабость – резерв опустошался, хоть я не магичила. Что-то не так...

– Держись! – крикнул Алистер, крепче обнимая.

Нас вышвырнуло из света во тьму. Из обжигающего жара в холод.

Оказавшись в ледяной реке, я ахнула. Наглотаться воды и пойти ко дну не позволил Алистер – вытащил на пологий берег.

– Где мы? – прокаркала я. – Почему мы тут?

Горло болело, похоже, я кричала, пока нас тянул портал.

– Что-то сбило направление переноса, да? Вампиры предполагали, что мы уйдем с помощью артефактов, и попытались помешать...

Алистер не отвечал – осматривался вокруг.

Здесь росли высокие хвойные деревья, и я запаниковала. Лес и река?.. Приграничье – это бескрайние поля. Нас выбросило раньше? На территории вампиров?!

Чародей на миг закрыл глаза.

– Хм, а ведь это Вырвица. – Он указал на реку. – Мы в Церестане, Джемма.

Как он это определил, уточнять не стала. Я выдохнула. Хотелось плакать. Пережитое нападение, неудача, сбой в работе артефактов перемещения... Я не ждала столько сложностей. И то, что мы вернулись без трофея, удручало. Столько усилий впустую!

– Почему мы даже не попытались?.. – Вопрос вырвался вслух.

– Есть и другой способ отменить клятву.

Дурацкое платье и накладки для пышных форм отяжелели от воды и не способствовали благодушию.

– А если ты ошибаешься и тот орбириец с тату – всего лишь случайный знакомый генерала?

– Какой случайный? Наши страны на грани войны, не будь наивной, Джемма.

Я понимала, к чему Алистер клонит. Если отец Кирайи работает на вампиров, клятва ему недействительна, ибо он нарушил заветы богини Гармонии. И все же боялась поверить.

Подав руку, Алистер сообщил:

– Если я не перепутал местность, поблизости есть гостиница.

Первая отличная новость!

– Тогда чего мы ждем?

Приободрившись, я сделала несколько шагов и сломала каблук, запнувшись за корень.

– Мы можем открыть телепорт?

– Нет. Артефакты испорчены, – спокойно отозвался Алистер и подхватил меня на руки.

– Испорчены?..

Я посмотрела на подарок короля. Ох, в самом деле, на моем браслете рубины выпали из оправы.

– Это ведь случилось уже после нашего перемещения?

Алистер угукнул.

Соврал. Переход был странным, не в гарнизон, зато в знакомую чародею точку. Богиня, он что, еще и маг пространства?..

Новая грань таланта моего любимого мужчины почти не удивила. Универсал – не просто красивое слово. Даров много, какие-то из них отточены до идеального состояния, какие-то совсем не развиты.

Глава восемнадцатая, в которой совет Хельца воплощается в жизнь и чародей получает самый лучший подарок

– Лорд Филтон! Мы рады видеть вас с супругой в «Золотом дубе». Наш лучший номер свободен и...

– Берем. Ужин в комнату и не беспокоить до утра.

– Разумеется, лорд Филтон! Я вижу, как устала ваша супруга...

Радостно-подобострастный голос вырвал меня из сна.

– Поставь меня на ноги, пожалуйста, – попросила Алистера виновато. Я уснула, а он на руках тащил меня от реки до гостиницы!

Алистер беспрекословно исполнил мою просьбу.

Покачнувшись, я схватилась за плечо мнимого супруга.

– Доброй ночи, – манерно, как учила Ари, произнесла я.

– Доброй ночи, леди Филтон, – заикаясь и глядя поверх моей головы, отозвался молодой человек.

Рука, в которой он протягивал ключ от комнаты Алистеру, мелко дрожала. Что это с ним? Боится нас?

Поднимаясь по ступеням, опустила голову. Моя ложная грудь перекосилась... Вот почему служащий гостиницы так побелел!

Леди Филтон, если судить по заметкам в газетах, слыла склочной особой. Могла устроить многочасовой скандал из-за не стоящей внимания мелочи, не того цвета салфеток например. А тут целая грудь, точнее ее половина, которая покинула надлежащее место, сместившись влево... Три груди – весомый повод для смущения. Свидетеля подобного конфуза настоящая леди наверняка бы загрызла.

Я поделилась предположением с Алистером. Он покосился на мое декольте и не сдержал смехок.

– Кхм, леди Филтон с лишней грудью...

– Почему лишней? Запасной!

– О боги, Джемма, я обожаю твое чувство юмора!

В роскошный номер мы ввалились, громко, от души хохоча. Со смехом выходило напряжение и пережитый страх.

– Чур, я первая в ванную, – быстро сориентировалась я.

Насладиться горячей водой не вышло – ни корсет, ни накладки самостоятельно снять не удалось.

Набросив гостиничный халат на плечи, я вышла из ванной.

– Ты быстро, – удивился чародей, оторвавшись от своего занятия – стирания грима особым зельем, которое дала нам Ари.

– Не смогла сама.

Я сбросила халат на пол – глаза Алистера загорелись интересом. Его взгляд, скользящий по моим обнаженным ногам, ощущался физической лаской.

– Сколько здесь завязок... – Алистер будто задумался, с чего начать.

А я торопливо добавила:

– Вспомнила наш разговор после нападения вампиров на понтон... Пожалуйста, я очень прошу, раздень меня!

Вот теперь чародей был полностью сражен.

– Джемма... В такой ситуации, считаешь, я вспомню о том шуточном обещании?

Взяв со стола нож для фруктов, он попросту разрезал шнуровку на корсете, затем принялся распутывать ленточки, удерживающие фальшивые «прелести» поверх моих собственных.

Стук в дверь прервал наше занятие. Доставили поздний ужин.

Самостоятельно вкатив столик, Алистер вернулся к процессу моего оголения.

– Все, – сообщил он напряженно.

Раздевание заставило биться быстрее не только его сердце. Прерывисто выдохнув, я потянулась к Алистеру, сходя с ума от желания поцеловать его.

– Благодарю за помощь, без тебя я не справилась бы.

– Я не стану возражать, если и ты сможешь раздеться мне.

Наши губы так близко – я чувствовала горячее дыхание на своем лице.

– Помогу с удовольствием...

Обещание скрепил страстный, с оттенком безумия поцелуй.

Ускользнуло от сознания, когда мы оказались на постели. Связь с реальностью и вовсе утратилась, когда чародей принялся осыпать мою шею поцелуями. Губы Алистера зажигали кровь. Чувствовать тяжесть его тела – невероятные ощущения. Его руки, скользящие по моему

телу, заставляли стонать от удовольствия. Хотелось в ответ сорвать с него одежду и поцелуями покрыть каждый шрам.

Вопреки просьбе раздеть, Алистер явно был против моей активности: сначала завел одну мою руку вверх, затем – вторую.

Приподнявшись на локте, довольно сообщил:

– Я мечтал об этом моменте еще с Подгорска, когда проснулся без восхитительной женщины рядом, зато связанный ее чулками.

– Что?..

Я рефлекторно дернула руками. Они оказались привязаны к узорчатой спинке кровати.

До потери сознания зацеловал и связал шейным платком!

– Теперь мы квиты, – довольно сообщил чародей, направляясь в сторону ванной.

Он ведь не всерьез?.. Сейчас обернется и скажет, что это шутка?

Дверь захлопнулась. Я осталась лежать привязанной к кровати. Хоть не полностью голая, каким оставила его я... И нет, я не обиделась. Я была зла!

Ладно, заслужила, за прошлые поступки следует отвечать. Сейчас развяжусь и решу, как быть дальше: одеться и уйти или же присоединиться к Алистеру и помыть, нет, расцарапать ему спинку...

Легко перевернувшись на живот, встала на колени. Дотянусь до узла и развяжу его зубами, если вообще не порву от злости.

– Какая умопомрачительная поза...

Я рухнула обратно на кровать. Перевернулась, желая мести.

Алистер вернулся с полотенцем и зельем Ари.

– Не хочу целовать леди Филтон, я хочу свою Джемму.

Хорошая получилась шутка со связыванием, я поверила... Впору при случае пошутить в ответ.

Алистер аккуратно стирал грим с моего лица и тотчас целовал. Каждое прикосновение бережное, полное нежности.

Шутка быстро забылась, как и моя злость. Осталось место для безграничного, томительного желания. Нас лихорадило от страсти, настоящей на ожидании и муках сомнения.

Горячие губы Алистера сводили с ума. А его чуткие руки... Ох, они были неприлично жадными и смелыми... Напористые, откровенные ласки, от которых я плавилась карамелью на солнце.

Алистер вел, не позволяя перехватить инициативу, лишая сил. Целуя, он прикусывал кожу и тотчас зализывал легкие отметины.

Я упивалась ощущениями, хмелея от соприкосновения обнаженных тел.

Алистер, поджарый, исписанный шрамами, был прекрасен – широкие плечи, стальные, четко очерченные мускулы. И если раньше белые и красноватые росчерки не пугали, то сейчас вообще магнитом притягивали мои губы. Хотелось поцелуями стереть их с золотистой кожи чародея.

– Какая же ты красивая... Моя, – иступлено шептал Алистер, поклоняясь моему телу, как какому-то божеству. – Моя навсегда...

Остатки ночи сгорели в пламени страсти. Пьянеть от взаимной любви и нежности, умирать и возрождаться в чувственных руках твоего долгожданного... Что может быть лучше?

На рассвете чародей чуть утомился и, глядя мои волосы, сделал признание:

– До сих пор не верю, что ты не сбежала.

Я промолчала. Кажется, в Подгорске я пошатнула уверенность своего мужчины.

Он же самодовольно добавил:

– Ты меня любишь.

– С чего ты взял? – не удержалась я от подколки. – Бурная ночь не признак высоких чувств.

Лежа на груди Алистера, я слушала его сердце, и оно громко стучало, выдавая волнение.

– Ты сама сказала в Орбирии. Поздно отпираться, да и не надо. Я люблю тебя, Джемма. Ты согласна стать моей женой?

Алистер признался в любви и сделал предложение. Я же сейчас помру от счастья!

Эмоции захлестнули, и я не сразу смогла прошептать:

– Да...

И нас снова утянуло в бездну всепоглощающей страсти...

Я проснулась от неуютного ощущения. Сначала услышала далекий шум воды, затем увидела Хельца, восседающего в кресле, рядом с кроватью.

– Явился выгнать меня из постели хозяина? – хрипло сказала я первое, что пришло в голову. Вспомнилась почему-то пикантная

история про графиню и пари.

– Друга, – невозмутимо поправил демон. – И я давно планировал тебя сюда засунуть.

Мои щеки вспыхнули от смущения.

– Ты для Алистера – умбрэн. У вас говорят проще – судьба.

Умбрэн – понятие из культуры демонов? Постараюсь запомнить.

– Алистер лучший из человеческих магов. Могущество не превратило его в жадного до власти монстра, он заслужил счастья. Вы оба заслужили его. Никогда не сомневайся в нем.

Демон подозрительно добр и разговорчив. С чего вдруг? Неужели пытается подлизаться, чтобы не возмущалась, когда он оказывает знаки внимания Лил?

– Лил тебе не отдам.

– Не смел и надеяться ее заполучить, – холодно заметил Хельц и уже нормальным голосом добавил: – Твоя с ней встреча, а моя с Алистером – это также умбрэн. Четыре судьбы переплетены.

При чем тут Лил и сам Хельц? Не понимаю...

Спросить не успела, демон «обрадовал» новостью:

– Если не хочешь лишних разговоров, собирайся – скоро здесь будут стражи. Король узнал, где вы находитесь, и послал помощь.

Распахнулась дверь ванной, отвлекая.

– Спасибо, – поблагодарила я уже в пустоту.

Хельц исчез.

– Проснулась, любовь моя?

Прохладные капли упали с волос Алистера, когда он склонился надо мной, чтобы поцеловать.

– Не совсем. Разбуди меня поцелуем.

Я обвила его шею руками и потянула на себя.

Стражи неподалеку? Подождут, не до них сейчас...

* * *

День рождения Алистера обещал быть грандиозным.

Фонтаны с шампанским, магические украшения на стенах и потолке, плывущие и застывшие в воздухе иллюзии – дом прекрасен и без вампирских роз. Длинные столы ломились от изысканных блюд и

деликатесов, доставленных со всех уголков Церестана и ближайших стран. Музыканты играли ненавязчивую мелодию, даря праздничное настроение.

Близкие и родственники Аламейского приезжали за час до указанного в приглашении времени. Ими занимались леди Брикойль и Кирайя. Обе безупречно приветливые, в прекрасных нарядах. Первая – в сапфировом, вторая – в розовом, точнее, нежно-розовом, почти белом, которое намекало на статус невесты, готовой идти к алтарю Гармонии, – так выразилась сама Вирьен, когда заявила со своим секретарем после обеда. От вида ее счастливого лица меня слегка мутило.

Что Алистер узнал по поводу измены генерала, я не знала – со мной он не спешил делиться новостями. Якобы это проблема, которую он решит самостоятельно, а я должна наслаждаться последними днями свободной жизни.

И я наслаждалась... стоя на террасе в одиночестве. Оливер и Лил бродили по поместью, выбирая самые интересные места, которые покажут Маркиану. Подозреваю, в итоге они забудут про запрет на посещение лабиринта и поведут принца туда. Надеюсь, король готов к таким проказам универсалов.

– Где же Алистер? – Недовольный голос Кирайи раздался совсем рядом.

Она вышла на террасу с неизменным хвостом – секретарь сегодня немного принарядился, сменив серый костюм на жемчужно-белый.

Похоже, только у нас с Алистером было мрачное настроение, которое выразилось в цвете одежды: именинник предпочел черную военную форму, я же надела темно-синее платье, украшенное голубой лентой и бирюзой.

– Видела, где мой жених? – грубовато спросила Кира. – Нам пора спускаться к гостям.

Я пожала плечами. Пусть ищет сама.

Уже несколько часов она пыталась меня всячески уязвить. Леди Брикойль замечала подначки племянницы и несколько раз одергивала ее, напоминая, как должна вести себя леди.

– Я видел. – Из тени колонн вышел Хельц. – Поищите его в кабинете.

Забыв поблагодарить, Кирайя бросилась на поиски неуловимого жениха.

– И зачем ты ей соврал?

– Захотелось, – усмехнулся демон и вновь растворился в тенях.

Такое ощущение, что он меня оберегает?

А ведь и правда, когда растяпа слуга ненароком уронил ледяную фигуру, Хельц закрыл меня собой от прозрачных, но опасных осколков. Хм, ненароком... А точно ли тот уронил случайно, а не за хорошую плату?

Кирайя что-то подозревала и злилась на меня, не таясь. Хорошо хоть, к Оливеру не лезла, ума хватало не трогать юного универсала, который мог ответить весьма своеобразно: огненным шаром в лицо. И его, нестабильного чародея, только пожурили бы за эмоциональность.

Стоило уйти Кирайе, как на террасу вышел герцог.

– Спасибо, что подождала меня здесь.

Вообще-то, я не планировала, спряталась не только от незнакомых людей, но и от него тоже. Идея нарушить правила приличия мне совсем не нравилась.

– Король должен появиться с минуты на минуту, – напомнила я. – Тебе пора к гостям с Кирайей.

– Нам пора, – заявил Алистер. – Пойдем, я познакомлю тебя с друзьями.

Он протянул руку, а я заколебалась. Одно дело быть представленной будущей женой на работе или заставить стражей ждать под дверьми гостиничного номера, и совсем другое – официальный прием.

Скандал гарантирован, если я спущусь вместе с ним вместо Кирайи Вирьен. Что будет? Ничего хорошего. Сомневаюсь, что Кирайя будет молча делать вид, что так и задумано... Оскорбительный поступок, неприемлемый.

На мои умозаключения Алистер лишь фыркнул.

– Напомню, изначально это была договорная помолвка для придания веса кухне на брачном рынке. И она уже разрывала ее, но так и не вышла замуж.

– Почему? – увлекшись рассказом, я не сразу сообразила, что мне заговорили зубы.

По привычке, сосредоточившись на другом, я положила ладонь на локоть Алистера, хотя не собиралась ни за что.

– Молодой человек вынужден был жениться на скомпрометированной девушке, дочери предыдущего посла Орбирии.

– Вампирессе?.. Удивительно, что, несмотря на потерю возлюбленного из-за орбирийцев, Кирайя им симпатизирует.

Вспомнилось, как она рвалась на прием Норда ан Вордера. Да она помешана на вампирах! Или на их после.

За разговором мы незаметно подошли к лестнице. И сердце мое забилось как шальное – наше появление заметили.

Пока спускались, стояла тишина.

Я боялась взглянуть в сторону леди Брикойль.

За несколько дней с момента нашего возвращения я привыкла, что мать Алистера неплохо ко мне относится. Она стала чаще бывать в доме сына из-за подготовки к приему, при этом каждый раз появлялась не с пустыми руками – все подарки, вполне уместные и недорогие, она привозила Оливеру. Книги, художественные и учебники, сундучок со специальными отделениями для коллекции камней, подзорная труба деда Алистера, который исследовал половину Дисгара... А этим утром леди привезла учителя конной езды, седовласого мужчину, который в свое время обучал Алистера.

И теперь я шла рядом с именинником, а его законная невеста задыхалась от ненависти.

Набравшись смелости, я посмотрела на леди. Ее недовольство я заслужила, наверное, и должна принять достойно.

Я не поверила своим глазам – мать Алистера улыбалась. Светло и радостно улыбалась!

Не понимаю ничего...

Я бросила быстрый взгляд на чародея. Неужели он поговорил с ней, поставил перед фактом и леди смирилась с моей кандидатурой и грядущим скандалом? И нет, я точно не выдавала желаемое за действительное.

Пройдя мимо бледной Кирайи, мы оказались возле первой группы гостей. Как истинные аристократы, они говорили обо всем, но только не о том, что их по-настоящему интересовало. Никто не спросил, почему рядом с Алистером помощница, а не невеста.

Герцог Аламейский ослепительно улыбался. Принимал поздравления и подарки, которые сразу же передавал следующему за нами по пятам слуге с подносом. Когда последний переполнился, на смену явился другой лакей.

– Алистер! – догнала нас Кирайя, когда гости поспешили встретить королевскую пару. – А ведь я так и не вручила свой подарок.

Мы остановились. Сверкающая глазами блондинка напоминала сейчас безумную ведьму.

– Я знаю, на что вы рассчитываете, – прошептала она злобно. – Решили, что гордость заставит меня отступить и отпустить вас? Ни за что! Вы мой. Если на мне не женитесь, не женитесь вообще. Я не откажусь от статуса вашей невесты. Лучше помру старой девой, но и у вас не появится наследников.

Я не удержалась, возразила:

– Почему? Они ведь могут быть и незаконнорожденными, но признанными.

Кирайя посмотрела на меня так, словно мысленно проткнула сотней ножей.

– Ты разве не знала, что нашу помолвку скрепляет клятва? И тех, кто нарушает такие, Гармония наказывает бесплодием?

Это был, конечно, бред: светлая богиня никогда не карала подобным. Скорее, Дис подтолкнет к греху в такой способ.

– Я тебя услышал, Кирайя. Мог бы напомнить о твоих прегрешениях, но зачем тратить время?

Алистер был спокоен, как вековой дуб.

Кирайя открыла рот, чтобы сказать новую гадость – и не успела.

– Мам, Маркиан не приехал. Можно мы сходим в лабиринт? – Прозвучавший неожиданно голос Оливера за моей спиной заставил вздрогнуть от неожиданности.

Оборачиваясь, боковым зрением я отметила, как вытянулось лицо секретаря Кирайи. Он словно увидел неупокоенного, восставшего из могилы нелюбимого предка.

– Нет, уже темнеет, не уходите далеко.

– Хорошо, как скажешь, мам, – разочаровано произнес Оливер и позвал: – Лил, пойдем в оранжерею.

– Ага, – отстраненно отозвалась девушка, глядя поверх моего плеча.

Легкое беспокойство разлилось на ее лице. Желание узнать, что ее огорчило, оказалось пока неисполнимым: Лил и Оливер сбежали.

Подойдя к королевской чете, мы с Алистером произнесли положенные приветствия, поинтересовались настроением монархов.

Супруга Элгеуса, красивая шатенка в серебристом, с черными узорами, изысканном платье мне понравилась. У нее были добрые карие глаза и искренняя улыбка. Но, главное, эта чудесная женщина, в отличие от большинства присутствующих здесь дам, по-особенному смотрела на своего супруга, а не на именинника.

На внимание венценосной пары притяжали и другие подданные, поэтому Алистер повел меня знакомить с другими друзьями.

Медноволосая пара рассматривала, увлечено комментируя, скульптуру изо льда – всадник на драконе вышел поразительно эффективным.

– Добрый вечер, друзья. Позвольте представить вам мою будущую жену Джемму.

Рыжие обернулись. Лицо мужчины, и так бледнокожее, побелело еще больше.

Он смотрел на меня потрясенно, я – на него.

– Ты жива?..

– Как и ты, – прошептала я в ответ.

Мужчина, которого я считала много лет мертвым, растерянно хлопал ресницами.

Предплечье Алистера под моей ладонью превратилось в камень.

– Вы знакомы? – изумилась рыжеволосая леди, прикрывая рот дрожащей ладонью.

Ее супруг сделал два шага вперед, сильно прихрамывая. Или устал к вечеру, или артефакторы создали ему неудачный протез ступни.

– Алистер, почему ты молчал, что нашел Фэйриль?

Спросил негодуя, так, словно мы с Алистером должны быть знакомы по лазарету в Приморье. Но, боги!.. Я знала Арно, но точно не помнила Алистера. Он никогда не был моим пациентом!

Обернувшись к жене, рыжий произнес:

– Бекки, это целительница, которая написала тебе, когда я лежал в лазарете Приморья.

– Фэйриль... – хрипло произнес Алистер. – Вот почему мне показались знакомы твои волосы, тянуло к тебе...

Мое сердце билось, будто отсчитывая последние удары. Кусочки мозаики сложились воедино.

– Велдон, – прошептала я в ответ. Пол, покачнувшись, ушел из-под моих ног.

Алистер подхватил меня на руки и понес прочь из зала. Нас окликали, но Алистер ни на кого не обращал внимания.

Можно сойти с ума от горя. А от счастья?

Это не был обыкновенный обморок, я оставалась в сознании. Просто потрясение оказалось настолько сильным, что... это сложно объяснить. Я словно раздвоилась. Одна я находилась в кабинете герцога Аламейского, сидела на его коленях. Вторая я вернулась в прошлое, в палату Приморского лазарета. Лицо моего любимого скрыто магической повязкой, и я мечтаю увидеть, какого цвета у него глаза.

Теперь я это знала.

– Синие... у тебя синие глаза.

Я плакала. Алистер, держа мое лицо в своих ладонях, осторожно стирал слезы большими пальцами. И молчал.

Мы одни. Мы и наши короткие воспоминания о прошлой скороспелой любви. Хрупкой, как цветок чар-вишни, опаленный огненным дыханием войны.

– Я думала, ты умер.

– Мне сказали, что ты умерла, – отозвался Алистер.

И снова молчание. Глаза в глаза. И острое понимание, что произошло чудо. Чудо одно на двоих. Мы встретили друг друга и, не узнав, сумели полюбить после стольких лет одиночества.

– А почему в лазарете ты был известен как Велдон? – нарушила я тишину.

– Велдон – баронство, доставшееся от отца, – объяснил Алистер и тихо продолжил: – Я очнулся в день, когда за мной приехала мать. Слабость, дезориентация, еще плохое зрение... Я не смог объяснить, почему не хочу покидать лазарет – вкатили дозу успокаивающих чар. Затем из телепорта выскочили монстры и начали жрать беспомощных пациентов. Мысль, что они могут добраться до тебя, выдернула из апатии. Я их остановил, но последний монстр успел меня ранить.

Очнулся уже в столице. Я попросил мать найти целительницу Фэйриль, но ей сказали, что девушка погибла.

Алистер рассказывал сухо, сосредоточенно, а в глазах застыла боль.

– Женщина, вернувшая мне магию и зрение, ждущая моего ребенка, погибла.

– Ты знал?..

– Ты же сама сказала, – он слабо улыбнулся. – Я слышал все, что ты мне говорила, когда приходила. Я помню все.

Напряжение и настороженность не оставляли Алистера, будя ответную тревогу.

– Оливер... это ведь тот ребенок?

Вопрос задан, и причина страха открылась: чародей боялся, что я тогда потеряла малыша.

Я не стала его мучить неизвестностью, кивнула:

– Несмотря на все треволнения в то время, он цепко держался за жизнь.

– Весь в меня.

Дикое напряжение оставило Алистера. Его руки запутались в моих волосах.

– Спасибо... – прошептал, жадно целуя. – Ты и Оливер – лучший подарок на день рождения, о котором только можно мечтать.

Пропитанные горечью воспоминания, невероятные откровения... Это еще предстояло до конца осознать и принять. Переосмыслить. А пока можно благодарить Гармонию за встречу и раствориться в поцелуях любимого мужчины.

Холодный ветерок коснулся разгоряченной щеки. Морозный голос произнес:

– Не хотел вас прерывать, но кое-кто сейчас жалуется королю.

Нехотя прервав поцелуй, Алистер уточнил:

– Кирайя?

– И генерал Вирьен, – добавил Хельц и, сделав шаг назад, растворился в полумраке кабинета.

Вопреки моим ожиданиям, Алистер не расстроился. Он хищно улыбнулся:

– Пойдем каяться их величествам?

Глава девятнадцатая, в которой каждый получает свое

– Что скажете в свое оправдание, герцог Аламейский?

Перед нами восседал в кресле сейчас не друг Эл, а король, суровый и справедливый правитель. Его лицо непроницаемо, зато эмоциями фонтанировала сидящая рядом королева Патриция. Я поймала ее сочувствующий взгляд и уже успела отметить неприязнь к Кирае.

Последняя похожа на обиженную девочку, на длинных ресницах трогательно блестят непролитые слезы. Ее отец, чопорный генерал в неизменном темно-синем мундире, напоминал грозовое облако.

Кажется, в малой гостиной герцогского особняка нам сочувствуют только двое: королева и мать Алистера. Последняя сразу заняла кресло с нашей стороны, чем очень сильно удивила кузена и племянницу.

Даже я, признаюсь, поражена. Леди Брикойль не настаивает на своем, а поддерживает выбор сына!

– Итак, герцог Аламейский, мы ждем, – теряя терпение, напомнил о заданном вопросе король.

Я впилась ногтями в ладони. Сложная ситуация, похоже, Алистеру нечего сказать, он не нашел улики, которые указывали бы на преступление генерала.

– Виновен, – произнес чародей.

Удивление присутствующих не описать словами.

– Алистер, но ведь...

Слова леди Брикойль оборвал король взмахом руки.

– Виновен, признаю, – продолжил Алистер. – Я не собираюсь выполнять свою часть сделки, ведь семья Вирьен не выполнила свою.

Он медленно провел пальцем по длинному шраму на лице. Все правильно: нет артефакта исцеления – нет свадьбы. Жаль, с этим не согласны другие.

Генерал вскочил с кресла, напоминая сейчас взъерошенного петуха, который намерен броситься в драку.

– Нашей вины тут нет! Обстоятельства сложились так, что артефакт похищен. А вот он! – Лорд Вирьен гневно ткнул

указательным пальцем в сторону ускользающего из брачной ловушки кандидата в зятя. – Он опозорил мою дочь!

Пожилой мужчина задыхался от гнева. Как бы приступ сердечный себе не накричал... Откачивать отца Кирайи мне будет, мягко говоря, неприятно.

– И как же он опозорил леди Вирьен? – мягко поинтересовалась ее величество. – Как фрейлину королевы Розалии, я вижу эту леди почти каждый день. И что я наблюдаю? Флирт с холостыми мужчинами и ни малейшего интереса к делам жениха! За этот год на лорда Аламейского совершенно восемь покушений, а невеста ни разу не выказала обеспокоенности его здоровьем.

Кирайя поначалу скромно улыбалась, слушая королеву Патрицию, затем поджала губы, когда дошло дело до обвинений.

– Пусть так, ваше величество, – не стал отпираться генерал. – Я считаю, брак по договору родителей крепче, нежели тот, в который пытается вступить Алистер.

– О чем ты, любезный кузен? – подала голос леди Брикойль.

– Твой сын, моя дражайшая кузина, уже договорился о церемонии в храме Гармонии. Если бы не знакомый жрец, завтра Алистер совершил бы преступление пред богами. И кто знает, чем бы это все обернулось?

Король вскинул брови.

– Лорд Аламейский, это правда? Или все же наговор?

– Да, я договорился о скором сочтении священными узами, – невозмутимо и чуточку насмешливо подтвердил Алистер.

Королева восторженно ахнула. Леди Брикойль сердито прошипела: «А как же праздник, который я еще должна организовать?!»

Ох, Алистер, какой же ты самонадеянный! Решил, что сможешь разорвать сделку, и поспешил, выдав свои планы?

– Я хочу покаяться в другом преступлении, ваше величество. – Алистер покорно склонил голову. – Я нарушил закон Гармонии: лишил невинности магичку и хочу на ней жениться.

Он положил мне ладонь на плечо – и я мучительно покраснела. Ну, Алистер!..

Взгляды всех присутствующих скрестились на мне.

Тишина. И истеричный смех Кирайи:

– Какая невинность, если у нее есть ребенок!

Притянув меня к себе ближе, чародей ответил:

– Я, Алистер Велдон Аламейский, клянусь, что коварно соблазнил эту девушку...

Я перебила его:

– Еще нужно разобраться, кто кого коварно соблазнил!

Лицо короля было таким... Непередаваемое выражение! Он закашлялся в кулак, маскируя смех.

– Невинности я лишил Джемму почти девять лет назад, Оливер мой сын. Я не могу жениться на Кирайе, мое обещание другой дано раньше.

– Но... – Генерал не мог подобрать слов. – Ты все равно клятвopеступник, ты не отмоешься от этого клейма!

Алистер поморщился – одно клеймо у него уже было, демоническое.

– Клятва, данная предателю родины, недействительна.

Генерал побелел.

– Что?.. Да как ты смеешь, мальчишка!

Голос Алистера приобрел рокошующие нотки:

– Генерал Вирьен, я обвиняю вас в передаче государственных тайн Орбирии!

Кирайя, громко вскрикнув, потеряла сознание. Или сделала вид, что ей дурно.

– Что за бред? – Ошарашенный генерал даже не поспешил на помощь к дочери.

– Объяснись, Ал, – уже по-свойски потребовал хмурый король.

Алистер не успел – дом содрогнулся от подземного толчка.

– Что происходит?! – в один голос задали вопрос сразу две женщины – ее величество и мать Алистера.

Возле королевской четы возникли ранее незаметные телохранители – четыре широкоплечих, с суровыми лицами мага слаженно взяли их в «коробочку».

Напряженный Алистер, будто к чему-то прислушиваясь, произнес:

– Прорыв защиты поместья и открытие телепорта в саду. Ваше величество, вам лучше уйти.

Элгеус не спорил. Кивнув и обняв жену, он исчез в сиянии перехода вместе с телохранителями.

Я забеспокоилась:

– Алистер, пожаловали незваные гости? Нужно найти Оливера и Лил!

Он кивнул.

– Хельц займется. Джемма, оставайся в доме. Мама, успокой гостей.

Больше не тратя времени на слова, Алистер поспешил в сад – прямо через окно, на открытие которого потратил меньше времени, чем если бы побежал к выходу.

Леди Брикойль взглянула на меня встревоженно:

– Джемма, ты со мной? Или будешь ждать здесь?

– Мне надо подумать...

Женщина кивнула и, подобрав пышную юбку, поспешила в бальный зал. За ней поторопился уйти и генерал с вовремя очнувшейся дочерью.

Я недолго думала. Видят богини, я бы последовала совету оставаться в особняке, но... сердце было не на месте. Дети собирались в оранжерею, которая расположена именно в саду, неподалеку от озера!

Не рискнув выбираться в длинном, неудобном платье через окно, я побежала почти через весь первый этаж к черному ходу. Спешно покидающих особняк гостей не заметила. Леди Брикойль умела гасить панику? Или за весельем никто даже не почувствовал подземного толчка?..

Я впервые шла по саду Тисового Лабиринта ночью и остро жалела, что не сделала этого раньше. Все выглядело не так, как днем! Куда идти? Где оранжерея? Или хотя бы озеро?..

Деревья отбрасывали густые тени. Каждый фигурно подстриженный кустик мог скрывать того, кто явился к Алистеру без приглашения.

Приструнив разошедшуюся фантазию, я вскоре чуть расслабилась. Зрение подстроилось к полумраку, и света звезд хватило, чтобы увидеть тропинку, которая вела к оранжерее. Туфли порой скользили на мокрой из-за тумана или ночной росы земле, приходилось сдерживаться и не бежать.

Крупные желтые светлячки влаги не боялись и усеивали густую траву, назойливо мельтешили предо мной, не испытывая испуга.

Тревога вела вперед. Целитель ни Алистеру, ни детям не помешает.

Когда уверилась, что дойду до оранжереи без приключений, я увидела агри. Мертвого. Туша демонической твари, отдаленно похожей на дракона, только в разы меньше и противнее, валялась на измятой поляне.

Я не подходила близко, но даже с такого расстояния ощутила вонь твари. Слизь, покрывающая буро-зеленое тело, была такой же опасной, как и укусы, ведь через нее на человека могли попасть крошечные личинки, которые за несколько дней вырастали в теле носителя в опасных паразитов.

Злобный рык возвестил, что неподалеку еще одна особь. Я застыла, выискивая ее взглядом.

И как я не заметила?.. Шагах в двадцати, ближе к озеру, мерцало бирюзовое окно портала, из которого медленно выскользнул, будто вытек, огромный агри. Шипы, бугристые наросты и когти блестели от слизи.

Если побежать, тварь настигнет в несколько прыжков. И я стояла неподвижно, надеясь, что Алистер поблизости. Погибнуть, когда я нашла счастье, будет обидной нелепостью.

– Джемма?..

Слава Гармонии! Алистер вынырнул из-за молодых зарослей тиса неподалеку от арки портала. Меч чародея полыхал ярко-алым огнем. Сталь и пламя – отличное решение, паразиты мгновенно сгорают и не пачкают оружие.

У агри не было шансов. Несколько скупых движений, два огненных шара – и монстр превратился в неподвижный гигантский факел.

Герцог вернулся на поляну и уничтожил труп предыдущего противника. Затем только подошел ко мне и с укоризной произнес:

– Я же просил быть в доме.

– Прости, это было сильнее меня... – Чтобы отвлечь его от своей скромной персоны, поинтересовалась: – Куда открыт этот портал? И не вылезут ли из него еще твари?

Алистер оставил нотации на потом и, настойчиво попросив в этот раз точно оставаться на месте, подошел к бирюзовой арке перехода.

Не проходя сквозь нее, сделал вывод:

– Судя по растительности на той стороне, гористая местность на территории Орбирии. Похоже, вампиры передали мне презент. Что ж, я неплохо размялся.

Я же ужаснулась. Вампиры скрывали у себя, а то и вовсе разводили опасных существ из другого мира! Демонического мира. Бесчестные, бесчеловечные вампирюги...

Тем временем Алистер захлопнул портал и деактивировал артефакт, спрятанный за пеньком.

– Посмотри, что я нашел.

Находка мне не понравилась: снова древний артефакт из церигия. Сокровища нашего королевства враги использовали против нас.

– Теперь бы найти того, кто пронес этот артефакт сюда и активировал.

– Обязательно найду, – твердо пообещал Алистер. – Мои слуги не могли – клятва не позволит вредить, это явно кто-то из пришлых.

– Теперь можно в оранжерею? Тварей больше нет? – нетерпеливо поинтересовалась я, не забывая, что неподалеку Оливер и Лил, которые могли чувствовать подземный толчок и сильно испугаться.

– Нам туда не надо, Хельц вернулся.

Я обернулась. Демон торопился к нам. В одиночестве.

– Где дети?.. – Мне стало дурно.

– Я облетел все поместье – их нет, – не выказывая эмоций, сообщил демон. – Но я чувствую Лил. Далеко.

– Как далеко?! Даже если их похитили, то не смогли переправить далеко!

– У похитителей мог быть не один артефакт для перемещений, – резонно заметил чародей. – Не заламывай руки, Джемма, мы найдем их – я настроюсь на ученический браслет Оливера.

Я мысленно возблагодарила обеих богинь, что Алистер надел на сына этот артефакт.

– Но для начала сделаем вот что.

Аламейский подхватил меня на руки – я и пикнуть не успела, как мы вошли в яркое сияние. Два удара сердца – и мы в кабинете.

Пока я приходила в себя после неожиданного перемещения, Алистер создал и кому-то отправил магического вестника всего с тремя словами: «Жду в кабинете».

– Ты останешься в доме, я верну ребят вместе с Хельцем. И больше ты никуда не лезешь.

Стало обидно. Разговаривает со мной таким тоном, будто я не понимаю серьезности ситуации.

Магический посланник в виде маленькой голубой бабочки вынырнул перед моим лицом и произнес до дрожи знакомым голосом:

– Моя сладкая Джемма, если хочешь увидеть сына, тебе придется выполнить следующие условия...

«Бабочка» не договорила – чародей ловко схватил ее и смял в кулаке, разрушая строение иллюзии.

– Ты... Ты что натворил?.. Оливер у Грэхема! Как понять теперь, чего он хочет?

Боги, сын и Лил в руках у психопата, помешанного на мне из-за отказа! Из-за меня они подвергаются опасности...

– Тихо! – прикрикнул Алистер строго. – Я верну их.

Леди Брикойль вошла без стука.

– Алистер, где мой внук?

– Мама, ты ведь еще помнишь заклинание мгновенного сна, которым как-то успокоила при мне Кирайю?

Удивленная леди кивнула.

Алистер перевел мрачный взгляд на меня. Ох... Он ведь не станет просить мать сделать то, о чем я только что подумала? Не осмелится ведь?

Еще как осмелился!

– Я иду за твоим внуком, мама, к одному тупому смертнику. Если Джемма попытается отправиться за мной в поисках новых приключений, усыпи ее, я разрешаю.

– Алистер!.. – Я была возмущена до глубины души. Я же не ребенок, за которым нужно присматривать.

Чародей меня не слушал. Быстро, но очень жадно поцеловал и исчез во вспышке портала, не забыв прихватить с собой Хельца.

Губы еще горели после поцелуя, а от арки перехода не осталось и следа. В кабинете мы были с леди Брикойль одни.

– Итак, моя дорогая, что происходит? Чем ты разозлила моего сына?

И столько было доброжелательности в ее тоне, что я... что вся моя злость лопнула мыльным пузырем. Я все рассказала, надеясь найти поддержку.

Увы, мать Алистера думала так же, как и он.

– Он справится сам, ты лишняя там точно. Наше с тобой дело – ждать и не создавать новых проблем. Сейчас попьем мой любимый чай и поговорим о жизни.

– Леди Брикойль, вы не понимаете...

– Еще как понимаю, – доброжелательно улыбаясь, перебила меня блондинка. – Ты ведь веришь моему сыну? Тогда расслабься и жди. И да, можешь называть меня Сабиной. Я тоже переживаю, как там мой внук и Лил... Хорошая девочка, кстати, нужно будет подобрать ей достойного жениха после обучения, если сама не найдет.

Речь матери Алистера напоминала журчанье лесного ручья – успокаивающая, мелодичная. И я послушно присела возле журнального столика и даже выпила чаю, щедро приправленного успокоительными каплями.

Уже почти не трясло, когда я вдруг осознала одну странную вещь.

– Сабина, а ведь вы совсем не удивились, что у Алистера есть сын.

Женщина мило улыбнулась.

– Тебе показалось, дорогая.

И взгляд такой добрый и невинный... Вот же леди, врет и не краснеет.

– Когда вы поняли, что Оливер его сын? А главное, как?

Юлить Сабина не стала.

– Родимое пятно в виде парящего ястреба передается по мужской линии в роду Велдон.

– Но у Алистера такого нет!

Я прикусила губу после компрометирующего заявления. Вроде взрослые и самостоятельные люди, даже общий ребенок есть, а мне почему-то неловко.

Сабина не заметила мое смущение или же не считала неприемлемым интимные отношения до благословения в храме.

– Зато у него много шрамов, которые и закрыли ястреба.

Она права. Демоническая метка раба сильно «почеркала», исковеркала кожу на спине чародея.

– Окончательно я убедилась, когда провела магический анализ крови, взятой с салфеток.

Вспомнилось, как она их собирала, чтобы не травмировать видом пострадавшего. Невероятно хитрая, продуманная женщина.

– Оливер – мой внук, и я благодарю за это небо каждый день.

Глаза у новообретенной бабушки подозрительно блестели, и я уткнулась взглядом в пустую чашку.

Время тянулось безумно медленно – я успела изучить узор ковра в кабинете.

Уверившись, что я не наделаю больше глупостей, Сабина иногда ненадолго уходила к гостям, которые все так же оставались в неведении о случившемся. В очередной раз мама Алистера заглянула в кабинет с предложением вернуться в зал вместе с ней.

– Я лучше побуду здесь, не могу видеть чужое веселье.

Уход именинника, похоже, даже не заметили.

– Поверь, среди людей легче ждать, время течет быстрее.

– Возможно, но у меня нет такого самообладания, как у вас, – гости поймут, что что-то произошло.

Арка портала открылась, выпуская Алистера с сыном. Он крепко держал его за плечи, будто боясь потерять по пути.

– Оливер! – Мы вместе с Сабиной кинулись к нашим дорогим мужчинам.

– Ты цел? Все хорошо?

Наверное, я слишком его тормозила, а может, сказывался переход – Оливер недовольно пропыхтел:

– Я в порядке, мам.

Лил и Хельца не было, но я не лезла с расспросами – Алистер отправлял и получал магических посланников. Его короткие, сухие приказы открыли многое: Лил и Оливера, судя по всему, похитили разные люди... А еще Алистер вспомнил о несостоявшемся тесте и бывшей невесте, которые воспользовались суматохой и без проблем покинули поместье. За ними с серьезным опозданием были отправлены стражи.

Что ж, даже боевые чародеи под влиянием эмоций делают ошибки. Сама я, признаюсь, забыла о преступлении генерала вообще.

– Мам, это правда?.. – Оливер не договорил, колеблясь.

Выражение лица, тон голоса у сына растерянные. Я уже заранее знала, что вопрос мне не понравится.

– Да, Оливер?

– Мам, герцог – мой отец?

Какой «своевременный» вопрос...

– Кто тебе сказал? – Я попыталась потянуть время, лихорадочно решая, открыть правду и тем самым, возможно, травмировать ребенка или едва ли не впервые в жизни ему соврать.

– Лорд Грэхем, когда схватил. Радовался, что расплатится за все не только с тобой, но и моим настоящим папашей – герцогом Аламейским.

Грэхем... мерзавец. И откуда только узнал?

Я мучительно подбирала правильные слова, но их, наверное, нет. Точнее, нет ничего правильнее правды. И пускай ее не так преподносят, ничего уже исправить нельзя.

– Да, Оливер, герцог твой отец. – Я замерла, ожидая реакции.

Мой ребенок нахмурился и глубокомысленно пробормотал себе под нос:

– Это многое объясняет...

От сердца отлегло.

– Все расскажу, но позже, ладно?

Оливер задумчиво кивнул. Слава всем богам, новость он воспринял на удивление хорошо.

И все же я обрадовалась, когда меня позвал Алистер.

– Джемма, мне нужна твоя помощь. Необходимо подлечить лорда Грэхема. Я слегка перестарался, а Хельц добавил.

Я посмотрела на чародея внимательно: на лице следы копоти, но это после стычки с агри. А вот камзол был цел, когда он уходил, теперь же отсутствовала четверть рукава...

Сдав Оливера его бабушке, я пообещала:

– Я помогу. Если нужно, даже особенные болевые точки покажу.

– Кто ты, женщина, и куда подевала мою добрую, нежную Джемму? – мрачно пошутил Алистер.

– Ее временно вытеснила мать, на чьих детей покусились, – серьезно ответила я. – Подожди немного, сбегаю за сумкой.

– Пойдем вместе.

Портал выпустил нас в не самом благополучном районе Караиза. Брошенная карета, недовольно всхрапывающие кони – и как их еще не украли?

Алистер первым вошел в ветхий домишко на пару комнат.

В первой, ярко освещенной магическими светильниками, я увидела Хельца, сидящего на грязном полу – ноги поджаты, глаза закрыты. Демон входил в транс?.. Дальше взгляд выцепил прижатого к стене веревками из чистой магии воздуха лорда Грэхема.

От былой привлекательной внешности ничего не осталось: голубые глаза блондина не рассмотреть, подбиты, нос сломан, губы расквашены... Кто-то отвел душу кулаками, не используя магию?

Грэхем встрепенулся при нашем появлении.

– Джемма, ты пришла. А я ведь сразу предупредил, что расскажу всю правду только тебе. Джемма, моя сладкая Джемма... Я соскучился, а ты?

От его счастливого голоса мне стало не по себе. Он же болен, одержим... Боги, я не понимаю, почему среди сотен привлекательных женщин Подгорска его сильнее всех зацепила я? Только потому, что устояла перед его сомнительным обаянием?..

Повернувшись к Алистеру, горячо попросила:

– Позволь мне поговорить с ним. Обещаю, глупить не стану.

Собранный, угрюмый чародей кивнул и отошел в сторону.

– Где Лил? Кому ты ее отдал?

– Я не знаю, – вроде бы искренне ответил лорд Грэхем. – Ты же видишь, что ее здесь нет.

– Спроси его, как он забрал Оливера, как проник на территорию поместья? – подсказал сумрачный Алистер.

Я кивнула и подошла ближе к похитителю, наблюдая, как напрягся мой любимый. Обезболить, остановить кровотечение – малость, в которой отказать я не вправе даже врагу.

– Тебе, Джемма, я расскажу столько всего интересного... И даже без пыток, добровольно. Почти даром. – Светловолосый лорд весело скалился.

– Чего ты хочешь?

– Всего один поцелуй, Джемма. Один, который ты дашь добровольно, чтобы я запомнил эту ночь навсегда.

Гнев. Отвращение. Злость. Этот мужчина преследовал меня два года. И я должна его поцеловать?! Раньше, ради Лил, я бы согласилась. Но только не сейчас, когда нашла старую любовь и обрела новую в лице одного мужчины.

Да и не позволит он это сделать.

Алистер не дожидался моего ответа. Шагнул к Грэхему, явно намереваясь испортить эффект моего исцеления.

– Стой! Пожалуйста, Алистер, дай мне еще немного времени.

Аламейский застыл, его глаза почернели от ярости. Требование Грэхема оказалось чересчур.

Я же сосредоточилась на похитителе.

– Незабываемые впечатления будут, я клянусь. Только дай хоть какие-нибудь крупинцы информации о Лил предварительно.

Опухшие губы презрительно искривились.

– Торгуешься... А я думал, ты рада меня встретить. Хорошо, вот тебе такое: это я установил артефакт в саду по просьбе одного человека и забрал Оливера. А другой – Лил.

– Другой? Кто?

– Остальное после платы.

– Это ничто.

– Это залог.

Поколебавшись, я подошла к своей сумке. Зелья, бинты, амулеты... Вот оно!

Алистер терпеливо ждал. Но ему это не нравилось, даже разговоры мои и обещания. Желваки ходили на выразительных скулах чародея.

– Лорд Грэхем, вы запомните эту ночь навсегда, – твердо пообещала я. И вонзила в его плечо шпильку с аметистовым навершием.

– Что это?.. – Лорд испугался, хотя загнанное в заколку заклинание еще даже не начало действовать.

– А это отзвуки вашего родового артефакта, бокала страсти. Вскоре вы испытаете то, на что ваш дядя хотел обречь королевского инспектора.

– Это невозможно!

Я улыбнулась:

– Тогда вам нечего бояться.

Обернувшись к Алистеру, предложила:

– Можешь отправить его в одиночную камеру, а еще лучше – в общую с последними отморозками королевства, и вскоре он расскажет все без пыток.

От моих методов Алистер поморщился, даже Хельц зашевелился. Открыв ярко-желтые, будто пылающие огнем, глаза, он сообщил:

– Я нашел Лильяс. Этот червяк нам больше не нужен.

Лильяс?.. Почему он назвал мою воспитанницу иным именем?

– Я все расскажу!.. Джемма, отмени заклинание.

Грэхем забился в силовых веревках, и это напомнило, как вырывалась из его рук служанка, которую я однажды спасла от чрезмерного внимания. Жалость оставила меня окончательно.

Демон, сейчас как никогда не похожий на человека, подошел к Алистеру. Открыто глядя в глаза, он поднял руку.

– Клянусь не вредить ни твоему роду, ни людям вообще. Я знаю, где Лил, дай мне допуск перемещаться между мирами.

– Джемма! – взвыл Грэхем. – Артефакт мне дала невеста герцога! Она же и помогла проникнуть на территорию поместья в наемной карете. Девчонку забрал спутник леди, вампир, который не отходил от нее ни на шаг.

Спутник Кирайи – вампир?.. Это ведь речь о секретаре Патрике?

Но откровения Грэхема уже были не нужны – я поняла это по лицу Алистера.

– Я дам тебе разрешение и помогу вернуться домой, только дай другую клятву.

– Какую пожелаешь, – твердо пообещал Хельц.

Алистер протянул руку и заговорил на древнем языке, демон повторял за ним. От волнения я их просто не слышала – шумело в ушах.

У Хельца выросли когти – длинные, белые и жуть какие острые. Он рассек одним ладонь Алистера, затем – свою. Мужчины пожали руки, смешивая кровь.

– Алистер Аламейский, нарекаю тебя своим братом выше всех моих обетов.

– Принимаю, – глухо отозвался чародей.

Демон исчез. Он не создал портал. Он словно растворился в воздухе.

– Ушел за Лил, – обронил Алистер, подходя ко мне.

Я утонула в самых надежных, теплых объятиях в мире.

Глава двадцатая, в которой есть последние тайны прошлого

Прошло немного времени, прежде чем за Грэхемом, ругающимся последними словами, приехала стража. Ох, как он вопил, требуя отменить заклинание из шпильки!..

Но мне не было его жаль. Ни капельки.

Ладно, вру. Но я держалась, помня все, что пережила я и другие женщины по его милости.

Ни Хельц, ни Лил объявляться не спешили, и на рассвете мы решили покинуть пустой дом. В конце концов, демон знает, где нас искать.

Но открыть переход Алистер не успел – в комнате прозвучал серебристый голосок:

– Джемма!

– Лил...

Я обернулась и обняла воспитанницу.

Как же мы плакали... От страха и от радости одновременно. Демон и чародей деликатно отошли, создавая иллюзию, что мы с Лил одни.

Все еще всхлипывая, девушка прошептала:

– Я пришла попрощаться, Джемма.

Нахмурившись, я переспросила:

– Прощаться?.. Зачем? Если хочешь спрятаться, поверь, ты больше не угодишь к похитителям.

– Я знаю, видела, как Хельц с ними расправился. Нет, Джемма, я ухожу навсегда. С Хельцем.

Демон собственнически обнял девушку когтистыми ручищами.

– Хватит подбирать слова, скажи ей, не бойся.

Лил не торопилась с откровениями, смотрела на меня большими глазами и молчала.

– Лильяс такая же, как я, – просто сообщил Хельц. – Она дочь повелителя демонов, которую вампиры похитили и удерживали на территории Церестана, чтобы создать впечатление, что виновен ваш

король. Как телохранитель Лильяс, я совершил всего одну ошибку, которую смог исправить лишь спустя много лет.

В голове не укладывалось то, что он говорил. Ну какая же из этой хрупкой девочки демоница?

– Лил – человеческая девушка, она не похожа на тебя ни температурой тела, ни цветом кожи, волос или глаз.

– У наших женщин нет боевой трансформации, зато они умеют идеально подстраиваться под окружающую среду. Лильяс, покажи ей.

Теперь Лил не колебалась: отойдя на пару шагов назад, наклонила голову так, чтобы выбившиеся из прически светлые волосы закрыли лицо.

Несколько ударов моего встревоженного сердца, и девушка посмотрела на меня.

Ее глаза напоминали голубой лед и сверкали от сдерживаемой магии. Кожа, волосы побелели и будто светились изнутри, сама Лил стала выше и тоньше. Старше. Красивей. Таковую сложно жалеть – настолько сильной и безупречной она сейчас казалась.

– Я возвращаюсь домой, Джемма. Спасибо за тепло, которое ты мне дарила. Я благодарна Хельцу, что, найдя меня, он позволил остаться и узнать, во что выльется твоя история с королевским эмиссаром.

Прекрасная демоница улыбнулась. А я не выдержала – преодолела разделившее нас расстояние и крепко ее обняла.

Теперь я поверила, но бояться не могла. Это была все та же Лил, даже с мимикрией. Душевные отношения и заботу не подделать.

– С Оливером попрощаешься?

– Уже. – Лил, совсем как раньше, шмыгнула носом. – Я несколько дней планировала уход. Об одном жалею: не увижу твою свадьбу.

– Если Джемма пожелает, мы можем отправиться в храм Гармонии, – вмешался в разговор Аламейский. – Я договорился со жрецом.

– Леди Сабина уже планирует праздник. Если мы лишим ее подобного удовольствия, она нас убьет.

– Возьму всю вину на себя, – пообещал чародей серьезно. – Ты уцелеешь и останешься вдовой, но вдовой моей.

– Алистер!.. – Черная ирония совсем не показалась смешной. Он для меня уже умирал, не хочу слышать даже шутки на эту тему.

Хельц что-то шепнул Лил на ушко.

Улыбнувшись, она заявила:

– Не хочу, чтобы ты портила отношения с будущей свекровью. Пусть занимается подготовкой к свадьбе, а я подарю тебе платье! Ты ведь не против?

Не передать мое удивление. Как Лил могла подарить его мне?.. Тем более сейчас и здесь?

Я не стала задавать вопросы, просто кивнула.

– Люблю подарки, ты же знаешь.

Лил хмыкнула – обычно она преподносила картины акварелью, вышитые платки и пироги по новым рецептам.

Коснувшись рукава моего слегка припыленного платья, она закрыла глаза. Несколько мгновений ничего не происходило, я слушала умиротворяющий стрекот сверчка...

И едва не вскрикнула, когда подол шевельнулся!

Будто ожив, платье ползло, вытягиваясь вниз, расширяясь, теряя плотность. Резко побелев, оно засверкало, словно присыпанное серебряной пылью.

– Какое красивое, спасибо...

Я не договорила – новый наряд запылал зеленым огнем. Холодным, не обжигающим. Волны изумрудного пламени шли снизу и затухали в области декольте. Волшебное, нереальное платье... Иллюзия.

– Нет, – улыбнулась Лил счастливо и чуточку устало. – Высшая трансформация материи. Оно никогда не исчезнет, сможешь потом передать дочери.

– У меня только Оливер, – напомнила я. – Спасибо, оно невероятно прекрасное!

А Лил подмигнула и подошла к невозмутимому Хельцу.

– Будь счастлива, Джемма!

– Спасибо, и ты тоже, Лильяс!

Оглянувшись, она солнечно улыбнулась и, доверчиво прижавшись к демону, закрыла глаза.

– Я готова.

Лицо Хельца сейчас казалось неживым. Маска, вырубленная из куска льда. И только в желтых глазах таилась печаль. Почему у меня ощущение, что он не рад возвращению домой?..

Мир словно рассекло невидимое лезвие. И в этот невидимый разрыв втянуло демоническую парочку. Щелчок – и тишина густым киселем растеклась в доме.

От присутствия принцессы демонов и ее телохранителя не осталось и следа. Будто и не было их никогда вовсе.

Где-то в полузаброшенном доме часы пробили шесть утра.

Я выдохнула.

Ночь выдалась насыщенной, невероятной. Мы нашли и потеряли. Узнали ответы на старые вопросы и получили новые загадки.

– Не грусти, что-то подсказывает, что мы видели их не в последний раз.

– Ты позволил Хельцу ходить в наш мир, обойдя «Запиратель»? Это не опасно?

Я недолго знала кучера Аламейского и в душе до конца ему не доверяла.

– Нет. Если вернется, Хельц будет опасен только для вампиров. Он добрался до Норда ан Вордера и секретаря Кирайи, но не главного заказчика похищения Лильяс.

– Короля вампиров?

– Да. Он ведь руками демонов планировал обессилить Церестан. Затем, вернув Лил отцу, захватить наше королевство и превратить в свою колонию. После чего взяться за следующую страну.

– У кого-то замашки императора, – прокомментировала я планы венценосного орбирийца. – А Кирайя? Выходит, это она помогала вампирам, а не ее отец? И какие у нее мотивы?

Алистер пожал плечами.

– Деньги? Или ей пообещали кусочек власти? Еще предстоит разбирательство. Главное, чтобы орбирийцы не устранили ее с генералом раньше времени.

Стало неуютно, и я передернула плечами. Бывшая невеста чародея еще та зараза, но смерти я ей не желала.

– Замерзла? Возвращаемся домой? – спросил Алистер, крепко обнимая.

– Да, – согласилась я, с удовольствием проведя рукой по пышной юбке, полыхающей зеленым огнем. – Но прежде... Сказать, о чем я сейчас жалею?

– О чем? – Герцог уже вовсю портил мою прическу, с наслаждением запуская в нее пальцы.

Но я не возражала, он умел превращать обычный массаж в изысканную ласку.

– Жалею, что артефакт исцеления мы так и не нашли.

– И не надо, – отозвался Алистер спокойно. – У меня появились гораздо более важные цели, чем удаление шрамов. Любить и оберегать свою семью. К слову, то, что написано у меня на спине, прочитала лишь одна женщина из всех, которые видели меня обнаженным.

– Алистер! – Я смутилась.

Чародей весело рассмеялся и твердо пообещал:

– А больше никто и не увидит.

* * *

Последний месяц лета радовал прекрасной погодой: жара спала, но дыхания осени еще не ощущалось. Пахло яблоками, теплой мостовой и цветущими розами. Обычными. Орбирийские хищные цветы спешно выкорчевывали по всей стране, заменяя их на привычные розовые кусты.

Отвезя Оливера в пансион и попив чаю с целителем Илфаером, мы возвращались домой.

Открытый экипаж неспешно катился по главной улице столицы. Когда слева показалось серо-зеленое здание Бюро патентов на магические изобретения, я привычно отвернулась.

– Остановите, пожалуйста, – попросил кучера Алистер и тотчас объяснил мне порыв: – Куплю «Голос Церестана».

Подойдя к уличному разносчику, чародей выбрал любимую газету и раскрыл, стоя на месте. Щадил меня, чтобы брезгливо не кривилась?

В последнее время я на дух не переносила ни одно периодическое издание – слишком сильно досталось от журналистов сразу после дня рождения Алистера.

Тогда ему пришлось уехать на две недели – ловить приспешников орбирийцев. И подруги Кирайи решили отомстить: заказали серию некрасивых заметок о новой невесте герцога Аламейского. В чем только меня не обвиняли! Начиная от вульгарных манер и

подозрительного прошлого – и до отсутствия диплома целителя и приворота самого завидного жениха королевства.

За мной следили, когда я ходила по лавкам со слугой, готовясь к свадьбе. Фотографировали исподтишка и нелестно комментировали приподнятый ветром подол, отсутствие зонта от солнца, помощь поперхнувшемуся пирожком прохожему. Последнее вообще абсурд. Якобы я, неполноценная целительница, тренировалась на несчастном...

Мелочная травля длилась несколько дней, затем на мою защиту встали сразу три чудесные женщины: мать Алистера и две королевы.

Леди Сабина явилась в редакцию «Голоса Церестана» и окунула главного редактора в унитаз головой... Шутка.

Я не знаю, что она сделала, но заметки выходить перестали.

Оставалась аристократия, негативно отреагировавшая на выбор Алистера. Но тут помогла королева Патриция, которая стала регулярно приглашать меня во дворец. Я составляла ей компанию во время завтрака, прогулки в саду, посещения модных салонов... Сложно игнорировать ту, которой благоволит ее величество.

Вдовствующую королеву Розалию случайно привлекла на помощь ее новая фрейлина из школы благородных магичек – Хлоя Грэхем. Наткнувшись на хулительную заметку, девушка в порыве откровенности рассказала старшей королеве о том, как я спасла герцога Аламейского в Подгорске. И все... Въедливая мать Элгеуса заинтересовалась нашей историей и причиной, по которой на меня ополчились молодые леди.

Вскоре на меня, без преувеличений, опасались косо посмотреть.

А дальше и вовсе произошла странность: в «Голосе Церестана» стали печатать авантюрный роман о приключениях во время войны с демонами юной целительницы Геммы и боевого мага, графа Олейского. Влюбленных сталкивала судьба и разлучали враги, они находили несметные сокровища и раскрывали заговоры против короны – и так из номера в номер.

Алистеру нравилось – он не пропускал ни одной главы, смеялся от души. Азарий Декатье писал живо и весело, но мне хотелось взглянуть в его бесстыжие глаза и поинтересоваться, зачем он сделал отсылки на живых людей? И что делать с молодыми магами, которые

теперь упоенно восхищались историей любви герцога Аламейского и его невесты?..

Решив позвать зачитавшегося жениха, я обернулась и застыла.

Со стороны Бюро магических патентов быстро шагал высокий мужчина в черном. Вьющиеся волосы тщательно заглажены назад и стянуты в короткий низкий хвостик. Ох, а морщин-то у него прибавилось, как и седины в каштановой шевелюре...

Я отвернулась, надеясь, что вышедший из здания меня не заметит.

Наивная. Он целеустремленно направлялся ко мне.

– Джемма, – позвал мужчина.

Я медленно обернулась, чувствуя, как холодеет в животе.

– Здравствуй, Джемма.

– Доброе утро, – отозвалась я, не поднимая глаз.

Не думала, что он подойдет, что заговорит первым, что...

– Прости меня.

Боги... мне кажется? У меня слуховые галлюцинации?

Подняв голову, я встретила взглядом с самым авторитарным чародеем в моей жизни – директором Бюро магических патентов. Моим дедом.

– Я часто ошибался – это часть работы артефактора, который желает создать нечто новое, – тихо произнес Элиас Ливейт. – И лишь о двух ошибках я буду сожалеть до конца своих дней. Когда решил, что изгнание из семьи вернет тебя на истинный путь, и когда выслушал Дерека Рутшера и не вызвал стражей.

Я подобралась, ожидая неприятных откровений.

Дрожащей рукой дед провел по идеально собранным волосам и продолжил рассказ:

– Я быстро определяю мошенников и знаю, что лучший способ остановить их – сразу категорически отказать в желаемом. И когда Рутшер предложил вернуть тебя в лоно семьи за баснословную сумму, я указал ему на порог. Джемма, я искренне верил, что ты вернешься домой, когда он поймет, что ничего от нас не получит! Прости, я и подумать не мог, что он увезет тебя, затрет ваши следы!

Голова закружилась. Я откинулась на спинку сиденья, глубоко дыша.

– Тихо-тихо, любимая. – Алистер, вмиг оказавшись рядом, погладил по щекам. – Не уплывай, не надо.

Под моим носом оказалась ароматическая соль. В глазах посветлело, и я поспешила успокоить встревоженных мужчин:

– Я в порядке, все хорошо, правда.

– Предлагаю перенести встречу, когда Джемме станет лучше, – произнес Алистер ровно, хотя я чувствовала, что ему не нравится случившееся.

– Мне лучше, честно.

Взволнованный дед кивнул.

– Джемма, приглашаю вас с женихом этим вечером в гости.

Родители ждут.

Взглянув на Алистера, я пообещала:

– Мы будем.

Вскоре экипаж резво катился по улицам величественного Караиза.

Скрыв нас щитом от случайных взглядов, Алистер крепко обнимал и гладил мои распущенные волосы.

– Видишь, твоя семья не отказывалась от тебя, вышло недоразумение.

– Одного не пойму: как Рутшер мог? Зачем столько обмана?

– Раз он был игроком, любил играть чужими судьбами? Иной причины я не вижу.

– И все же... Нет, не пойму.

– И не надо. Даю тебе еще пять минут на страдания, а затем ты забываешь о нем навсегда.

Я невольно улыбнулась: Алистер любил командовать, особенно когда знал, как сделать лучше.

– Хорошо, жизнь продолжается. Старые обиды пускай остаются в прошлом.

– Умница моя, – похвалил чародей весело и жарко поцеловал.

И я растаяла в его руках и нежности.

Какой же он заботливый, надежный... Благодаря ему я помирюсь с самыми близкими людьми. Теперь не только любовь была в моем сердце, но и мир в душе.

Я счастливая женщина, знаю разницу между истинным чувством и замаскированным равнодушием. Бурной первой любовью и любовью страстной, зрелой. И мне невысказанно повезло, что обе я испытала к одному невероятному мужчине.

Конец